

Паата Амонашвили

Послание
в Будущее

Издательский Дом
Шалвы Амонашвили
Тбилиси 2017

Амонашвили Паата

Послание в Будущее

Москва
Издательский Дом Шалвы Амонашвили
2017

Часть первая

1. Десять тысяч метров над XVII веком

Я и Тамара летели в Чехию, чтобы посетить места, где жил и работал великий классик педагогики Ян Амос Коменский. В этой книге он — главное действующее лицо. Поначалу все было обыденно. Я читал книжку про средневековую Европу, дремал и видел себя во сне обнищавшим протестантским рыцарем в изгнании. Пилот сообщил, что за бортом холодно, минус 50, зато в Праге тепло, плюс 20, а мы пролетаем над Моравско-Силезским краем со скоростью 800 километров в час. Появились стюардессы, разносившие напитки. Мы с Тамарой взяли себе воду, и тут начались сюрпризы...

— А мне кофе, пожалуйста.

Это произнес пожилой человек, который занимал третье кресло в нашем ряду. Я удивился, что не заметил его раньше.

Это был совсем больной старичок, с горящими глазками.

Тем временем Тамара заговорила о нашей внучке, которая не хочет ходить в школу.

— Что нам делать? — спрашивала Тамара. — Искать другую школу?

Я собрался ответить что-то, но в наш разговор вмешался больной старичок и сказал:

— Кофе мне нельзя, но здесь нет моей секретарши, которая меня ограничивает... Извините, что невольно вас подслушал, когда вы говорили о современной школе. Знаете, где она родилась? Моравия — над ней мы сейчас и пролетаем. На этих холмах и на этих полях внизу, под нами 400 лет назад жил великий сын чешского народа Ян Амос Коменский. А я сам комениолог, то есть специалист по Коменскому. Профессор многих университетов.

Это было для меня шоком. Какое везение! Писать роман о Коменском, лететь за вдохновением в Чехию и в самолете встретить профессора-комениолога!

— Это фантастика, что мы вас встретили, — воскликнул я, — я же пишу роман о Коменском.

Старичок спокойно ответил:

— Я могу кое-что рассказать. Я начал изучать Коменского давным-давно. Вас еще не было на свете. Это 40-е годы прошлого века. Тогда мир был совсем другим. Мы строили социализм.

— Да, да, — ответил я, — я знаю эту эпоху.

— Ну, так вот, о Коменском известно много. Он жил в начале XVII века. Его отец из деревни Комнина, отсюда и фамилия — Коменский. Он рано осиротел, и попечение взял на себя епископ Ланецкий. Он и дал Коменскому второе имя, прозвище Амос. В переводе с латыни это означает «Любящий». Вот и назвался Коменский так: Ян Любящий.

— А я всегда думал, что Амос означает «любимый».

— Так многие думают, — сказал старичок.

— Расскажите об их христианской общине.

— Они называли себя так: Братское единство, были последователями великого чешского реформатора Яна Гуса, свято верили в христианские таинства и жили по законам Христа, ради спасения своих душ.

— Их преследовали католики, — добавил я.

— Да, у них был враг в лице папской католической церкви. Им не простили то, что они откололись от католицизма, приняли свое вероисповедание и создали свою религиозную иерархию. Откололись они из-за того, что им не нравились коррумпированные кардиналы Римской церкви, которые запрещали им молиться на родном языке и причащаться вином и хлебом, как и завещал Христос. Так они сделались еретиками.

— Значит, Коменский тоже был еретиком? — уточнила Тамара.

— Да, с точки зрения римского папы. Некоторое время им удавалось жить в относительном мире. А епископ Ланецкий

увидел большие способности в молодом Коменском и обеспечил ему образование. Затем его посветили в пасторы и, наконец, назначили руководителем школы в Фульнеке. Это маленький городок в Богемии. Там Коменский начал думать о будущем школы и женился на дочери бургомистра города Пшерова Магдалене, которая родила ему сына с дочкой. Там же он разводил пчел, писал и давал детям уроки под многовековым дубом, который стоял на опушке фульнекского леса. Посетите эти места.

Я ответил:

— Мы это обязательно сделаем.

Старичок продолжил свой монолог:

— В 1617 году королем Богемии был коронован Фердинанд II Габсбург, ненавидевший протестантов. Он еще получил Венгерский престол и стал императором священной Римской империи. Это был ярый католик, и протестантские вельможи в Чехии не хотели видеть его своим королем. Поэтому они пригласили очень влиятельного и богатого протестантского князя Фридриха из Пфальца. Председатель Братского единства, архиепископ Кирилл, сделал его королем Богемии. Это вызвало гнев императора, страна раскололась, вспыхнуло восстание, и вскоре два огромных войска сошлись под Белой горой, около Праги для решающего боя.

Я сказал:

— В этой войне протестанты потерпели поражение.

Старичок ответил:

— Что вы имеете в виду? — удивился я.

Вместо ответа старичок отложил чашечку кофе в сторону, приблизился к нам и сказал завораживающим шепотом:

— В 1621 году в городок, где жил Ян Любящий, пришла великая беда...

2. Обратитесь, или будете истреблены

Над Фульнеком возвышалась старинная крепость. Вице-губернатор Моравии, добрый покровитель Братского единства,

граф Карел Жиротинский выставил усиленную охрану и отправил дежурить на западную оборонительную башню своего сына, юного Снитека.

Собравшиеся в крепостном дворе жители Фульнека ожидали вестей с поля боя с доброй надеждой. Все надеялись на благоприятный исход решающей битвы за вероисповедание при Белой Горе, близ Праги. Там отряды короля Богемии Фридриха Пфальцского, поддерживаемые чешскими протестантскими князьями, сошлись с армией наемных испанских солдат императора Священной Римской империи — Фердинанда.

Священники Братского единства молились в часовне внутри крепости, дети играли на площади, женщины пели, все готовились отпраздновать победу.

После полудня Снитек заметил приближающуюся фигуру раненого всадника, который свалился со своего коня лицом в холодную грязь в ста шагах от высоких ворот крепости и крикнул:

— Воин за оградой! Помочь ему!

Охранники кинулись выполнять приказ. За ними последовали оказавшиеся рядом ремесленники. Вскоре раненого воина занесли за ограду замка и уложили под стеной старой часовни.

Подоспевший граф Жиротинский воскликнул:

— Это же Подебрад, прославившийся своим мужеством во всей Богемии.

Храбрый воин лежал окровавленный и разбитый. Вражеский меч угодил ему в плечо, разорвал кольчугу, но он добрался до Фульнека, несмотря на нестерпимую боль, которая колола рассудок. Его изувеченная правая рука всю дорогу волочилась лишним грузом. В пути он много раз терял сознание. Слава Богу, что верный конь довез его. Такой удар судьбы сокрушил бы любого, но не Подебрада семижильного. Хоть и полуживой, но он добрался до родного города!

Граф расстегнул окровавленную кольчугу воина и, увидев глубокую рану, ужаснулся:

— Боже! Брат мой, что случилось?

Храбрый воин очнулся, с трудом открыл глаза и с хрипом выдал из себя слова:

— Ваше Высочество... Вы меня простите...

— Простить за что?

— За то, что я живой...

Граф понял, что случилась беда:

— Что происходит?

Набравшись сил, Подебрад ответил:

— Я должен был остаться на поле битвы, как и тысячи воинов-собратьев, которые там пали... Мы разбиты у Белой Горы...

Эти слова прозвучали громом и молнией. Тревожное известие облетело Фульнек за считанные секунды.

Граф опустил на колени перед Подебрадом и крикнул:

— Лекаря сюда!

Подебрад глубоко выдохнул и сказал:

— Ваше Высочество, лекарь мне уже не поможет. Мне бы успеть лишь передать вам послание, обнять жену и сына и вверить душу Богу. Я умираю. Бог послал нам горе... Армия императора истребила нас. Братья пали героями. Некому даже хоронить...

Волна негодования пронеслась по собравшейся толпе.

Граф спросил:

— Где коронованный нами король Фридрих Пфальцский?

Подебрад ответил:

— Он сбежал вместе с королевой... Вот такое горе... Я мечтал вернуться победителем, но несу послание врага...

— Брат мой, о чем ты говоришь? — спросил удивленный граф.

Подебрад попытался дотянуться до своего ранца, но не смог и сказал:

— Я совсем уже не могу двигаться... Там послание от кардинала Лохелиуса... Этот коварный первосвященник сам командовал армией на поле боя... Он выбрал меня из всех раненых и приказал передать вам письмо... Он сказал, что это послание спасет

Богемию! Помогите достать... Как мне плохо! Скорей бы мне умереть... Господи, храни нас!

Подебрад задрожал в лихорадке, и его охватила тревога. Тот, кто многие годы громил врага мечом, внушая страх храбрейшим рыцарям, сам превратился в испуганного ребенка перед лицом смерти.

Собравшиеся смотрели на него со слезами на глазах, а граф ободрял его:

— Мужайся, брат мой! Ты герой! А мы с тобой едины в братской любви!

Героя же знобило все сильнее, и он отвечал плача:

— Я умираю, захлебываясь своей кровью... И мне страшно...

Прибежала беременная жена Подебрада, Мария. Толпа пропустила ее, и она упала перед мужем на колени и, обняв его, шептала:

— Пожалуйста, не умирай... Я тебя выхожу... Выхаживала раньше, выхожу и сейчас.

По лицу воина потекли кровавые слезы. Он тихо обнимал жену, дрожал всем телом и шептал ей:

— Моя любимая, побереги силы для наших детей. Тебе предстоит рожать без меня. Роди мне еще одного сына. Слава Господу, наш Ясем уже подросток и будет тебе опорой после меня...

— Нет, нет, нет! — кричала Мария. — Я тебя не отпускаю!

— Я схожу в могилу и вверю вас Богу... Прости меня...

— Ты не смеешь никуда сходить без меня!

Однако Подебрад уже не мог ответить.

Сквозь толпу пробился проповедник, молодой, высокий пастор, источающий спокойствие и умиротворение.

Увидев его, граф сказал:

— Ян Любящий! Хорошо, что ты здесь! Подебраду нужно исповедание. Помолись над ним и помажь его елеем во имя Господа нашего Иисуса Христа.

Пастор наклонился над несчастным воином и сказал заволаживающим голосом:

— Брат мой, ты меня слышишь?

Подебрад с трудом приоткрыл один глаз и, увидев пастора, улыбнулся:

— Брат мой, Ян Любящий... Позаботься о моей семье...

Пастор ответил:

— Обещаю! Сначала же позаботимся о твоей душе...

Подебрад опять закрыл глаза, а пастор произнес молитву над ним:

— Благослови огонь и вар, стужь и зной, Господа. Скажи мне, есть ли какое слово, или дело, или злоба, которая не исповедана или не прощена? Проси прощения у братьев и у врагов... Скажи: «Прости и люблю!»

Губы Подебрада еле двигались. Он пролепетал:

— Прости и люблю.

— Брат мой, знай, что во всех предметах света есть лишь сомнительные призраки, досадный обман и отчаянное бедствие. Дабы открылась тебе истина Света, обратись к Иисусу в сердце своем и скажи: «Прости и люблю!»

— Прости и... люблю...

— Да простятся тебе грехи твои, брат мой...

Пастор достал из внутреннего кармана бутылочку с елеем и помазал лоб Подебраду. Затем он извлек бутылочку с вином и кусочек хлеба для причащения и начал нашептывать молитву:

— Царю Небесный, Утешителю, Дух Истины, который везде находишься и все наполняешь, источник благ и податель жизни, приди и вселись в Подебрада, и очисти его от всякой скверны, и спаси, Благой, его душу.

Умиротворение молитвы передалось Подебраду, и, несмотря на мучения тела, душа его успокаивалась, и на его израненном лице опять мелькнула слабая улыбка.

Тогда Ян начал произносить свою внутреннюю молитву — самую простую, но самую сильную. Эта молитва приоткрывала для него светящую дверь ко Христу. Она потекла токами по всему телу, и Ян почувствовал головокружение. Мир начал уходить из-под его ног, и тогда перед ним возникли невероятные образы.

Мир вокруг него померк, и он увидел, что стоит вместе с Подебрадом перед приоткрытой дверью, откуда изливался чистый, теплый и ласковый предвечный свет. Ян понял, что Подебраду надо идти туда, а он сам здесь для того, чтобы проводить страждущего. Сам Подебрад был растерян, не зная, что к чему. Он удивленно озирался то вокруг, то на свое тело, которое освободилось как от ран, так и от брэнной тяжести.

Тогда Ян обратился к Подебраду и сказал:

— Брат мой, эта дверь ведет в твою вечную обитель. Не бойся, все мы пройдем через нее. Там нет смерти, а есть только жизнь вечная. Достаточно шагнуть туда и вверить себя ангелам, как боль твоя сменится на Божественное тепло, ведь Бог нас любит и греет.

Подчиняясь невидимым силам, Подебрад поплыл к открытой двери и начал растворяться в Свете, пока совсем не исчез.

— Да очистишься ты от всякой скверны, и да спасет Благой твою душу, — повторил Ян три раза, и вдруг неожиданная мысль молнией осветила его ум и сразу овеществилась в словах, — наша жизнь — подготовка к жизни вечной!

Ян оглянулся, почувствовал твердую землю под ногами и увидел бездыханное тело героя перед собой.

Граф объявил собравшимся:

— Подебрад принял смерть как настоящий христианин и герой духа! Царство ему небесное!

Народ перекрестился. Мария тихо плакала.

— Бог нам в помощь, — сказал граф, а Сניתек извлек письмо из ранца Подебрада и вручил отцу.

— Это послание от кардинала Лохелиуса, нашего злейшего врага, — сказал Сניתек.

Граф вскрыл конверт и прочел вслух:

— Его величеству, графу Карлу Жиротинскому, вице-губернатору Моравии. Сударь, сообщаю вам, что полностью разбита армия мятежников, возглавляемая эрцгерцогом Фридрихом Пфальцским, которого незаконно короновали еретики Братского

единства. Мне известно, что большая часть этих отступников находится под вашим покровительством в крепости Фульнека. Я даю им возможность на спасение через возвращение в папскую церковь, единственно истинную церковь Христа! Я призываю их немедленно обратиться, и да будут они спасены, иначе армия истребит неверующих и разрушит Фульнек не далее чем завтра, и я не в силах остановить солдат. Бойтесь гнева Божьего! Уповаю на ваше благоразумие и жду гонца от вас до восхода солнца с сообщением, что они образумились. Если такого ответа не последует, войско двинется на Фульнек. Ваш кардинал Лохелиус.

Возмущение, негодование и отчаяние волнами прокатывалось по собравшейся толпе. Женщины плакали. Мужчины выкрикивали бессмысленные угрозы в адрес католиков. Граф понял, что надо срочно собирать всех пресвитеров Братского единства для принятия решения, и твердо объявил:

— Немедленно созовите старейшин, а также хранителей милостыни и распорядителей сюда на площадь!

Встревоженная толпа в спешке расходилась. Граф обратился к сыну:

— Снитек, поезжай, разыщи председателя Братства, преподобного Кирилла, и доставь его сюда сам.

— Уже еду, — ответил Снитек и крикнул своему кучеру, — Кошечек, подгони мою карету!

Карета появилась, словно по волшебству. Снитек подскочил на ходу, и кучер Кошечек крикнул:

— Кони, эй, эй... Стрелой, скорей!

* * *

На закате толпа народа заполнила весь внутренний двор крепости. Прибыли почти все старейшины Братского единства. Снитек привез председателя Кирилла в сопровождении преподобного Ланецкого. У стены часовни, где недавно погиб Подебрад, установили кафедру. Первым к ней подошел архиепископ Кирилл и, когда все замолкли, сказал:

— Братья мои, Бог посылает нам тяжелое испытание. Его Высочество Фридрих Пфальцский, коронованный нами, бежал после поражения, и наши надежды на спокойную жизнь разбиты. Император творит бесчеловечные преступления. Кардинал Лохелиус, надзиратель по делам веры при папе римском, направляет против нас жестокое войско. Он требует обратиться, изменив нашей вере, за которую боролись наши отцы и деды, иначе грозит истребить нас как преступников. Перед нами тяжелый выбор: измена веры или смерть. Высказывайтесь, кто имеет что сказать.

Толпа содрогалась от отчаяния, возмущения и страха.

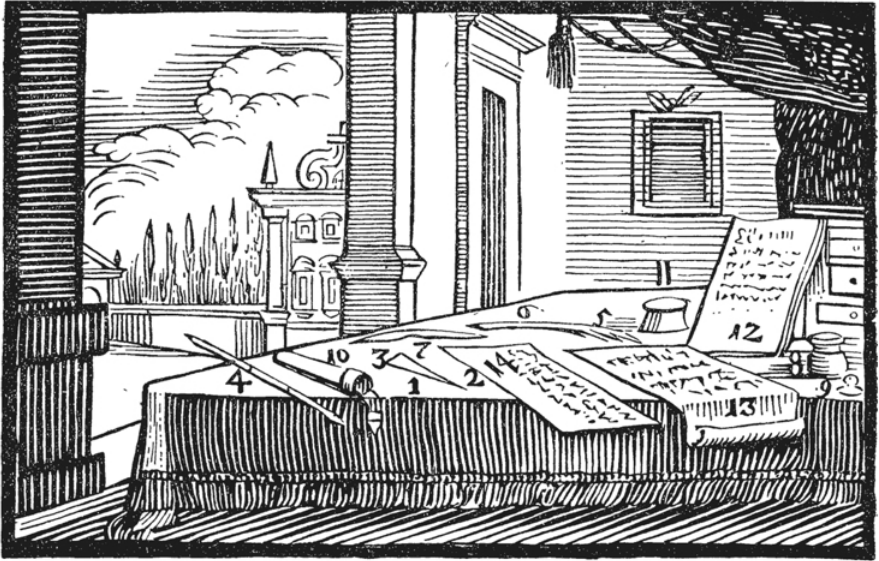
Перед народом предстал преподобный Ланецкий:

— Братья и сестры! В какое несправедливое время мы живем! Наш оплот — святая вера Христова, а нас упрекают в ереси. Наше убеждение — верховенство закона Божия, а нас преследуют как преступников! Папство отпало от истинной христианской церкви и навязывает нам чуждые обряды на чуждом языке. Они бесчестят наше святое стремление, мы же бессильны противостоять. Горе им! И да постигнет их кара Господа Всевышнего! И да сгорит в аду их предводитель, кровавый кардинал Лохелиус!.. Горе императору Фердинанду, пославшему нам истребление из-за нашего вероисповедания. Даже перед лицом смерти я отказываюсь повиноваться алчным священникам папской церкви. Силой оружия нас не отвратить от Бога, ибо священно наше искреннее стремление служить Иисусу Христу и верно исполнять его заповеди! Теперь, когда враг взял верх, я не вижу другого выхода, как бежать в лес от католической церкви, словно от жестокого антихриста, который истребляет наши благочестивые стремления. Пусть мы превратимся в изгнанников на собственной земле, но от веры не отступим! И да не простит великий Бог разгром благочестивых моравитян.

Народ одобрительно гудел, а Кирилл взглядом нашел среди толпы Яна и сказал:

— Среди нас — ученейший Ян Коменский, которого мы справедливо прозвали Любящим. Он пастор среди нас и попечи-

Regnum et regio. Государство и страна.

Multae Urbes et Pagi faciunt Regionem et Regnum.

Rex aut Princeps sedet in *Metropoli*; 1.

Nobiles, Barones, et Comites habitant In circumjacentibus *Arcibus*; 2 Rustici in *Pagis*. 3

Juxta *Flumina navigabilia* 4 et *Vias Regias* 5 habet sua *Telonia*, ubi a navigantibus et iter-facientibus Portorium et Vectigal exigitur.

Много городов и деревень образуют страну и государство.

Король или князь живет в столице (1).

Вельможи, бароны, графы живут в окружающих замках (2); крестьяне — в деревнях (3).

На судоходных реках (4) и больших дорогах (5) князь имеет свои таможи, где с едущих по воде или по суше взимается плата за право проезда и пошлина за товары.

тель нашей школы. Он досконально изучил историю Братского единства. Я хочу, чтобы мы выслушали его мнение по поводу нашего бедственного положения.

Ян поднялся на кафедру и сказал:

— Братья мои, хочу признаться, что я растерян. Многие годы мы строили новую, счастливую жизнь по заповедям Христа, по подобию первобытной апостольской церкви и по примеру наших дедов и прадедов, которые ценой жизни защищали нашу веру. С помощью Бога мы расположили себя для святого товарищества и приспособили свои правила к чистому вероисповеданию Бога и наставлению церкви. Мы стремимся к спасению души так же, как и все христиане. Мы ищем благодати Бога через искреннюю веру и непоколебимую надежду; ревностно любим Бога в ответ на Его безграничную любовь к нам. За это ли нас убивают братья-христиане? За это ли мечи лишают жизни жен и детей от имени Христа? К какому будущему мы продвигаемся так? И как такое возможно?

Из толпы послышались возмущенные голоса:

— Это варвары.

— Убийцы...

Ян продолжил:

— Кто же породил этих варваров? Они учились в школах. У каждого свой учитель! Не значит ли это, что школой завладел какой-то злой и завистливый гений, враг человеческого рода? Именно он укоренил такой суровый метод, что ученики проникаются отвращением к наукам, к книгам, а вместо этого превращаются в палачей и убийц. Школы и школьные учителя воспитывают армию убийц, которые грабят и, отдавая часть награбленного католическим духовникам, покупают себе ложное отпущение грехов. Это исторгает из моей груди стенания, из очей — слезы, из сердца — печаль. Я не знаю, как быть. Мы бессильны перед лицом истязателей.

Народ слушал Яна со слезами затаив дыхание, и чем дальше он говорил, тем тише становилось на площади.

— Дарами церкви мы разжигаем веру, словами Бога лелеем надежду и через божественные таинства укрепляем в себе любовь. Мы стремимся к благодати Бога Отца, к добродетели Христа и к дарам Святого Духа, и за это нас убивают. Отчего нам такая кара? Мы установили свой порядок вещей согласно Святому указанию, данному в Святых Писаниях, которое мы восприняли на лучших примерах жизни апостолов, и за это нас уничтожают. Мы не признаём корыстных духовников наивысшим проявлением чистоты и веры, и за это нас уничтожают. Мы не признаём алчных пасторов проявлением пылающей любви и твердой надежды, и за это нас уничтожают. Мы не признаём жадное духовенство проявлением благодати Бога, и за это нас уничтожают. Зачем?

Толпа гудела:

- Нет справедливости!
- Почему Бог нас карает?
- Как быть?..

Ян продолжал:

— Я признаю, что пребываю в глубоком отчаянии, ибо нам запрещают молиться на родном языке и причащаться хлебом и вином, говоря, что якобы это неверие. От нас требуют отказаться от нашего порядка и вернуться в папскую церковь. За наши порядки положили головы тысячи наших рыцарей. Теперь их нет. Нам нечем защищаться. Братья мои! Считаю, мы должны проголосовать и решить, преклониться перед папой или бежать с родных мест?

Народ кричал:

- Мы не подчинимся!
- Лучше уж будем беженцами!
- Не хотим католиков!

Граф Жиротинский встал рядом с Яном и сказал громко:

— Друзья мои, братья и сестры! Вижу, что вы не намерены подчиняться папе. Остаться в Фульнеке вам опасно. Могу предложить вам для временного убежища городок Брандис над рекой Орлица в моих отдаленных владениях. Армия туда доберется не скоро, и будет время принять правильные решения. Вас

вынуждают стать беженцами на своей земле. Но это лучше, чем быть рабами папы и Фердинанда...

Толпа волновалась:

— Благодарим, Ваше Высочество!

— Двинемся в Брандис!

Тогда к кафедре подошел архиепископ Кирилл и приказал:

— Бейте во все церковные колокола! Призывайте народ к спасению!

Спокойный, уютный и умиротворенный Фульнек заметался перед лицом смерти. Охваченные страхом, движимые единственным помыслом остаться в живых, под бесперебойный звон церковных колоколов, все двинулись в сторону Брандиса, через фульнекский лес. Скоро дорога заполнилась длинной вереницей беженцев. Свет мерцающих факелов освещал путь каретам, повозкам, телегам, доверху набитым сундуками, мешками и коробками — всем тем, что успели упаковать и загрузить. В отчаянной попытке укрыться от врага люди в спешке хватали все, что могли спасти из домашней утвари, и бежали из города в густой лес. Колеса громыхали по камням, перепуганные женщины не могли унять плачущих детей. Крестьяне и ремесленники, дворяне и простолюдины, все самоотверженно спасали свои семьи и всех верующих во Христа.

Граф Жиротинский заботился обо всех. Он факелом освещал дорогу избавления и неустанно повторял:

— Бог накажет преступников.

Все, кто мог бежать, бежали. Те же, кто не мог покинуть город, укрылись в храмах и усиленно молились, надеясь на помощь с небес.

Лишь одна Мария, беременная вдова Подебрада, суетливо пробивалась против течения толпы обратно в Фульнек. Она рыдала, и некому было ей помочь. Вскоре с ней поравнялась повозка, на которой Ян спасал свою семью.

В повозке сидела жена Яна Магдалена с детьми — младенец на руках и двухлетний сын на коленях.

Увидев Марию, Ян остановился и спрыгнул с повозки:

— Дочь моя, что случилось?

Она ответила сквозь слезы:

— Я потеряла Ясема, сына моего. Он был в школе Фульнека, а говорят, скоро там будут вражеские солдаты. Сейчас он в опасности, и я должна его спасти. Возможно, что там и другие потерявшиеся дети.

— Кто еще потерялся?

— Никто не видел близнецов-сирот из Нивница.

Ян сказал:

— Тебе нельзя в Фульнек.

Мария рыдала:

— Тогда мой сын погибнет...

Ян немедленно принял решение.

— Дочь моя, обращайся к Господу с горячими молитвами и забирайся в мою повозку. Я сам пойду за Ясемом. Магдалена, помоги Марии...

Мария села рядом с Магдаленой.

Ян оглянулся и увидел пекаря.

— Дрдоличек, — сказал он ему, — бери вожжи моей повозки вместо меня и береги женщин с детьми.

Магдалена плакала:

— Ян, не оставляй нас...

Ян обнял жену и успокоил:

— Нам нечего бояться, кроме Бога, а Бог с нами. Следуйте за всеми в лес, а я обещаю, что скоро догоню вас. Мы воссоединимся в Брандисе.

Магдалена просила:

— Молю тебя, отправь меня с мальчиками в Пшеров, к моим родителям. Там гораздо спокойнее.

Ян ответил:

— Не хочу разлучаться с тобой. Но, если на то твоя воля, да будет так. Поедете в Пшеров из Брандиса. Верю, что наше бедствие временное и Бог скоро вернет нас на родину.

Тем временем Дрдоличек взял вожжи, и тележка поехала дальше.

Ян направился к Фульнеку, пробиваясь через толпу беженцев.

Скоро его заметил граф:

— Ян, куда ты?

— Ваше Величество, я возвращаюсь в Фульнек.

— Зачем? — удивился граф.

— Спасать божьи дары, драгоценное сокровище, которое осталось там в школе.

— Мы не оставили врагу ни золота, ни серебра, ни камней.

О каком сокровище ты говоришь?

— В школе остался Ясем, сын героя Подебрада. Возможно, что с ним нивницские сироты-близнецы.

Граф Жиротинский смотрел на учителя с удивлением.

Тут же появился Ланецкий. Он слышал беседу и смотрел на Яна с одобрением. Увидев его, Ян почтено склонил колени перед своим учителем и благодетелем:

— Преподобный, благослови меня на дело Господа нашего.

Ланецкий возложил руки свои на голову учителя и ответил:

— Ян Любящий, ты укреплен мужеством, безбоязненно следуешь по пути праведному, неустанно благословляешь Господа и ангелов Его, крепких силою, исполняющих слово Его и повинующихся гласу Его, так что ангелы всюду следуют за тобой, освещая тебе путь. Ты же поставь себе путевые знаки, обрати сердце твое на путь-дорогу, по которой идешь, и возвращайся с твоим сокровищем, на спасение которого Бог призывает тебя.

Тогда граф сказал:

— Ян, ты мужественный человек! Но одного я тебя не отпускаю. Пусть тебя сопровождает сын мой, Снитек.

Снитек стоял рядом:

— Для меня честь быть рядом с учителем, — сказал он. — Кошечек, разворачивай мою карету!

Кучер Кошечек ужаснулся:

— Ваше Высочество, вы же на верную смерть себя отдаете. Это жестокая опасность для жизни и телесного здоровья.

Граф грозно посмотрел на кучера:

— Выполняй приказ, болтун!

Они сели в карету, и кучер погнал лошадей:

— Эй, эй, эй! Вперед, смелей!

Некоторое время они ехали молча. Снитек долго думал о чем-то и, наконец, спросил Яна:

— Учитель, почему вы назвали детей сокровищем?

Учитель ответил:

— Потому, что каждый ребенок дороже золота, серебра и драгоценных камней, ибо он есть образ живого Бога, и забота о его сохранности дарует нам любовь Бога. Ясем же — особенный.

Снитек задумался:

— В чем это проявляется?

— Бог пробудил в нем дар предвидения. В своих грезах он увидел взятие Фульнека и наше изгнание.

Снитек удивился:

— Неужели? Так почему вы никого не предупредили?

— Потому, что я ему не поверил. Я посчитал, что это лишь сон мальчика, которому всего тринадцать лет. Но я ошибся, он был прав. Ясем — провидец.

3. Ради новой школы надо убрать старую

Карета неслась по безлюдным улицам Фульнека, вдоль опустевших домов. В переулках мелькали тени перепуганных людей, скрывающихся в подворотнях.

Они проехали мимо медовой лавочки. Дверь была открыта настежь. Видимо, лавочник не успел затворить.

Снитек сказал:

— Как я любил мед из этой лавки... Учитель, правда, что лавка выстроена по вашей просьбе?

— Да! — ответил Ян. — Я же и посоветовал разводить пчел в Фульнеке. Теперь, наверно, погибнут пчелы, а враг сожжет лавку.

— Почему такая несправедливость?

— На все воля Бога...

От ратушной площади они свернули на узкую улочку ремесленников и, выехав на площадь торговых рядов, остановились у одноэтажного деревянного здания школы.

Было безлюдно и тихо. Они вышли из кареты и внимательно осмотрелись. Снитек зажег два факела. Один передал учителю, а другой оставил себе. Никого не было видно, но он суетился, предчувствовал опасность.

— Учитель, — сказал он, — вы идите в школу и найдите там детей. Я подежурю здесь. Торопитесь.

Ян вошел в школу с горящим факелом и громко позвал.

— Ясем, где ты?! Есть здесь кто-нибудь? Отзовитесь!

Ответа не было...

Только лишь тени прыгали по темным стенам коридора, и перед Яном нарисовались глубокие пороки школы. Как попечитель, он очень хотел наполнить эту школу веселыми детскими возгласами, радостной шалостью и счастьем познания, но не хватило времени. Пока же здесь все было пропитано тоской и слезами, страхом и строгостью, тяготами и мучением. Ян хотел бы видеть здесь мастерскую людей, которая озаряет умы блеском мудрости, направляет душу ко всеобщей гармонии добродетели и насыщает сердце божественной любовью, но эти стены больше походили пока на настоящую темницу для заточения.

Он видел, что эта школа, как и все другие, которые он посещал, наносят больше вреда, чем пользы. Образование прививается извращенно, пренебрегается воспитание благочестия и нравственности. Даже и не поднимается вопрос о доброй жизни. И в результате вместо кротких агнцев из школ выходят дикие ослы и неукротимые мулы, которые выносят только поверхностную обходительность для светской пустоты. Они не хотят и не могут

познавать древо жизни, настроены на разрушение вместо созидания и не ищут истинной сущности вещей, а лишь извлекают грубую словесную шелуху попугайской болтовни.

Как только его назначили попечителем, страстно желая исправить все, Ян начал писать произведение по исправлению школ. Он описывал школу, которая приучала бы детей к небесной жизни уже на земле. Он изложил свои планы на сотнях страниц, которые лежали здесь, в его кабинете, за деревянной дверью, в конце коридора. Там, в небольшом сундучке, он хранил наброски учебников, методические заметки, дневники, письма — все плоды своей многолетней работы.

«Исправить сложнее, чем выстроить новую, — подумал он и приказал себе, — найду Ясема, потом заберу и рукописи!»

— Ясем, где ты?!

Ответа не последовало, и тогда Ян в спешке начал заглядывать в классные комнаты, но находил лишь эхо учительского раздражения и отголоски ударов розг.

Когда Ян почти отчаялся найти кого-либо, он услышал тихие детские голоса из чулана и сразу направился туда.

— Ясем, ты там?

Он открыл дверь и увидел, что в темном углу укрываются два перепуганных мальчика. Узнав учителя, они покинули убежище и подбежали к нему.

Это были сироты из Нивницы.

Ян воскликнул:

— Эраст! Бенедикт! Дорогие друзья, как я рад вас видеть.

Они отвечали, перебивая друг друга:

— Слава Богу, что вы нас нашли!

— Господь послал вас нам на помощь.

— Ночью зазвонили колокола, и весь город опустел.

— Мы не знали, что делать, и спрятались здесь.

— Потом Эраст испугался.

— Я испугался? Никогда в жизни я ничего не пугался.

Я храбрый, а Бенедикт сам испугался.

— Ничего подобного...

Ян прервал их спор:

— Я не сомневаюсь в вашей отваге. Вы правильно поступили, что скрылись от врага здесь. Теперь дайте мне крепко обнять вас.

Каждый раз, когда Ян обнимал детей, он чувствовал, что обнимает ангелов, и не сомневался: где дети, там и ангелы.

— Вас защищают небеса... и меня, вместе с вами... — сказал он, — однако я ожидал найти здесь и Ясема тоже. Вы его не видели?

Близнецы ответили в один голос:

— Ночью он был здесь, но убежал.

— Он сказал, что у него важное дело.

— Обещал вернуться.

— Но не возвращался.

— Сейчас его здесь нет.

Тут они услышали ругань солдат и бряцание оружия снаружи.

— Тише! — сказал Ян, понимая, что на площади появился враг.

Снитек и Кошечек что-то кричали в ответ солдатам, но, видимо, над ними взяли верх, и послышался приказ:

— Связать их!

Вслед за этим Ян услышал другой приказ:

— Поджигай школу! Это рассадник ереси!

Ян понял, что Бог посылает им новое испытание и надежды на спасение не оставалось.

Один из солдат разбил окно и бросил горящий факел внутрь. Все разом вспыхнуло. Деревянные стены, пол, потолок и парты загорелись очень быстро.

— Надо спасаться! — сказал Ян детям и повел их к выходу.

Он чувствовал, как огонь охватил всю ту жизнь, которая царила в школе. Пламя пожирало не только стены, но и школьные наказания, мучения детей, розги и пытки. В его воображении горела сама суть школы.

Он успел подумать: «Несмотря на трагизм происходящего, в пожаре есть и нечто полезное. Ради новой школы, где учение будет в радость, надо убрать старую, где учение — пытка».

Тем временем коридор быстро заполнялся ядовитым дымом. Слава Богу, они уже были у выхода.

— Возможно, нас схватят, но мужайтесь! Доверимся Богу — и вперед! — сказал Ян детям.

Прямо в дверях школы они столкнулись с солдатами.

Один из них закричал:

— Раздери меня нечистый! Я поймал еще крыс!

Другой подхватил:

— Тьфу ты... Дьявола мне в печень! Вот сейчас будет потеха с этими еретиками!

Яна с мальчиками грубо бросили на землю, рядом со связанными Снитеком и Кошичком. Близнецы дрожали от страха. Кошичек бормотал что-то невнятное, а Снитек держался очень мужественно. Он грозно посматривал на злых солдат, которые плевали в их сторону и кричали, издеваясь:

— Вот черт свел нас с этими еретическими отбросами.

— Отправим их в тартарары через костер!

— Рубанем и прошибем им головы!

Они размахивали саблями, и тут из-за их спины выдвинулся сердитый командир. Он закричал на солдат:

— Стойте, раздери вас нечистый! Сначала надо их допросить!

Все повиновались командиру, кроме одного солдата со шрамом на лице.

— Лопни мои глаза! — кричал он. — Чего с ними говорить? Видно, что это еретики! В петлю их, и пусть дьявол с ними болтает!

Командир грозно огрызнулся:

— Заткнись, сатана! Мозги тебе мечом прошибу, пусть черт твой череп на ужин собирает! Здесь я командую, а ты мне раб! Вы все мои рабы!

Apes
emittunt *Examen* 1
adduntque illi
Ducem (Regem). 2
Examen illud,
avolaturum, revocatur tinnitu
Vasis aenei 3
et includitur novo *Alveari*. 4

Struunt
Cellulas sexangulares, 5 easque
complant mellagine,
et faciunt *Favos*, 6 quibus
Mel 7 effluit.

Crates, igne liqueate,
abeunt in *Ceram*. 8

Пчелы
образуют рой (1)
и дают ему вождя (2).
Когда этот рой
собирается улететь, его
отзывают назад звоном
медного таза (3)
и помещают в новом улье (4).

Пчелы строят
шестигранные ячейки (5),
наполняют их медвяным
соком цветов и делают соты
(6), из которых течет мед (7).

Ячейки,
растопленные на огне,
превращаются в воск (8).

Солдат со шрамом сразу отступил:

— Ладно, командир, конечно, ты главный! Провались мне сто тысяч раз, если я ослушаюсь. Я хотел как лучше...

Командир ответил:

— Как лучше — это знают только Его Преосвященство кардинал Лохелиус, генерал фон Бойценбург и я! А вы, горшки туалетные, должны слепо подчиняться!

Восстановив порядок, командир обратился к Яну:

— Ну, говори, засохшая барабанная шкура, кто вы такие и какие черти вас сюда приволокли?

Учитель ответил спокойно:

— Мое имя Ян Коменский. Милостью Бога я попечитель этой школы, которую вы сейчас подожгли. Со мной сироты, мои ученики. Надеюсь, вы проявите благоразумие и не причините вред ни детям, ни нам.

На это командир выкрикнул:

— Так ты чертов учитель этой школы?

Ян ответил:

— Я учитель с Божьего позволения, а чертов учитель, скорее всего, воспитывал вас.

Солдаты вдруг взорвались и закричали:

— Он еретический проповедник...

— Раствлитель душ...

— Прикажи казнить их!

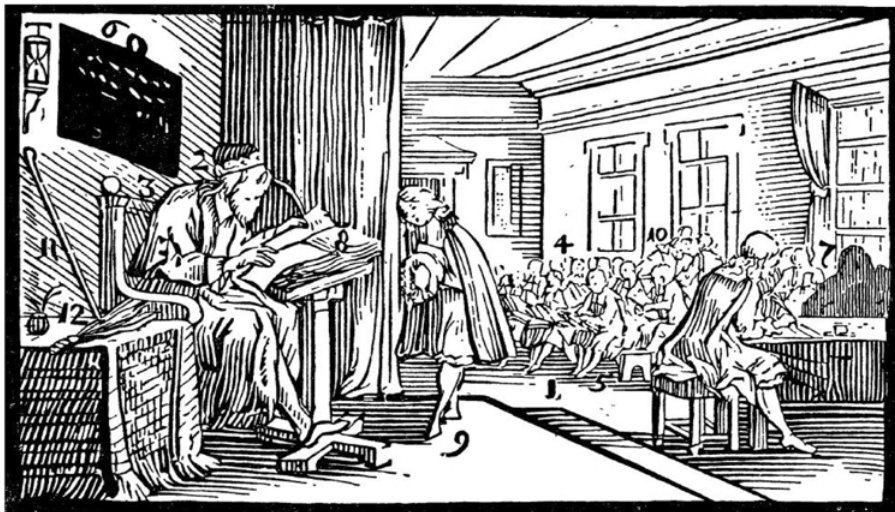
— Отправим их чертям на съедение!

Солдаты петушились, а командир хотел их заткнуть строгим приказом, но вдруг они сами все заткнулись как один, низко поклонились и пропустили вперед высокого священнослужителя, которого сопровождал отряд рыцарей в красных доспехах.

Подняв глаза, Ян увидел перед собой человека в фламандском пурпурном плаще, который был расшит нитями чистого золота и украшен многочисленными драгоценными камнями. В правой руке он держал величественный золотой посох, похожий на копье с инкрустированным бриллиантами текстом молитвы «Отче

Schola.

Школа.

Schola 1 est officina, in qua novella animi ad Virtutem formantur; et disingitur in *Classes*.

Praeceptor 2 sedet in *Cathedra*; 3 *Discipuli* 4 in *Subsellis*; 5 ille docet, hi discount. Quaedam praescribuntur illis creta in *Tabella*. 6 Quidam sedent ad mensam et scribunt; 7 ipse corrigit 8 *Mendas*.

Quidam stant 9 et recitant memoriae mandata. Quidam confabulantur 10 ac gerunt se petulantes et megligentes; ji castigantur *Ferula* (baculo) 11 et *Virga*. 12

Школа 1 есть мастерская, в которой юные души воспитываются к добродетели; она разделяется на классы

Учитель 2 сидит на кафедре 3, ученики 4 - на скамьях 5. Учитель учит, а ученики учатся. Кое-что пишется для них мелом на доске 6. Некоторые из учеников сидят за столом и пишут 7. Учитель исправляет ошибки 8.

Некоторые стоят 9 и читают вслух то, что выучили на память. Некоторые разговаривают 10 и ведут себя, как шаловливые и небрежные ученики. Они наказываются лозой 11 и розгой 12.

наш» на латыни. На указательном пальце его левой руки сверкал огромный перстень с крестами из бургундских сокровищ.

Окружающие его рыцари в красных доспехах молча стояли вокруг него.

За кардиналом тенью следовал пастор Флуктус, с позолоченной книгой Святого Писания в руках, который громко объявил:

— Его Высокопреосвященство кардинал Лохелиус, надзиратель по делам веры, духовный наставник Его Величества императора Фердинанда.

Командир низко поклонился священнослужителю и сказал с почтением:

— Мы тут поймали еретиков...

Не ответив командиру, кардинал со строгим взглядом изучил обстановку, медленно подошел к пленникам и внимательно их разглядел. Затем он подал руку с перстнем Яну, помог ему подняться и обратился к нему на латыни:

— Приветствую тебя, Коцениус...

Ян удивился:

— Вы меня узнали?!

Кардинал не обратил на это внимания и обернулся к Снитеку, предлагая встать:

— Ваше Высочество, вы молодой граф Жиротинский. Приветствую вас.

Снитек встал и угрюмо поклонился.

Кардинал сказал:

— Пожалуйста, простите за грубость этих неотесанных солдат.

Снитек потребовал:

— Ваше Преосвященство, велите им вернуть мой меч.

Кардинал приказал:

— Верните меч молодому графу!

Солдаты немедленно подчинились, хоть и удивились.

Затем кардинал повернулся к Яну:

— Господин Коцениус, признаюсь, я приятно удивлен встретить вас здесь. Конечно, я желал бы познакомиться с вами

в обстановке большого почтения к вам. Однако судьба распорядилась обустроить наше первое общение в окружении грязных солдат и горячей школы. Не скрою, в этом проявляется мудрость Бога, однако мы не в университетском диспуте, и я вынужден вас спросить: что вы тут делаете?

Ян стяхнул пыль со своей рясы и ответил:

— Ваше Высокопреосвященство, я тоже желал бы встретиться с вами в обстановке мира, однако грубая сила направлена против нас, и здесь мы пожинаем плоды вашей жестокости.

Кардинал изобразил удивление:

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду все, что вы творите, — безжалостно истребляете города и храмы, убиваете наших братьев, не щадите даже женщин с детьми, сжигаете то, что устраивалось в течение долгих лет! А самое главное, вы уничтожаете нас, зная, что в нас нет вины, кроме той, что мы допустили некоторые изменения в обрядах при совершении таинств. Это ли для вас справедливо? Этого ли желал Христос?

Эта речь возмутила солдат, и они начали выкрикивать:

— Не слушайте его, Ваше Высокопреосвященство!

— Это манихей!

— Он несет еретическую чушь!

— Кровь из носу!

— Дайте нам пальнуть, чтобы глаза у него на лоб вылезли!

Кардинал приподнял указательный палец левой руки, бриллиантовый перстень сверкнул, и солдаты разом заткнулись.

Тогда кардинал сказал:

— Господин Комениус, ваши братья — отступники. Почему вас удивляет, что я пытаюсь вернуть ваши заблудшие души в лоно правой веры? Только через Римскую церковь возможно спасение, а папа — верховный пастырь, прямой и непосредственный блюститель божьего мира. Вы против него, значит, вы против Бога. Никто не хочет быть жестоким с вами. Мы лишь хотим

образумить вас. Возвращайтесь к правой вере, и да спасены будут как тела ваши, так и души.

Ян ответил:

— Ваше Высокопреосвященство, не противоречьте себе. Грубой силой вы не можете направить заблудшую паству на путь истинный. Мы видим в Римской церкви лишь образы растлевающего клира и пустословия. Вы потеряли внутреннее духовное настроение веры и любви в Духе Святом. Мы безоговорочно покоримся Римской церкви, как только папа восстановит верность первобытной апостольской церковной традиции. Но ваши священники покупают посвящение за большие деньги. Не считая грех за грех, они дают полную волю своим телесным похотям, говорят перед людьми о Боге, чтобы получить от них деньги. Они без стеснения наживаются на индульгенциях и бенефициях. В этом ли воля самого Христа? Мы всегда будем отвергать священников, которые купаются в роскоши, ибо их отвергает сам Христос. Кому же приписать всю вину за это? Не виноват ли во всем сам папа римский?

Солдаты опять не сдержались и в гневе начали выкрикивать:

- Он оскорбляет все святое на земле!
- Его бы разрубить на части и скормить чертям!
- Ваше Преосвященство, прикажите казнить их немедленно!

Кардинал охладил пыл солдат строгим взглядом и, обратившись к Яну, сказал ему спокойным тоном:

— Сударь, таких ересиархов и схизматиков, как вы, надо предавать анафеме. Вы увлечены гордостью Люцифера и волчьей лютостью таких возмутителей, как Гус или Виклеф. Вы следуете за преступниками вроде Иеронима Пражского или Якубелусса. Они объявлены еретиками, а их сочинения сожжены, ибо они заразили пагубной ересью целые королевства. С вами надо поступать по всей строгости церковных и гражданских законов. Силой апостольской власти мы убеждаем всех государей, правителей и начальников изгонять вас, членов еретической секты Братского

единства, заточать в темницу и содержать в железных цепях. Зачем ваши вельможи возмутили эту войну мятежом? Зачем ваш архиепископ потакал им, короновав Фридриха Пфальцского королем Богемии, зная, что у страны уже есть король от Бога. Это ли по-христиански? Однако вы можете положить конец гонениям. Отбросьте непослушание, перестаньте упираться, отрекайтесь от неверия, и будете спасены! Иначе вы вынуждаете меня вразумлять вас, заблуждающихся, не столько духовным, сколько мирским оружием, и я буду настойчив, пока вы не вернетесь в лонно единственно истинной церкви.

Ян ответил:

— Как вы можете судить о нашей вере, если вы мало знаете о нас? Десятилетиями и веками мы взываем к тому, чтобы нас законно выслушали. Мы не раз прилюдно обещали исправить указываемые нам недостатки в делах и послушании, но кто с нами говорит? Справедливое обсуждение могло бы привести к прекращению всех несогласий и войн. Ведь и нам могут быть открыты тайны Божьи. Ввиду непонимания, после долгого размышления и молитв к Богу, мы решили возвратиться к вере Христа и апостолов. Это было сделано не против кого-нибудь, а лишь ради спасения наших душ. Если бы вы нас знали лучше, вы не стали бы приписывать нам смертельные обвинения. Следуя примеру Христа и апостолов, мы были вынуждены отделиться от иерархии Римской церкви.

Кардинал ответил строго, но уравновешенно:

— Вы играете под дудку сатаны! Вы не повинуетесь священному собору, вы предоставляете конфирмацию без исповеди у католического духовенства, вы рукополагаете священников против канонических правил, вы проявляете неуважение к священной воде и иконам, вы совершаете мессы без дозволения апостольского престола, вы проповедуете на народном языке, игнорируя латынь. После всех этих преступлений против Бога и церкви вы требуете вас выслушивать? Нет! Вы заслуживаете самого строгого наказания, и оно последует незамедлительно, но у вас есть

возможность все исправить. Покайтесь немедленно — и будете спасены! Вы учитель, и за вами последуют другие! Спасите ваш народ, иначе я буду вынужден вас казнить прямо сейчас!

Кардинал вдруг замолк. Командир понял, что делать, и дал знак солдатам, которые направили на Яна сабли и копья. Одно слово, и они были готовы заколоть преступников.

Снитек напряженно наблюдал за всем. Он крепко, до крови сжимал свой меч, истекал потом от напряжения и готовился кинуться на ненавистного кардинала, или на командира, или на обоих...

А пожар разгорался, охватив все здание...

Кардинал ждал ответ от Яна и предупредил его:

— Господин Комениус, мир ждет вашего решения! Покайтесь ради спасения вашего народа! Даю вам десять секунд...

Не дрогнув, Ян ответил:

— Ваше Преосвященство, моего покаяния будет недостаточно. Помогите мне остановить это безумство, которое творится между христианами, ибо оно может истребить всю Европу. Призываю вас начать возрождение мира среди всех христиан прямо здесь, на этой горящей площади, ибо у нас одна вера и один Бог. Я служу ему не меньше вашего.

Кардинал Лохелиус рассмеялся:

— Сударь, как мне помочь вам, когда вы не хотите каяться? Возвращайтесь к Господу, и вы получите руку помощи от меня! Сделайте это прямо здесь, и я обещаю вам индульгенцию. Бог свидетель: я не хочу казнить вас, но без покаяния вы опаснее тысячи необразованных ремесленников. Возвращайтесь в истинное вероисповедание, и будет вам рука помощи не только от меня, но и от Господа нашего Бога! Смотрите, уже полыхает ваша школа и... ваши рукописи уже горят.

Ян удивленно посмотрел на кардинала:

— Рукописи? Откуда вам известно о моих рукописях?

Лохелиус ответил:

— Буду честен! Мы давно следим за вами и знаем о ваших замыслах преобразования школы. Ваши записи очень ценны,

важны и всеобъемлющи, но они также чрезвычайно опасны без правой церкви. Поэтому я велел сжечь школу, дабы убедиться, что ваша работа не будет продвигаться в ереси. Однако если вы обратитесь, я вам обеспечу возможность восстановления всего, и, более того, я помогу осуществить все ваши замыслы. Хотите новые школы? Они будут вам отданы! Хотите печатать ваши сочинения? Будут на вас работать печатные станки. Всё будет в правой вере. Но в ереси вы несете пагубу. Именно поэтому я приказал направить самое жестокое войско на Фульнек. У меня здесь особая цель. Предать огню ваши еретические сочинения, которые, я знаю, хранятся в этой школе. Вот почему я приказал сжечь это здание дотла и убедиться в этом собственными глазами!

Ян удивленно посмотрел на кардинала:

— Неужели вы истребляете столько людей в этой бессмысленной войне лишь затем, чтобы сжечь мои рукописи?

Кардинал кивнул:

— Да! Вы и ваши единомышленники очень опасны, ибо, в отличие от других, вы красиво говорите и потому распространяете ересь с пронизательным умом, с глубоким знанием и с завидным рвением. Это делает вас очень опасными преступниками. Вас мало уничтожить. Надо истребить еще ваши разлагающие сочинения. Да, я здесь, чтобы превратить в пепел ваши труды.

Ян ответил:

— Откуда такая кровожадность? От папы? От императора?

— Я служу Его Величеству императору Фердинанду и советую помнить, что он есть король Богемии, Венгрии, Рима и император Священной Римской империи! Его воля на этих землях — закон! Я соглашаюсь, когда он говорит, что лучше пустыня, чем страна, полная еретиков. А вы — еретик, пока не покаетесь.

Ян сказал:

— Ваше Преосвященство, вы опять противоречите себе. Даже если я приму католичество, я буду писать все то же самое. Я не буду меняться.

— Но вы будете писать уже в правой вере. Это совсем иное! Я очень хочу видеть вас в наших рядах. Обратитесь, и мы вместе построим школу будущего на развалинах этой, справедливо сожженной... Иначе Господь истребит вас с лица земли, ибо вы отступили от Него, и ничего не спасет вас в день гнева Господа, и огнем ревности Его будет поражена вся ваша земля, и внезапное истребление совершит Он над вами.

Ян ответил:

— Да, да! Вы справедливо сожгли эту закаменелую школу, которая воспитывает варваров вроде этих солдат. Там не учили главному предмету — ЛЮБВИ К БЛИЖНЕМУ И ЛЮБОВИ К БОГУ! Теперь вы хотите, чтобы я перешел в ваш лагерь. Вот мой ответ вам...

Кардинал напрягся.

Напряглись и солдаты.

Кошечек дрожал, а Снитек опять сжимал рукоятку меча до боли.

Ян сказал твердо:

— Вы убиваете нас беспощадно, и это значит, что у вас лагерь убийц. Вы сжигаете евангелические храмы, и это значит, что у вас лагерь разрушителей. Я не буду вместе с вами убийцей и разрушителем. Я остаюсь в своем вероисповедании! И если Бог даст, я все-таки построю свою школу ради исправления всех дел человеческих. Вам же, Ваше Преосвященство, лучше быть на стороне истинной веры, а не ложной!

Кардинал пристально смотрел на учителя.

А все остальные пристально смотрели на кардинала, и он сказал:

— Да хранит Господь твою душу...

Тут он сделал паузу и прошептал еле слышно:

— Казнить их!

Командир сразу подхватил, заорав:

— Убить еретики...

Однако завершить фразу командиру не дал Снитек. С яростным криком он выхватил меч и набросился на командира, нанеся ему смертельную рану.

Ignis, ardet, urit, cremat. Ejus Scintilla, ope Chalybis 1 e Silice (Pirite) 2 elisa et in Suscitabulo 3 a Fomite excepta, Sulphuratum 4 et inde Candelam 5 vel Lignum 6 accendit, et Flammam 7 excitat vel Incendium, 8 quod aedificia corripit. Fumus 9 inde ascendit, qui, adhaerens Camino, 10 abit in Fuliginem. Ex Torre, (lingo ardente), fit Titio 11 (lignum exstinctum). Ex Pruna, (candente torris particular) fit Carbo 12 (particular mortua). Tandem quod remanet, est Cinis 13 et Favillae (cinis ardens).

Огонь жжет, сжигает. Искра его, выбитая при помощи стали (1) из кремня (2) и попавшая на трут в зажигательном приборе (3), зажигает спичку (4), а от нее - свечу (5) или дрова (6) и возбуждает пламя (7), или пожар (8), который охватывает строения. Оттуда подымается дым (9), который оседая в трубе (10), превращается в сажу. Из горящего полена образуется головня (11), погасшее полено. Из раскаленной части полена образуется уголь (12). Наконец, то, что остается, есть пепел (13) и зола (тлеющий пепел).

Командир свалился, уронил голову в землю и со словами «к чертям вас всех» испустил дух.

Солдаты набросились на Снитека и закололи единственного наследника графа.

Кучер закричал в ужасе:

— Боже! Они убили молодого графа...

Ян обнял нивницких близнецов, которые дрожали от страха, и прошептал им:

— Я думаю, настал миг нашей встречи с Господом. Молимся! Но неожиданно пришло избавление...

Со стороны темного переулка выскочил полуголый, оборванный мальчишка. Он стрелой долетел до учителя с близнецами, встал на их защиту грудью и закричал:

— Не смейте трогать учителя! Кто же нас будет учить?! Это самый лучший учитель в мире!

Ян воскликнул:

— Ясем! Откуда ты взялся?

Таким чудесным образом нашелся потерянный мальчик, и не просто объявился сам по себе, но еще и поспешил спасти своего учителя.

Солдаты опешили, замешкались на долю секунды, и тут за учителя вступилась охваченная пожаром школа. Ее крыша обрушилась с невероятным грохотом. Это было похоже на взрыв порохового склада. Горящие обломки посыпались на голову солдатам, и те в ужасе разбежались.

Казалось, погибающая школа, жертвуя своими горящими остатками, заступилась за самого лучшего учителя в мире.

Вместе с крышей обвалились горящие стены школы.

Огонь и грохот напугал коней в карете Кошичека. Они заржали, и Кошичек машинально вскочил на сидение кучера. Схватив вожжи, он быстро подчинил себе коней и закричал Яну:

— Все в карету!

Ян быстро подтолкнул детей, и через секунду они уже сидели в карете, а Кошичек кричал коням:

— Эй, эй, эй! Вперед, смелей!

Кони резко развернулись, и пока солдаты вышли из оцепенения, карета уже выехала в переулок.

Ян сказал:

— Да ниспошлет нам Всевышний спасение!

В отличие от солдат, огонь вовсе не напугал ни кардинала, ни его рыцарей, ни пастора Флуктуса. Они всё так же хладнокровно наблюдали за происходящим.

Наконец, кардинал сказал:

— Господину Комениусу на этот раз повезло.

Пастор Флуктус добавил:

— Горящая школа и сумасшедший мальчик спасли их.

— Да, но я достану его всюду, — ответил кардинал и, поправив свой роскошный плащ, пошел с этой площади прочь. Флуктус и рыцари молча последовали за ним.

Наконец, обрушилась оставшаяся часть школы, и это было похоже на второй взрыв. На площади остались лежать бездыханные тела Снитека и командира.

Тем временем карета быстро двигалась в сторону городской ограды.

— Мой бедный хозяин!.. Его убили... Он погиб как герой, спасая нас! — причитал Кошичек.

Ясем обнимал своего учителя и спрашивал:

— Почему люди устраивают такое бедствие? Зачем убивать, сжигать и разрушать?

Ян отвечал:

— Им недостает воспитания! Вот они разрушили школу и начали блуждать по свету, отрешаясь от себя.

Несколько солдат еще пытались их преследовать. Эраст просил:

— Они хотят нас догнать?

— Бегут за нами, — сказал Бенедикт.

Ян ответил им:

— Они бегут за богатством и состоянием, за роскошью и удовольствием, за славой и уважением. Они думают, что найдут

радость, разрушая, но находят лишь суету и заблуждение, сомнения и призрачный обман, досаду и бедственное отчаяние.

Тем временем карета пролетела по узким улицам, вдоль полыхающих зданий. Оставшиеся в городе люди бегали по улицам в замешательстве, неся с собой кто что мог — кур, индюков, тюфяки и мешки. Все, что создавалось на протяжении столетий, сжигалось в пламени братоубийственной войны. Блаженство и умиротворение, создаваемое долгими трудами, превращалось в дым. В городе, где еще вчера царило райское спокойствие и процветание, поселились паника, хаос и отчаяние.

Пораженный убийством Снитека, Ян даже и не вспоминал, что вместе с городом сгорел его многолетний труд.

Карета неслась, Кошечек плакал:

— Мой любимый хозяин погиб. А я, червь земной, живу. Зачем мне теперь эта жизнь нужна? И что я скажу графу? Кто-нибудь, убейте меня!

Ян ответил:

— Снитек спас нас ценой жизни.

Ясем тихо сказал Яну:

— Учитель, я не говорил вам, но я видел в своих грезах и смерть господина Снитека...

Ян ответил:

— Меня очень удивляет твоя способность предвидеть будущее. Ты пытался предупредить меня об этом бедствии. Господь сообщил тебе все это заблаговременно через грезы, однако я допустил ошибку и не придал твоим грезам должного значения...

Тут карета проскочила городские ворота, и Ясем отчаянно закричал:

— Остановите здесь!

Кучер ответил ему через слезы:

— Ты чего? Я не буду этого делать.

— Зачем это? — удивлялся Ян.

Услышав отказ, мальчик вырвался из рук учителя, резко отворил дверь кареты и смело выскочил на ходу.

Лошади заржали, поднявшись на дыбы от резко натянутых вожжей, и встали на месте.

— Раздавите меня, букашку подкопытную! — закричал Кошечек.

Ян выпрыгнул из кареты и побежал к упавшему мальчику.

Ясем лежал на земле. Учитель осторожно поднял его и, убедившись, что с ним все в порядке, облегченно вздохнул.

— Слава Богу, ты не ушибся. Зачем ты это сделал?

Ничего не ответив учителю, Ясем побежал к городской стене. Там он выдвинул несколько камней из стены и извлек из потайного отверстия сундучок, который Ян сразу узнал:

— Это же мой деревянный сундук с рукописями! Именно его я хотел спасти.

— Здесь все, — ответил Ясем.

Ян осторожно открыл крышку и увидел, что рукописи, которые он считал безвозвратно потерянными в огне, аккуратно сложены в стопки — наброски будущих учебников, конспекты по дидактике, рукопись «Лабиринта света», зарисовки карт Моравии.

Ян воскликнул:

— Ясем, ты сотворил настоящее чудо!

Мальчик объяснил:

— Как только я услышал звон колоколов, я понял, что враг напал на нас. А вы недавно рассказывали нам о вашей великой работе на благо всех христиан. Вы говорили, что в ваших рукописях содержится план исправления всех дел человеческих. Вот я и решил, что эту великую работу надо спасти. Я пробрался в ваш кабинет, взял сундук и спрятал здесь, в стене. После этого я побежал обратно к школе и там застал вас в беде...

Тут заговорили нивницкие близнецы:

— Почему же ты не взял нас с собой?

— Мы бы помогли во всем!

— Больше мы тебя одного не отпустим!

— Всегда будем бежать за тобой!

У Яна на глаза навернулись слезы. Он обнял своего ученика:

— Ты сегодня спас мне жизнь дважды. Один раз ты спас наши тела от казни, а второй раз спас мою душу, которую я вложил в эти произведения...

Они услышали громохание пушек и выкрики солдат.

Ян с мальчиками поспешили обратно в карету, и Кошечек закричал:

— Эй, эй, вперед, смелей!

Уже подъезжая к лесу, близнецы воскликнули:

— Смотрите, наше дерево горит.

— Учитель, где вы будете учить нас?

Это был многовековой дуб, под которым Ян проводил уроки.

Ясем сказал:

— Нет больше ни школы, ни дуба...

Ян ответил:

— Обещаю, мы выстроим новую школу и найдем новое мудрое дерево.

Ясем обратился к учителю:

— Я буду помогать, буду строить и всему учиться, чтобы потом учить других.

Близнецы ответили:

— Мы тоже!

4. Пражский аэропорт

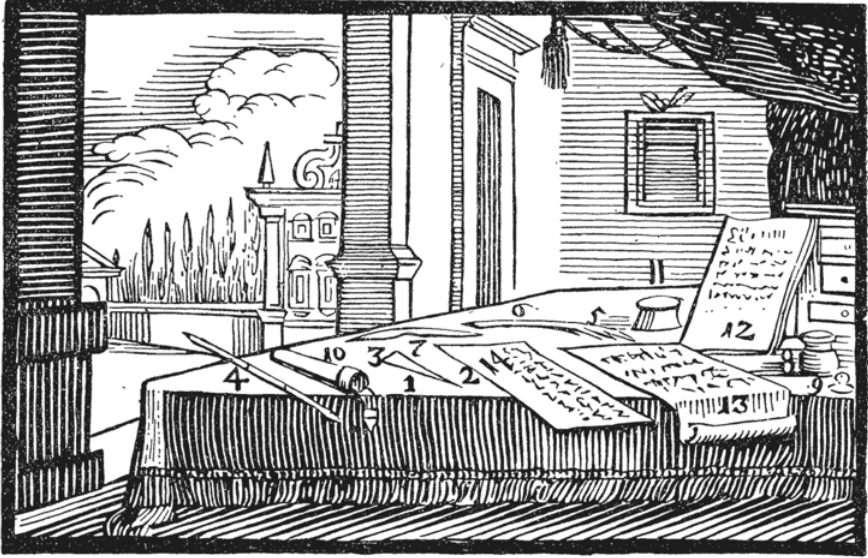
Самолет затрясся при посадке, и это привело меня в чувство. Я так увлекся рассказом профессора, что даже не заметил, как мы приземлились. Тамара слушала с таким же увлечением, а старичок нам улыбался. Я даже не знал, что сказать. Его рассказ был настолько правдоподобным, будто он присутствовал при тех событиях.

В салон самолета пришла медсестра с инвалидной коляской и пересаживала профессора.

Я успел лишь сказать:

— Ну и фантазия у вас!

Ars Scriptoria. Искусство письма.

Veteres scribebant in tabellis ceratis aeneo Stilo, 1 *cujus parte cuspidatâ* 2 *exarantur literae, planâ* 3 *vero rursum obliterabantur.*

Deinde literas pingebant subtili *Calamo*. 4
Nos utimur anserine *Penna*, 5 *cujus Caulem* 6 *temperamus Scalpello*; 7 *tum intingimus Crenam* in *Atramentario*, 8 *quod obstruitur Opercalo*; 9

et *Pennas* recondimus in *Calamario*. 10
Scripturam siccamus *chartâ bibulâ*, vel *arenâ scriptoriâ*, ex *Thecâ pulveraria*. 1

Et nos quidem scribimus a sinistra *dextrorsum*; 12

Hebraei à *dextrâ sinistrorsum*; 13

Chinenses Indi et alii à *summo deorsum*. 14

Древние писали на навощенных дощечках медной палочкой (1), заостренным концом (2) которой выцарапывали буквы, а тупым (3) концом их снова затирали.

Затем они вычерчивали буквы тонким тростником (4).

Мы пользуемся гусиным пером (5), ствол которого (6) мы заостряем ножиком (7).

Затем мы погружаем расщеп пера в чернильницу (8), которая закрывается крышечкой (9).

Перья мы прячем в пенале (10).

Написанное мы осушаем пропускной бумагой или песком из песочной баночки (11).

Мы пишем слева направо (12).

Евреи — справа налево (13).

Китайцы, индийцы другие — сверху вниз (14).

Старичок ответил хмуро:

— Какая фантазия? Я же сказал, это рассказ очевидца.

Вмешалась медсестра:

— Извините, нас нельзя задерживать...

Его увезли, а я удивленно спросил Тамару:

— Что он имел в виду? Он там присутствовал, что ли?.. О!

Я даже забыл включить диктофон!

Тамара успокоила меня:

— Не переживай. Я не забыла. У нас есть запись.

Я смотрел на нее восхищенно.

— Какой рассказ! Какие детали! — сказал я. — Я прямо все видел, будто был там... И плащ кардинала, и посох, и перстень.

Я словно держал в руках этот драгоценный сундук.

Тут я опять спохватился:

— Я не взял у него адрес! Как глупо! Я даже не спросил его имени...

Тамара меня успокоила:

— Если угодно судьбе, мы его еще встретим.

Я не представлял как.

Часть вторая

1. Пять тысяч книг о том, как верить в Бога

Из Праги мы направлялись в сторону Угерского Брода вдоль полей, холмов и лесов Чехии, на экономном автомобиле, который нам дешево дали напрокат. Мы ехали в музей Коменского, где я хотел почувствовать дух того времени, ознакомившись с историческими экспонатами. В глубине души я надеялся прикоснуться к чему-нибудь особому.

В 10 километрах от Угерского Брода мы нашли гостиницу в курортном городке Лухачович. Там полезные источники, но это место мы выбрали потому, что нам понравилось название гостиницы — «Дум Тамара».

Дорога на машине от Праги до Лухачовича занимала около четырех часов, и мы все это время наслаждались чешскими пейзажами и обсуждали старичка, которого встретили в самолете.

— Не знаю, откуда он знает то, что знает, но он настоящий клад для книги. За ним просто надо записывать! Молодец, что ты включила диктофон... — сказал я Тамаре.

— Всегда рада помочь.

— Я так растерялся, когда за ним пришла медсестра... Даже имя не спросил!

Тамара ответила:

— Если хорошо поищем, уверена, мы его найдем. В музее Коменского о нем должны знать. Он же известный комениолог.

— Да, так и сделаем.

— Если честно, меня старичок разочаровал.

— Чем же?

— Он сказал, что современная школа создана Коменским, а сегодня большинство детей не хотят идти в школу. Среди них и наша внучка. Получается, это вина Коменского, что ли?

Я ответил:

— Ну, возможно, что так.

— Наконец, непонятно, он учитель или священник?

— Учитель, ученый и епископ протестантской секты в одном лице.

— Какая это секта?

— Они искали спасение.

— Спасение чего?

— Спасение души от грехов и соблазнов. Тогда, в Средние века, все очень заботились о спасении души.

— Как же они хотели спасти души?

Я ответил:

— Расскажу, что знаю. Они верили, что душа обычного человека спасется через душу Христа, а тело обычного человека спасется через тело Христа. Потому и называют Христа спасителем.

— Ну да, — сказала Тамара, — так оно и есть.

— Так вот, для спасения человеку нужно единение с Христом, а это возможно через семь таинств.

— Давай вспомним все. Сначала крещение, потом венчание, потом покаяние... Что еще?

— Миропомазание, которое называют еще конфирмацией; потом рукоположение, то есть посвящение в священнослужители; есть еще елеосвящение больных, когда наносят капли масла на тело; и, наконец, возможно, самое главное — это причастие, когда мы приобщаемся к Христу через хлеб как символ его тела и вино как символ его крови.

— Это самое главное таинство?

— В секте Коменского его считали важнейшим. Хлеб и вино дает нам священник, и тогда в нас входит частица Христа, и мы получаем Его благодать. Конечно, нужна еще живая вера и искренняя любовь к Богу, иначе таинства бесполезны. Во времена Коменского говорили, что «Отче наш» не спасет, если давать волю своим телесным похотям, делая стыдные дела с грешниками.

— Правильно.

— Так вот, с одной стороны, они искали спасение души, с другой, видели плохих священников Римской церкви, которые ссорились между собой, и даже сам папа совершал нехристианские дела. Естественно, что они разочаровались и не хотели принимать таинства от таких священников.

— Что конкретно их возмущало?

— В первую очередь то, что папа римский сам стал феодалом, захватил земли, сокровища и держал в своем повиновении королей и императоров, священники купались в роскоши. Папа Бонифаций Восьмой выступал перед народом в императорском облики и надменно говорил: «Я сам император».

— Получается, у них был свой бизнес?

— Да. И своеобразная коррупция. Симония, например.

— Что это такое?

— Это как бы торговля Святым Духом.

— Как можно продать Святой Дух?

— В Новом Завете описан эпизод про одного самаритянского волхва по имени Симон. Он увидел, что когда апостол Петр возлагает руки, через это подается Святой Дух. Тогда он принес деньги апостолу Петру и сказал так: «Дайте и мне власть сию, чтобы тот, на кого я возложу руки, получал Духа Святого». На это апостол ему ответил: «Да будет серебро твое в погибель с тобою, потому что ты помыслил дар Божий получить за деньги». После этого продажа Святого Духа называется симонией, и это сильно распространилось среди католических священников Средневековья. К примеру, если было много золота, можно было купить место епископа или очень доходное место священника. Таких священников никто не уважал. Церковь они превратили в бизнес. Говорили о Боге, думали о золоте. Особенно хорошо продавалась индугенция.

— Знакомое слово. Напомни, что это такое?

— Это торговля грехами. За деньги выслушивалась формальная исповедь и выдавался соответствующий сертификат об отпущении грехов. Чем тяжелее грех, тем дороже стоил сертификат.

- Кошмар.
- Еще Римская церковь запретила молиться на родном языке. Можно было только на латыни. А последней каплей стал запрет для народа причащаться хлебом и вином.
- Как же так?
- Народу разрешили причащаться только хлебом, а вино запретили.
- Людям запретили спасти душу! Это безобразие. Как такое можно было допустить? — возмутилась Тамара.
- Это тоже был бизнес католической церкви, а чехи мешали этому бизнесу, когда ратовали за жизнь по правилам первой апостольской церкви. Поэтому началась война против них.
- Напомни, что подразумевается под апостольской церковью?
- Это, так сказать, первобытная христианская церковь с правилами, которые учредил сам Христос и по которым жили апостолы. Потому она и называется апостольской.
- Понятно.
- Затем появился духовный вождь чехов, Ян Гус, великий богослов, магистр Пражского университета. Он хотел очистить католическую церковь от скверны.
- Он добился изменений?
- Он добился того, что его сожгли на костре, и тогда началось восстание и пошли гуситские войны между чехами и католиками. Был такой город гуситов на горе Табор. Там гуситы молились, причащались и вели настоящую братскую жизнь. Представь, 1419 год, 200 лет до Коменского, город Табор не подчинялся католической церкви и мечом защищал свою веру, которую считал чистой. Само слово «табор», говорят, означает палатку. Это был палаточный город с палаточной часовней. В ней священники справляли массовые религиозные праздники, на которых собирались десятки тысяч верующих. Однажды, в день святой Марии, там причастилось 62 тысячи верующих. Все вели себя тихо и праведно, пели священные песни, называли друг

друга братьями, богатые разделяли пищу вместе с бедными, никто не воровал, и в конце все мирно расходились.

— Что же было дальше?

— Были войны, и возникло Братское единство — новая церковь с новыми порядочными епископами, которых слушались и которым доверяли. А 200 лет спустя в их сообществе родился Ян Коменский. Он и его сестра рано осиротели. Преподобный Ланецкий, священник их церкви, заменил им отца. Потом он увидел, что Коменский очень способный мальчик, дал ему второе имя — Любящий, а также университетское образование, посвятил в пасторы и отправил в Фульнек на должность попечителя школы. Там Коменский женился на Магдалене из Пшерова. У них родилось два мальчика, но вскоре началась Тридцатилетняя война. Об этом и рассказывал нам профессор в самолете.

Тем временем мы прибыли в Лухачович, разместились в «Дум Тамаре» и тем же вечером испили кислотоватую воду из одного источника.

* * *

С утра мы направились в Угерский Брод, в музей Коменского. Купив билеты, мы начали рассматривать картинки и гравюры: костер, на котором горел Ян Гус, гонения вероотступников, массовая казнь еретиков, католики закалывают гугенотов, жаркий спор богословов, жестокое убийство монахов-католиков гуситами, сожжение Угерского Брода и, наконец, здание дома в Кувалде, где было основано Братское единство ради спасения душ по заповедям Христа.

Тут же были портреты Карла Жиротинского и императора священной Римской империи Фердинанда и изгнанного монарха Богемии Фридриха Пфальцского, которого прозвали королем на одну зиму, потому что он царствовал лишь пару месяцев зимой, а весной его свергли.

В следующем зале мы нашли книги о Коменском на грузинском языке.

— Смотри, — сказал я Тамаре, — это книга грузинского комениолога. Он был марксистом и утверждал, что Коменский находился в плену религиозных заблуждений своего времени, поэтому не смог возвыситься до истинно научного метода марксистско-ленинского диалектического материализма.

В следующем зале мы нашли имитацию школьного класса времен Коменского. Присев за парту, мы представляли себя учениками.

Тамара сказала:

— Надо бы спросить о нашем профессоре.

Я даже не успел согласиться, как позади нас послышался голос:

— Хорошо развлекаетесь...

Мы резко обернулись и...

Вот удивление!

Это был наш профессор в своем инвалидном кресле.

Я просто проглотил язык, а Тамара сказала:

— Вот мы вас и нашли.

Профессор покачал головой:

— Не нашли. Я сам к вам вышел. Я ждал вас еще вчера. Следуйте за мной.

Он развернулся и покатил к выходу. Мы поспешили за ним. Проведя нас по коридорам, он докатился до высокой старинной двери с охранником, который немедленно нас пропустил. Мы оказались в обширном зале с очень высоким потолком, до отказа набитом полками старинных книг.

Профессор сказал:

— Это закрытое книгохранилище, куда мы не пускаем посетителей. На этой стене карта Моравии, которую составил сам Коменский, а на той полке — книги, которые, я подозреваю, он сам держал в руках. Правда, я не могу подтвердить свои слова, но так подсказывает мне интуиция. Можете подойти и посмотреть поближе.

Я сказал:

— У меня ощущение, что мы путешествуем на машине времени.

Liber, quoad formam exteriorem, est vel in Folio, 1 vel in Quarto, 2 in Octavo, 3 in Duodecimo, 4 vel Columnnatus, 5 vel Lingulatus; 6 cum Clausuris aeneis, 7 vel Ligulis, 8 et Bullis angularibus. 9

Intus sunt Folia 10 duabus Paginis; aliquando Columnis divisa, 11 cumque notis marginalibus. 12

Книга по своей внешней форме бывает в целый лист (фолиант) (1), в четверть листа (2), в восьмушку (3), в двенадцатую (4).

Бывает в виде счетной книги (5), бывает длинной (6) (справа налево), с медными застёжками (7) или завязками (8) и оковкой на углах (9).

Внутри находятся листы (10), с двумя страницами на каждом.

Иногда они разделяются на столбцы (11); бывают также и заметки на полях (12).

Мое внимание привлекала одна книга, которая стояла на полке как-то обособленно.

Профессор сказал:

— Это уникальное издание «Рая сердца». Там есть правки, которые, возможно, вносил сам Коменский. Разрешаю подержать ее и даже полистать...

Я с трепетом взял книгу и открыл. Рисунок, отражающий небеса, заморозил меня. Я не мог оторваться от ангелов, от божественных облаков, от Святого Духа, который нисходил сверху вниз.

Профессор сказал:

— В этой комнате собрано 5000 уникальных книг. Все они про одно и то же — как найти рай сердца через искреннюю веру в Бога. Это не удивительно. Ведь их писал епископ. И тем ироничнее звучат наши выступления на многочисленных конференциях комениологов времен Советского Союза, когда академики и профессора изощрались, чтобы осветить мировоззрение Коменского с позиций марксизма и найти материалиста в настоящем богословии. Звучит даже смешно. Вот и получилось, что мы взяли лишь внешнюю оболочку его учения, а суть отбросили. Именно поэтому дети не хотят ходить в школу.

— Интересно, что сказал бы сам Коменский, слушая вас сейчас? — спросил я.

Профессор улыбнулся:

— Хороший вопрос. Хотите продолжение моего рассказа? Надо ли было спрашивать?!

2. Грезы Ясема

Ясем грезит на рассвете, перед пробуждением.

Сквозь пелену тумана он видит изображение таинственной реки.

Подталкиваемый любопытством, он скользит по речной воде, где все меняется в непрерывном колебании, и начинает понимать — это Река Времени. Поток течет из прошлого в будущее, и если скользнуть по туману вверх по течению, то попадаешь в берега прошлого. Он произвольно стремится против течения,

пока не встречает причудливые тени величественного здания с громадными колоннами.

Это дворец или храм?

Ясем почему-то решает, что ему туда и надо.

Он плывет внутрь и находит себя посередине огромного зала.

Здесь готовится какой-то праздник.

Прибывает народ. На всех торжественные костюмы и пестрые галстуки с диковинными узорами. Люди важно поправляют эти галстуки, пожимают друг другу руки и рассаживаются по креслам, пролистывая записные книжки. Некоторые держат в руках горящие трубочки, время от времени прикладывают их к губам, затачиваются и пускают мутный дым друг другу в лицо, совершая взаимное обкуривание.

Языческий ритуал?

Таинство какое-то?

Перед амфитеатром — сцена, где висит гигантский портрет задумчивого человека, сидящего перед открытой книгой с пером в руках.

Похож на учителя Яна?

Что за странная надпись под портретом?

«360 лет».

Ясем скользит, увлекаемый своими чувствами, и понимает, что эти люди — ученые мужи, которые начинают диспут. непонятно, почему они не в докторских или магистерских мантиях?

На сцене появляется наученейший, наиглавнейший и наимунейший среди собравшихся. Почему-то Ясем знает имя — профессор Давид Вихонековский.

Все долго и упорно аплодируют ему, пока он поднимается на кафедру. Затем наступает тишина, и он обращается к собранию с торжественной речью.

Ясем пытается понять суть сказанного, что весьма нелегко, ибо говор у профессора причудливый, доклад мудреный, а усилившаяся зыбь Реки Времени искажает и без того очень искаженные образы. Живые картины становятся расплывчатыми, од-

нако до Ясема доходит некоторый смысл, а в его сознание врезаются даже некоторые фразы.

— В этот торжественный день мы празднуем 360-летие великого сына чешского народа — Яна Амоса Коменского...

— Для правильного понимания Коменского необходимо помнить, что его философия двойственная. Есть полезное зерно в виде его реалистически-материалистической линии, что дало всходы в наш прогрессивный век. Но есть у него и ложная направленность, религиозно-идеалистическая. Он не смог порвать с господствовавшим миропониманием феодальной эпохи — христианством. Коменский сидит на двух стульях...

— Сегодня мы читаем Коменского демистифицированно. Нельзя воспринимать всерьез его ложные воззрения о том, что на Земле будет установлено тысячелетнее «царство Божие». На самом деле подготовка к «вечной жизни» была для Коменского подготовкой к жизни именно земной, и притом к жизни в коммунистическом общежитии.

— Великий Маркс открыл нам глаза, написав, что христианство превозносит трусость, презрение к самому себе, самоунижение, смирение, покорность, словом, все качества черни. Но для пролетариата, который не желает, чтобы с ним обращались как с чернью, смелость, сознание собственного достоинства, чувство гордости и независимости — важнее хлеба...

— Великий Ленин учил нас, что религия — средство закабаления трудящихся масс, средство одурманивания рабочего класса. Тем, кто живет чужим трудом, религия продает билеты на небесное благополучие по сходной цене...

— Гениальные Маркс и Ленин дали нам великий метод марксистско-ленинского диалектического материализма и доказали лживость всех религий...

— Но в начале XVII века Коменский не мог уйти от религиозности. Потому он и писал, что Бог назвал себя Альфой и Омегой, началом и концом всех вещей, из него же, им же и в нем же вся суть.

— Прогрессивность Коменского проявляется и тогда, когда он справедливо ставит под сомнение само существование Бога. Выражая горячий протест против тяжелой действительности, он заявляет: «Лучше бы мне никогда не родиться, не проходить врата жизни, если после всей мирской суеты мой удел — темнота и ужас. Ах, боже, боже, боже! Если ты существуешь, то смилуйся надо мной, несчастным...».

— Даже сам Коменский, этот глубоко верующий человек, справедливо ставит под сомнение само существование Бога...

Ясем поражен диким кошунством ученого мужа. Он взрывается от бессильного негодования. Он думает, что, услышав поругание священных предметов, собравшиеся будут возмущаться, но они спокойно соглашаются, кивают и записывают, полностью разделяя эту скверну.

Чем дальше, тем больше содрогается Ясем. Он повержен в жуткий страх от слов этого хулителя Бога по имени профессор Давид Вихонековский.

Ясем не может это стерпеть и скользит прочь отсюда, подмечая в самый последний миг большую надпись на стене: «Всемирный конгресс комениологов».

Он вылетает из здания и проваливается в Реку Времени, захлебывается в потоке, тонет, но, преодолевая себя, выплывает на поверхность.

Оглянувшись назад, он замечает, что высокое, величественное здание с громадными колоннами, где он только что был, разваливается под ударом разрушающей силы какого-то нечеловеческого оружия.

В испуге Ясем плывет против течения Реки Времени, прочь от жутких картин, назад в свою эпоху. В надежде увидеть что-нибудь хорошее, он осматривается на окружающие берега и, к своему ужасу, видит лишь бедствие, войну и мучение.

Наконец, появляется знакомый городок Пшеров. Здесь вырос учитель Ян. Естественный интерес подталкивает Ясема к Пшерову, он скользит, и все разом оживает...

Ясем с тревогой осматривает улицы города и чувствует, что здесь поселилась беда. На улицах никого, кто-то передвигается по кладбищу. Ясем устремляется туда и видит монаха, копающего лопатой одну могилу для десятка усопших. Тела завернуты в грязные тряпки, нет слез и скорбной родни, не горят свечи. Уставший монах возводит взгляд к небесам, и Ясем узнает его. Это преподобный Лукаш, верный член Братства! Сознание Ясема взрывается от мучительного вопроса: «Какое несчастье здесь приключилось?».

Вместо ответа до Ясема доносится смрадный запах, и неожиданно возникшая кошмарная мысль отбрасывает его куда-то далеко.

«Неужели это мор?»

Ясем невольно плывет по улицам, пропитанным трупным смрадом, и убеждается — в городе гуляет чума...

Ясем попадает в заброшенную таверну. Там несколько грязных мужчин и женщин губят свои души, бездумно упиваясь вином, наслаждаясь грязными ласками и обжираясь. Они поют похабные песни, а один из мужчин в лохмотьях держит огромный бокал вина и кричит:

— Да здравствует день сегодняшний! Есть, пить и отдаваться прихотям! Что же нам еще осталось? Я не знаю, когда и как призовет мою душу Господь. Заколет ли меня саблей солдат сегодня или чумные опухоли покроют мое тело завтра? Но времени я терять не буду! Пью за сегодняшний день!

Осушив весь бокал, он, качаясь, наваливается на пьяную женщину рядом...

Ясем думает: «Эти несчастные махнули на себя рукой, прячутся через похмелье от самих себя, как будто гнев божий не покарает грешников, где бы они ни были.. Пшеров накрыла чума».

Ясем невольно выскакивает на улицу, и через маленькую форточку его забрасывает в дом с закрытыми ставнями. За ними — мать с двумя детьми стоит перед отцом, главой семейства, который приказывает им:

Conjuges suscipiunt

(ex benedictione Dei) *Sobolem* (Prolem)
et sunt *Parentes*.

Pater 1 generat, et *Mater* 2 parit *Filios* 3
et *Filias*, 4 (aliquando *Gemellos*).

Infans 5 involvitur *Fasciis*, 6 reponitur
in *Cunas*, 7 a *matre* lactatur *Uberibus*, 8 et
nutritur *Pappis*. 9

Deinde, *incedere* discit *Serperastro*, 10
ludit *Crepundiis*, 11 et *fari* incipit.

Crescente aetate *Pietati* 12 et *Labori* 13
assuefit, et castigatur 14 si non sit *moriger-*
us.

Liberi debent *Parentibus* *Cultum* et
Officium.

Pater sustentat *Liberos* *Laborando*. 15

Благословение божье дает супругам
детей, и супруги становятся родителями.

Отец (1) производит, а мать (2)
рождает сыновей (3) и дочерей (4),
иногда близнецов.

Ребенка (5) завертывают
в пеленки (6), кладут в колыбельку (7),
и мать кормит его молоком своей
груди (8) и подкармливает кашкой (9).

Затем он учится ходить при помощи
особой колясочки (10), забавляется
игрушками (11) и начинает говорить.

По мере возраста его приучают
к благочестию (12) и труду (13)
и наказывают (14), если он непослушен.

Дети должны почитать родителей
и служить им.

Отец содержит детей своим
трудом (15).

— Держаться обособленно, подальше от всех. Не смейте трогать чужие вещи и ни с кем не общайтесь. Молитесь, и Бог убережет вас. Мать, иди повесь тяжелый замок на дверь. Мы не впустим в наш дом черную смерть.

Услышав это, Ясем в ужасе смотрит на мать, которая идет к двери, вешает замок, но ее лицо покрыто черными пятнами, быстро перерастающими в бубонную опухоль...

От болезни ничего не спасает!

Вдруг Ясем вспоминает: «Учитель Ян отправил свою жену и сыновей сюда, в Пшеров! Он считал, что здесь они будут в безопасности... Боже! Что с ними стало?»

Перед Ясемом следующая картина — дом Яна Любящего в Пшерове. В дверях чумной лекарь в маске с длинным клювом, стоит, как привидение, как слуга смерти, как сам дьявол. Один только вид его приводит в ужас! Но в душе он скорбит. Сколько несчастья он видел от губительной болезни, которая перекидывается с места на место, как пожар на сухие предметы. Он помнит замученных неутолимой жаждой бросающихся в реку, бьющихся в агонии, стонущих и умирающих людей. От запаха смерти не спасают даже благовония, коими этот врач набивает длинный нос своей маски...

Доктор открывает дверь... Ясем — за ним... Боже! В доме поселилось неописуемое горе!

Беременная Магдалена, любимая супруга учителя Яна, беспомощно стонет в агонии, и некому за ней смотреть, так как ее родители умерли, а родственники разбежались. Рядом с ней лежат сыновья учителя...

Они уже погибли...

Врач подходит к Магдалене и, наклоняясь над ней, спрашивает:

— Дочь моя, ты меня слышишь?

Несчастливая Магдалена поворачивается к врачу, но, не видя его, произносит полушепотом:

— Ян, господин мой, почему я не повиновалась тебе, когда ты просил меня следовать за тобой везде и всюду, в радости

и в печали? Почему я возжелала найти спасение у своих родителей, когда должна была искать спасение с тобой? Ведь не муж для жены, а жена для мужа... Теперь я гибну вдали от тебя, а ты об этом даже не знаешь... Прости меня, любимый Ян... Бог меня наказывает за слушание...

Врач достает из сумки снадобье:

— Выпей это лекарство, дочь моя. Это смесь травяного настоя, вина и измельченного пергамента, на котором записан стих из Библии.

Голос доктора слышен из-под маски приглушенно. Вылив несколько капель в рюмочку, он подносит ее к губам Магдалены, но она замирает, выпуская последний дух.

Беспомощно разводя руки, врач выглядывает в окно, видит монаха, который тащит повозку с несколькими телами в лохмотьях.

Врач кричит монаху:

— Эй, Лукаш, захвати усопших и отсюда. Пушки здесь не гремели. Но мор не знает границ.

Душа Ясема разрывается от горя.

Он рыдает...

И это его выталкивает из собственных грез...

Затуманенные образы вокруг него исчезли, и он увидел перед собой Марию, свою мать...

3. Война и Вера

— Сынок, очнись!

Ясем подскочил на постели, будто его укусила оса, и тупо уставился в никуда.

— Мой бедный мальчик! Чем же ты грезил на этот раз?

Ясем тяжело дышал. Увиденные кошмары из будущего бурлили в его сознании, как магма в вулкане, стремясь вырваться на поверхность любой ценой.

— Надо рассказать учителю! — воскликнул он, понимая, что только Ян может взять на себя часть тяжести угнетающих образов.

Мария настаивала:

— Сынок, поговори со мной, что ты видел?

Ясем отрицательно покачал головой.

— Нет, мама, извини. Я не могу сказать тебе.

— Почему? — удивилась Мария.

Вместо ответа мальчик вскочил и сказал:

— Мне надо бежать к учителю.

Мария прослезилась и ответила:

— Что за такая напасть? Все дети как дети, а ты — чудной какой-то, прямо в отца... Царство ему небесное...

Ясем обнял ее:

— Мама, не плачь... Я не властен над грезами. Они давят изнутри.

Ясем накинул залатанный кафтан, выбежал из шалаша и прямо у крыльца наткнулся на нивницких близнецов:

— Что вы тут делаете?

Эраст и Бенедикт отвечали наперебой:

— Привет!

— Тебя ждем...

— Куда бежишь?

— Мы хотим с тобой!

— У меня срочное дело к учителю. Вам нечего ходить за мной, — ответил Ясем.

Близнецы не хотели слышать отказ:

— Мы мешать не будем!

— Мы поможем!

Тут на крыльцо выбежала Мария со скатертью в руках:

— Сынок, возьми скатерть и захвати учителю свежие сайки из новой пекарни. Сегодня там первая выпечка.

— Нет, мама, я не могу задерживаться из-за выпечки! — ответил Ясем и побежал к шалашу учителя.

Близнецы вызвались помочь:

— Мы пойдем за сайками!

— И понесем учителю!

Эраст схватил скатерть, и мальчики помчались в сторону пекарни.

Это происходило в Брандисе над Орлицей. Городок принадлежал графу Карлу Жиротинскому, и он стал приютом для беженцев после разгрома Фульнека. Были выстроены шалаши на опушке леса, пресвитеры воздвигли огромную палатку из шерстяной материи наподобие часовни, где совершали богослужение, а рядом с часовней всем миром соорудили пекарню. Народ ожидал первую выпечку. Эраст и Бенедикт прибежали тогда, когда к пекарне подошел сам граф. Он тяжело перенес горечь потери сына, однако проявил стойкость духа и действительно помогал братьям. Последние дни он сам работал на строительстве этой печки.

Народ расступился с поклоном, и граф сказал:

— Поздравляю с новой пекарней! Выпечка достанется всем.

Кто-то сказал из толпы:

— Ваше Высочество, сначала отведайте вы!

Граф заметил близнецов и сказал:

— Уступим первенство сиротам из Нивницы. Нам подобает проявлять заботу о детях.

Произнеся слово «дети», граф вспомнил потерянного сына и подавил в себе горечь.

Близнецы подпрыгнули от восторга, захлопали в ладоши и принялись низко кланяться.

— Позвольте отнести первую выпечку учителю Яну.

— У нас скатерть наготове!

Граф удовлетворительно кивнул головой.

— Вы славные парни. Будь по-вашему.

Эраст с Бенедиктом наблюдали, как пекарь Дрдоличек взял лопату у своего помощника Варича и из печного отверстия появились вкусно пахнущие сайки, а за ними последовали аппетитные крендели.

* * *

Еле переводя дыхание, Ясем стоял перед учителем.

Panificium.

Хлебопечение.

Pristor 1 cernit Farinam
Cribo 2 pollinario et init *Mastrae*;
3 tum affundit aquam, et facit
Massam, 4 deponitque *spatha* 5
lignea; dein format Panes, 6
Placentas, 7 *Similas*, 8
Spiras, 9 etc.

Post imponit *Palae*,
10 et ingerit *Furno* 11 per
Praefurnium; 12 Sed prius eruit
Rutabulo 13 ignem et *Carbones*,
quos infra congerit. 14

Et sic pinsitur Panis, habens
extra *Crustam*, 15 intus *Micam*. 16

Пекарь (1) просеивает муку через мучное сито (2) и насыпает ее в квашню (3); затем он подливает воды, делает тесто (4) и месит его деревянной скалкой (5); после этого делает хлеба (6), лепешки (7), сайки (8), крендели (9) и проч.

Потом кладет их на лопату (10) и сажает в печь (11) через печное отверстие (12); но раньше он выгребает кочергой (13) огонь и угли, которые помещает под печью (14).

И так выпекается хлеб, у которого снаружи корка (15) а внутри - мякиш (16).

Сам Ян сидел у огромного стола, полного рукописей, бумаг и книг.

— Друг мой, как хорошо, что ты пришел, — обрадовался мальчику Ян, — смотри, это спасенные тобой бесценные для меня рукописи. Это подвиг!

— Позвольте рассказать мои утренние грезы. Это очень важно! — ответил Ясем.

Ян сказал:

— Конечно, позволю! Но сначала подойди ко мне, чтобы я тебя поблагодарил. Вот, смотри, в этой связке ты спас мои записи относительно того, как можно устроить настоящую школу радости в будущем. Когда Бог будет милостив и вернет нас нашей родине, у нас под рукой уже будут пособия, при помощи которых можно скорее восполнить ущерб, нанесенный школе и юношеству.

Ясем спросил:

— Когда Бог вернет нас на родину?

— Очень скоро. Тогда я построю школу радости, где детям учеба будет в удовольствие... А эта книга...

Учитель не успел досказать, потому что в шалаш прибежали близнецы и заговорили наперебой:

— Здравствуйте, учитель.

— Мы прямо из новой пекарни!

— Принесли вам свежую выпечку!

— Здесь сайки и крендели!

— Как мило! — сказал Ян, раскрывая скатерть. — Попробуем вместе. Отломите все по кусочку.

Комната наполнилась приятным запахом свежеиспеченного хлеба.

— Очень вкусно! — сказал учитель. — Кстати, вам будет тоже интересно послушать. Ясем спас мои рукописи. Среди них — будущая книга «Лабиринт света и рай сердца».

Близнецы принялись спрашивать:

— Что такое лабиринт?

— Что такое рай сердца?

Учитель ответил:

— Во-первых, открою вам секрет, что эта книга о том, как найти счастье. Ведь об этом думают мудрецы во всех краях света и во все времена. В чем высшее благо? На чем может остановиться человеческое стремление? Как достичь успокоения мыслей, не имея уже того, к чему можно стремиться?

Близнецы затараторили:

— Да, да, да! Это самое важное!

— Люди будут спасены, если такое найдут.

Учитель сказал:

— Так вот, «свет» — это наша мирская жизнь, и люди ищут успокоения своих мыслей в предметах света.

— Какие это предметы? — спросил Эраст.

— Да! Хороший вопрос! — добавил Бенедикт.

Учитель ответил:

— Это роскошь и удовольствие, слава и уважение, веселое товарищество и времяпрепровождение. Изучив мир, мудрец Соломон заключил, что все суета и томление духа. Поэтому наш неспокойный ум смотрит на запутанный мир через очки заблуждения и легко теряется.

Ян посмотрел на сайку и сказал:

— Вот, к примеру, выпечка. Задумывались ли вы, мои друзья, о том, каким скудным и простым питанием поддерживается тело человека? Одной сайки хватит на весь день. Но вместо этого люди жадно собирают себе в желудки жареные огузки, копченые колбаски, вареные окорока, всякие паштеты, лакомые печенья с пирогами и все это заливают вином и пивом.

Близнецы заговорили:

— Это повреждает чувства и разум.

— И человек превращается в неразумного зверя.

Ян кивнул:

— Так же и телу нужны самые скудные и простые одежды. Люди же тратят состояние, чтобы нарядить себя в пух и прах, надевая шляпы с перьями, бархатные штаны с позуменами,

расшитые камзолы из тонкого сукна и дорогие башмаки с позолоченными чулками.

— Это называется вычурность, — сказал Эраст.

— И позерство, — вставил словечко Бенедикт.

Учитель продолжил:

— Вот нас изгнали из наших домов, и мы грустим, однако живем ведь в этих простых постройках. Почему же люди тянутся к княжеским замкам и королевским дворцам, где невозможно даже сосчитать количество комнат?

Тут и Ясем включился в обсуждение и сказал:

— Учитель, это излишество.

— Правильно. Однако излишество мы наблюдаем повсеместно. Бесчисленные толпы наевшихся вычурных людей кружатся в тумане и ходят в масках, скрывая уродства души своей — собачьи зубы, лисьи хвосты, волчьи когти и обезьяньи рожи. Каждый тянет свою песню, не слушая другого. Все ругаются, ссорятся и воюют, разоряя процветающие города и королевства. А между тем среди них ходит смерть, вооруженная острой косой и стрелами, и сражает всех без разбора. Так бессмысленно и безжалостно губит себя человек. Однако он же предназначен к бессмертию.

Под впечатлением этого образного рассказа мальчишки потеряли дар речи, а учитель продолжил:

— В старину так и было. Наши мудрые предки довольствовались скудным питанием, простой одеждой и несложными постройками. Все это требовало мало заботы, оставляя много времени для Бога! Но люди отвыкли от простоты, и теперь тысячи мастеров, подвергая себя опасности на суше и на море, добывают и обрабатывают кучу ненужных и причудливых вещей. Сколько зависти и обмана среди этих промыслов. Платьям и постройкам придают какой-нибудь необычайный вид, чтобы выделиться. За чем? Иногда это даже грешно.

Ясем слушал учителя с большим вниманием и, когда наступило молчание, спросил:

— Как же найти верховное благо, чтобы душа успокоилась?

Учитель ответил:

— Об этом-то и спорят философы и ученые. Но они спорят извращенно. Повздорят, перессорятся и собираются в университете для схватки, которую называют диспутом. Кто считает себя более ученым, старается снискать себе похвалы и известности, ссорясь со всеми. В аудиториях же они ходят с указками, расписывают буквы, черточки и точки. Развешивают слова лишь для того, чтобы спорить, что чему соответствует. И как только один пишет или произносит иначе, нежели другие, начинают смеяться. Чертят на стене круг, который требуется превратить в квадрат.

Близнецы звонко смеялись, слушая это.

Ян сказал:

— Все из-за того, что ученые покидают храм своего сердца и ищут успокоение мыслей в богатстве, в словах и в почете. Вот вы вырастаете и станете настоящими беспристрастными и честными учеными от Бога! Тогда наука будущего будет совсем другой...

— Я понял! — сказал Ясем. — Внешние вещи не приносят блага, если не найти Бога в сердце.

— Ты мудрый малый, — ответил Ясен. — Вера в Бога спасет человека, а неверие несет погибель. Однако мы заболтались, друзья. Спасибо близнецам, что угостили. Теперь у нас с Ясемом разговор с глазу на глаз. Эраст и Бенедикт, помогите нам вот как. Подежурьте, пожалуйста, снаружи, чтобы нам никто не помешал, пока мы будем здесь обсуждать кое-что очень важное.

— Я буду отличным часовым! — сказал с гордостью Эраст.

— Я тоже! — не отстал Бенедикт.

После этого часовые удалились. Ян посадил Ясема рядом с собой, сказал:

— Я чувствую, как ты торопишься поделиться. Наверно, твои грезы имеют большое значение. Я внимательно слушаю.

Ясем набрался духа и ответил:

— Вы только что говорили об ученых нашего времени. А я видел собрание ученых будущего.

— О! Как интересно!

— Они там не ссорились, не махали друг на друга и не насме- хались, хоть и выглядели страннее странного.

— Как же?

— Они были одеты в сероватые камзолы с пестрыми галсту- ками.

— Что они делали?

— Они собрались на торжественное мероприятие в боль- шом зале, говорили между собой, читали заметки и обкуривали друг друга.

Ян насторожился:

— Обкуривали? Они что, язычники?

— Я тоже сначала так подумал, но на язычников они не по- ходили.

Ян предположил:

— Возможно, они это делали для ясности мыслей и просвет- ления, что указывает на их мудрость... Рассказывай дальше.

— Там у них на стене висел крупнейший портрет. Под ним надпись «360 лет». А на нем изображены вы.

Ян кашлянул от удивления и строго сказал:

— Ты должен быть вполне уверенным, если рассказываешь такие вещи.

Ясем ответил:

— Я все так и видел...

Ян смягчился и сказал:

— Ладно. Допустим, что во сне можно увидеть разное. Что они говорили?

— У них выступал главный, и он утверждал нечто невообра- зимо странное.

— Неужели им открылся прямой путь к Богу?

— Нет, учитель. Он говорил, что их наука давно уже доказа- ла, что... Бога нет.

У Яна перехватило дух, и он невольно выкрикнул не своим го- лосом:

— Не может быть!

Ясем вздрогнул от неожиданности.

Секунду спустя Ян взял себя в руки и сказал поспокойнее:

— Сынок, твои грезы становятся кощунственными. Не смей богохульствовать! Твои предсказания оправдываются, но поверить в то, что ты сейчас говоришь, я не могу. Возможно, что с твоими грезами надо бороться молитвой и постом. Не смей далее поносить Бога и церковь! Никакая наука будущего не способна доказать, что Бога нет!

Ясем спросил сквозь слезы:

— Как мне быть?

Ян сказал:

— Давай успокоимся и разберемся. Расскажи мне подробнее, как ты вообще грезишь?

Ясем вытер слезы:

— Я вижу реку времени. По ней я могу плыть против течения в будущее или по течению в прошлое. Все видно как бы сквозь водную рябь — расплывчато и мутно. Но если я скользну ближе, то берег оживает.

— И ты можешь там скользить по своей воле куда угодно?

— Нет. Меня как бы подталкивают мои чувства.

— Хорошо. Теперь скажи: каким образом ты слышишь речь и слова?

— Через ту же самую пелену, которая походит на воду. Когда кто-то говорит, появляется водная рябь чувств, ощущений и мыслей. Так и видны обрывки опыта, памяти и знаний говорящего, которые проплывают передо мной живыми образами. Понять того ученого мне было сложно потому, что он мыслил не по-нашему.

Ян задумался:

— Несомненно, у тебя божественный дар. Возможно даже, что тебе помогают ангелы, которые через тебя хотят донести кое-что до нас. Однако я никак не могу принять никакого богохульства!.. Да еще там висел мой портрет? Так?

— Да, я не мог вас не узнать. А под портретом надпись: «360 лет».

— Если это годы со дня моего рождения, а я родился в 1592 году от Рождения Христа, то получается, ты видел будущее 1952 года... Ну, не скрою, ты ввергаешь меня в недоумение. Однако давай уточним, что же говорил тот ученейший человек? Меня интересует, не называл ли он метод, который они там использовали, чтобы доказать... Не могу даже повторять такое богохульство... Не обкуриванием же ладана они дошли до такого?

Ясем ответил:

— Я даже знаю его имя — Давид Вихонекровский. А метод у них называется так — марксистско-ленинский диалектический материализм.

Ян постарался осмыслить это словосочетание, но у него ничего не получилось, и тогда он спросил:

— Что это такое?

— Это высоконаучный метод. С его помощью были открыты сущность человека, законы развития всего общества. На его основе также свершилась какая-то великая революция какого-то рабочего класса, и теперь, то есть тогда, они поделили ученых мужей на два лагеря — те, кто был до марксистско-ленинского диалектического материализма, и те, кто был после. Первые глубоко заблуждались, а у вторых открылись глаза на истину, ибо это есть единственно правильный научный метод.

Ян развел руки:

— Я в полном замешательстве. Ничего не понять...

Наступило долгое молчание. Ясем набрался смелости и сказал с горечью:

— Но это еще не все, учитель... Я видел Пшеров, покрытый ужасной болезнью... Мор в каждом втором доме... Люди умирали от бубонной опухоли в мучениях и агонии. А те, кто выживал, совсем обезумели... Там я видел тетушку Магдалену... Она умерла в агонии на глазах у чумного лекаря, который не мог ей помочь... И рядом с ней ваши дети... Они тоже погибли. И тогда преподобный Лукаш увез их хоронить... Простите меня, учитель... Я не мог не сказать...

Рыдание помешало Ясему говорить дальше.

Яна охватило неожиданное раздражение и гнев.

Он крикнул на мальчика:

— Я не верю ни единому твоему слову! Убирайся вон с глаз моих долой! И не показывайся мне больше!

Обиженный Ясем сорвался с места и перед тем, как выскочить из шалаша, сказал, задыхаясь от слез:

— Как вы так можете?.. Я доверился вам...

Учитель приказал:

— Вон!..

И Ясем выскочил наружу...

Удивленные близнецы смотрели вслед убегающему другу.

Через минуту из шалаша вышел учитель и сказал:

— Эраст и Бенедикт, я поддался раздражению и плохо поступил с Ясемом. Теперь я очень жалею и хочу вернуть его обратно, догоните его, пожалуйста, и передайте мои извинения.

Ничего не говоря, близнецы развернулись и умчались вслед.

Тут Ян заметил, что приближается граф.

— Государь мой, всемилостивейший, — сказал Ян, — добро пожаловать в мой скромный шалаш...

Граф обнял Яна и ответил:

— Нам надо поговорить. Я только что получил сообщение от Лукаша из Пшерова...

Услышав имя этого пшеровского священника, которое совсем недавно упоминал Ясем, Ян понял, что произошло нечто действительно ужасное.

— Неужели Магдалена?.. — спросил он и больше не смог ничего сказать.

Граф заплакал и ответил вполголоса:

— В Пшерове большая беда. Люди умирают сотнями от мора, занесенного испанскими солдатами. Магдалена и твой мальчик не выжили... Мне очень жаль...

Ян почувствовал, что земля уходит из-под ног.

Граф сказал:

Sepultura.

Погребение.

Defuncti olim cremabantur, et Cineres
in Urnâ 1 recondebantur.

Nos includimus nostras demortuos
Loculo (Capulo) 2, imponimus *Feretro* 3
ei efferrî curamus Pompâ funebri versus
Coemeterium, 4 ubi à *Vespillonibus* 5 infer-
untur *Sepulcro* 6 et humanantur;
hoc *Cippo* 7 tegitur, et *Monumentis* 8
et *Epitaphiis* 9 ornatur.

Funere prodeunte, cantantur Hymni,
et *Campanae* 10 pulsantur.

Покойников когда-то сжигали, а пепел
сохраняли в урнах (1).

Мы кладем наших покойников
в гроб (2), ставим его на носилки (3)
и несем его в похоронной процессии
на кладбище (4), где гроб опускается
в могилу (6) могильщиками (5)
и закапывается.

Могилу покрывают надгробной
плитой (7) и украшают памятниками (8)
и эпитафиями (9).

Когда совершаются похороны, поются
гимны и звонят в колокола (10).

— Я также обязан сообщить последние слова Магдалены. Она сказала, что сожалеет о том, что разлучилась с тобой. Наверно, это наказание ей.

Ян уже не воспринимал слова. Горе овладело им.

В шалаш зашел Ланецкий. Граф поклонился ему и сказал:

— Здравствуйте, Ваше Преосвященство, — поклонился ему граф, — наверно, вы хотите поговорить с учителем наедине?

Ланецкий кивнул, и тогда граф молча покинул дом учителя.

4. Грамматика божественной речи

Ян сидел в полном отчаянии. Казалось, что все кончено. Ощущалось единственное желание — поскорей увидеть Магдалену и детей. Бог возжелал призвать их к себе, так, значит, и ему пора туда же.

Бог послал черную смерть туда, где Магдалена должна была ожидать мужа в полной безопасности. Теперь она ждет его на небесах.

Ян терзали тяжелые вопросы: как всемилостивый Бог мог допустить такую беду? Зачем? Откуда такая напасть? Ведь они жили праведной жизнью!

Теперь все рухнуло, и его ничто не удерживает на земле...

Ян хотел умереть...

Ланецкий сидел напротив и молча наблюдал за ним. Бледное, исхудалое многочисленными постами лицо епископа выражало внутреннее спокойствие и непоколебимую веру, несмотря на постигшую их беду. Его глаза смотрели скорее во внутренний мир, нежели наружу, и говорили, что он видит людей насквозь так же хорошо, как мы видим внешнюю сторону людей. Одно его присутствие уже утешало всех, с кем он встречался, однако горе учителя было настолько велико, что он не видел ничего вокруг себя... Даже своего заботливого благодетеля и воспитателя.

Однако голос епископа вернул его в настоящее.

Ланецкий произнес тихо и умиротворенно:

— Дорогой мой Ян, очнись.

Ян поднял голову и ответил:

— Отец мой, прости мое малодушие, но мне очень тяжело...
Я в отчаянии...

Ланецкий кивнул и продолжил вполголоса:

— Сын мой, я ношу отцовскую любовь к тебе. Знаю, тебя тоже переполняет любовь и уважение ко мне как к опекуну твоему. После гибели твоих родителей я взял на себя заботу о твоём благополучии. Неустанно молился, чтобы в тебе возрастала любовь к познанию, чтобы ты становился чище и исполнялся плодами праведности Христа. Знай, что я молюсь с тобой в этот час горькой потери. Знай, что я скорблю с тобой в эту тяжелую минуту. Откройся мне, доверь свое сердце, и тебе станет легче.

Ян расплакался...

Он долго не мог произнести ни слова.

Наконец он ответил сквозь слезы:

— Отец, вы мой дорогой воспитатель и почитаемый покровитель. Вы свидетель моих тяжких душевных испытаний. Я чувствую себя подвешенным над пропастью, утопаю в своем горе. Хочу найти себя, но блуждаю в замешательстве и нахожу лишь муки. Все вокруг меня полно тоски и бесполезных страданий. Что же у меня осталось? Ничего. Какие мысли? Никакие. Где я? Сам не знаю... Хочу лишь одного — вернуться к своей любимой семье. Бог их призвал, значит, и мне туда...

— Сын мой, не греши. Разве забыл ты, что ты не властен над духом, чтобы удержать его, и нет власти у тебя над днем смерти, и нет избавления в этой борьбе. Но те, кто умирает с Христом, получают дар Божий и жить будут с Христом.

Ян отчаянно покачал головой:

— Так почему же мне так тяжело, отец мой? Они обрели вечную жизнь, значит, мне бы радоваться... Но я в сомнениях... Я не могу понять промысел Божий. Почему все не так?

— Откройся мне, сын мой. Что ты имеешь в виду? — спросил епископ.

Ян ответил:

— Мы, верные члены Братского единства, живем в мире, ищем путь к Богу, верим в скорое наступление золотого века, ожидаем тысячелетнее правление Христа и воспитываем наших детей как достойных сынов для этого будущего. Ведя праведную жизнь, мы должны получать хоть некоторое вознаграждение и в этой жизни тоже. Но все не так... Вокруг нас одни беды. Жестокая судьба превратила нас в изгнанников на собственной земле, а теперь ужасная болезнь отняла у меня любимую супругу и драгоценных детей. Их больше нет. Я лишился семьи и теперь путаюсь среди обманчивых призраков, тону в водовороте горьких сомнений и гибну... Но в таком же положении тысячи наших братьев и соотечественников, которые тоже только и хотят, чтобы жить в мире и искать путь к Богу. Почему все не так? Почему Бог неблагосклонен к нам?

— Не греши, сын мой! Твоя речь звучит как осуждение Господа нашего. Не тебе судить Всевышнего! Не тебе порицать вселенную! Так ты душу свою погубишь! Помни, что неисповедимы пути Господни и непреложны Его законы! Неужели ты возгордился постичь бездну Божественного богатства, глубину премудрости Господа и тайны ведения Бога? Пути его непознаваемы!

Ян сказал с горечью:

— Есть вещи очевидные и без познания. Куда бы ни обратился взгляд мой, он встречает лишь великую досаду, горькое отчаяние и вселенское бедствие! Нет и не будет нам утешения. Нас изгоняют, вражеская сабля не щадит женщин и детей, грязные солдаты заносят беспощадный мор... И вот от смертельной болезни погибла моя почитаемая жена и умерли мои любимые дети. У меня нет более ни дома, ни семьи. Нет блага передо мной, нет высокой цели, к чему стремиться, нет света. Я во тьме, где для меня все закончено. Почему Бог допускает такое?..

Епископ ответил:

— Не забывай Святое Писание, где сказано, что Бог заключил в непослушание всех, дабы помиловать! Не зря сказано: да будут помилованы непослушные! Не дано тебе познать замысел

Господа! Не быть тебе советником Всевышнему! Или ты думаешь дать Ему что-либо наперед, чтобы Он должен был тебе воздать? Или ты возомнил восседать рядом с Ним, верша судьбы народов? Его деяние — твой урок! Так выучи его вместо упреков. Набери силы духа вместо жалких слез! Встань, молись Ему в глубочайшей благодарности за все и думай, как продолжать служить Ему искреннее, чище и с верой! Не теряй веру, сын мой! Это гораздо хуже потери семьи и тела...

Ян Любящий ответил:

— Безумство людей несет смерть всему. И моя семья пала жертвой безрассудства. Я не хочу больше быть среди людей. Я не хочу больше быть в свете. Лишь одно желание движет мной — стремлюсь к одиночеству, тишине и смерти... Я решил больше не выходить из этой хижины до скончания дней моих. Хочу, чтобы Бог забрал меня к себе, к моей семье, прямо отсюда, не откладывая, немедленно. Я был полон жизни, теперь я полон отчаяния.

Епископ сказал:

— Сын мой, с помощью Бога ты возмужал и стал пастором. Взоры братьев и сыновей, сестер и дочерей обращены к тебе с надеждой. В тебе видят опору и надежду. Ты должен вдохновлять свой народ стойкостью веры своей. Теперь же я вижу, что вера твоя поколебалась. Неужели ты приткнулся, чтобы пасть? Не дай Бог тебе неверием отломиться от корней Господа... Я хочу видеть в тебе сына, стойкого в вере, а глаза мои взирают на жалкого и потеряннго в неверии человека. Не уподобляйся язычникам!

Ян вытер слезы и ответил:

— Мой добрейший покровитель, отец мой! Как бы я хотел последовать твоему совету и, немедленно выйдя в люди, продолжить служение. Однако руки мои в кандалах тьмы и ноги мои в оковах душевных ран. Как облегчить свои раны? Где мне найти утешение?..

Ланецкий сказал:

— Трудно утешить тебя. Однако знай, что вся наша жизнь — это божья речь для нас, которую можно понять только

сердцем, и там же надо учиться грамматике уяснения божественных слов. Вера послужит диалектикой, молитва — риторикой, созерцание — физикой, а любовь — этикой. Истина одна — всем управляет лишь Божественное предначертание. Помни и ты: никто не вышел на свет, когда хотел, так и никто не уйдет из света, когда захочет. Нагими мы вышли из чрева матери, нагими и возвратимся. Не походи на безумца, который принимает от Бога доброе, а злое принимать отказывается. Ты сам, священник Братского единства, наставляешь многих, опустившиеся руки поддерживаешь, гнущиеся колени укрепляешь, а теперь, когда дошло до тебя, ты изнемог и пал духом. Вспомни, что богобоязненность — твоя единственная надежда! Блажен человек, который не отвергнет наказание от Господа! Ибо Он причиняет раны, поражает и своими же руками обвязывает их, врачуя. Сетуя на судьбу, ты судишь Бога! Как же ты смеешь? Где ты был, когда Бог полагал основания Земли и краеугольные камни, затворял моря воротами и указывал заре ее место?

Ян молча опустил голову.

Епископ продолжал:

— Теперь тебе одно из двух. Вдумайся и выбирай: будешь ли иметь две обители: одну — в твоём сердце, другую же — на небе, у Бога, чтобы, предавшись Ему, ты смог получить от Него крылья для вознесения ради свободы твоего ума. Или засохнешь прежде всякой травы, как тростник без влаги. Вдумайся и выбирай!

Ян по-прежнему молчал...

Наконец, он поднял голову и произнес еле слышно:

— Я не могу... Оставьте меня здесь, чтобы я спокойно покинул эту жизнь и воссоединился с любимой семьей.

Тогда Ланецкий сказал:

— Подумай, сын мой, и, принимая решение, помни, что ты был торжественно посвящен в пасторы братства, и тогда ты давал клятву, что по первому зову послушно явишься перед лицом Бога и церкви, с чистым разумом и с готовностью служить Христу. Ты служишь церкви, божественному слову, тайным ключам

и таинствам. Мы выбрали тебя, увидев, что ты питаешься божественным словом, ты можешь учить, ты трезв, благоразумен и одарен всеми качествами, которые нужны настоящему пастору. В глазах братьев ты посол от Христа, обещавший посвятить себя церкви, а не самобичеванию. Принимая решение, помни и то, что дети не умирают! Они есть наше бессмертное наследие. Ты должен знать прежде всех в нашем братстве, что смерти нет! То, что считается лишь концом, есть наше истинное духовное рождение.

Ян закрыл лицо руками и ответил сквозь слезы:

— Не могу...

Тогда епископ встал и сказал напоследок:

— Ян Любящий, мой дорогой сын! Я приму любое решение твое. Продолжим разговор, когда захочешь. Знай, что скоро начинается совет старейшин и общий собор у часовни, где мы будем решать нашу дальнейшую судьбу. Ты знаешь, все нуждаются в тебе. Решай, будешь ли с нами, живыми, или похоронишь себя для тех, кого Бог уже призвал к себе.

Не поднимая головы, Ян повторил:

— Не могу...

Тогда епископ вышел из шалаша, оставив Яна одного со своим горем. За дверью он нашел близнецов и спросил удивленно:

— Что с вами?

— Мы бегали и искали Ясема!

— Но нигде не нашли.

— Посидите здесь. Возможно, учителю потребуется ваша помощь, — кивнул епископ.

Эраст и Бенедикт с готовностью кивнули.

— Мы будем часовыми.

— Лучшими часовыми!

5. Рай сердца

Вечером беженцы Брандиса собрались перед палаточной часовней на общий собор. Плотники наскоро соорудили трибуну для выступающих, повсюду загорелись самодельные лампы

Homines facti sunt ad mutua commoda: ergò sint humani.

Sis suavis et amabilis *Vultu*; 1 comis et urbanus *gestu* ac *Moribus*; 2 affabilis et verax *Ore*; 3 candens et candidus *Corde*. 4

Sic ama, et amaberis; sic fiet mutua Amicitia, 5, ceu *Turturum*, 6 concors, mansueta et utrinque benevola.

Morosi homines sunt odiosi, torvi, illepidi, contentiosi, *iracundi*, 7 *crudeles* 8 ac implacabiles (magis lupi et leones, quam homines) et inter se discordes, hinc confligunt *Duello*. 9

Invidia, 10 aliis malè cupiendo, seipsam conficit.

Люди созданы для взаимной пользы, поэтому они должны быть человечны (друг к другу).

Будь приятен и ласков лицом (1), вежлив и учтив в манерах и в поведении (2), приветлив и правдив в своей речи (3), горяч и чист сердцем (4).

Люби, тогда и тебя будут любить.

Отсюда возникнет взаимное дружелюбие (5), какое бывает между голубями (6), единодушное, кроткое и с обеих сторон благожелательное.

Угрюмые люди всем неприятны, мрачны, грубы, сварливы, гневливы (7), жестоки (8) и неукротимы (более похожи на волков и львов, чем на людей), враждебны друг другу, а потому и вступают в поединки (столкновения) друг с другом (9). Зависть (10), желая другим зла, сама себя съедает.

и факелы, тут и там разожгли костры. Все с нетерпением ожидали выхода старейшин Братского единства, которые уже несколько часов совещались в часовне. Шепотом распространялись слухи:

- Императорская армия наступает.
- Рассказывают, что папа болен...
- Черная смерть погубила почти все население Пшерова.
- Там погибли жена и дети учителя.
- Потому он не выходит, скорбит в шалаше.
- Как такое горе пережить?
- Только верой в Бога.

В это время Ян сидел у стола, склонив голову, и плакал. Ему было очень тяжело переносить сердечную боль. Он повторял себе:

— Конец моим надеждам! Горе мне, горе! Готов умереть тысячу раз, чтобы увидеть свою семью, нежели быть здесь и испытывать такую жестокость. Лучше бы мне никогда не родиться. Скрыться бы мне в пустыне от всего... Ах, Боже! Если Ты существуешь, то смилуйся надо мной несчастным!

Сказав это, он ужаснулся...

Он только что усомнился в существовании Бога.

— Боже! Что со мной происходит? Я гибну...

Перед шалашом по-прежнему дежурили часовые.

Пока старейшины задерживались, Мария, мать Ясема, тихо запела у костра.

«Господи, помилуй, Господи, прости...»

Эта тихая песня ореолом закружилась вокруг костра, и ее подхватили другие женщины:

«Помоги мне, Боже, крест свой донести...»

Тогда молитва усилилась, разлетелась по всему городу, и ее подхватили все.

«Ты прошел с любовью Свой тернистый путь,

Ты нес крест безмолвно, надрывая грудь...»

Ян, ошеломленный от осознания своего сомнения в Боге, встал, дотянулся до свечки на столе и зажег ее.

Затем он сел перед свечкой и начал произносить свою внутреннюю молитву, которая приоткрывала для него дверь ко Христу. Она потекла током по всему телу, и Ян почувствовал головокружение. Мир начал уходить из-под его ног, и тогда перед ним возникли невероятные образы.

Сначала они появились в дальнем, западном углу комнаты. Угол, казалось, расширился до беспредельности, и перед учителем предстало какое-то поле брани или массовой казни. Оглядываясь, учитель увидел множество умирающих в мучении и в агонии людей. Их состояние было самое жалкое. Смертельно раненные ползали в грязи и рыдали, искали свои оторванные конечности и в ужасе пытались собрать и уложить свои органы обратно в себя. Были и те, кто умирал в почтенном возрасте, однако их мучение было не менее ужасным.

Множество было и тех, кто умирал не от ран, а от бубонных опухолей. Их тела смердели, они мучились, обезображенные опухолями и нарывами, и беспомощно возводили руки к небу.

Каждый с ужасом, рыданием, страхом и содроганием отдавал свою душу, не зная, что с ним будет и куда попадет он из своего мира.

И ходили между этими несчастными чумные врачи в ужасающих масках. Они проверяли то одного несчастного, то другого, однако помочь не могли никому. Их суета была излишней.

Ян в ужасе смотрел на страшную картину и искал свою семью среди этих несчастных. Он кидался от одного края к другому. Не было ни Магдалены, ни мальчиков. В их поисках он достиг края поля брани, где увидел, как чумные врачи выбрасывали в бездонную яму за край солнца и света всех без разбора, как умирающих, так и уже усопших.

Ян в ужасе заглянул туда, и перед его глазами предстал мрак крошечной тьмы, границ которой человеческий разум не в состоянии найти. Там были лишь черви, жабы, гады, гной, смрад, запах серы и смолы.

Это был неопиcуемый ужас.

Ян ходил среди несчастных и плакал. Все его внутренности ко-ченели, его тело содрогалось, и он воскликнул в изнеможении:

— Какой ужасный свет! Жалкие, убогие, несчастные люди! Неужели это и есть последняя слава человека?

Тут он услышал страшный смех из-за спины и обернулся.

Перед ним был один из чумных врачей. Его маска с длинным клювом придавала его голосу еще более ужасное звучание. Его глаза были покрыты круглыми очками, и их не было видно вовсе.

— Дурак! — сказал он сквозь смех. — Чего ты следишь за мертвыми с таким удовольствием?

Учитель возмутился и ответил со слезами на глазах:

— С удовольствием? Да я скорблю и плачу...

Чумной врач расхохотался громче.

— Тем более! — сказал он. — Кто умер, с тем покончено навсегда!

— Не может этого быть! — крикнул Ян. — Не верю, что эта бездонная яма есть последняя слава человека, венец прослав-ленных действий! Не верю, что это есть цель всех искусств и все-сторонней мудрости, которую превозносят люди. Не верю, что здесь навсегда моя Магдалена и дети...

Чумной врач надрывался со смеху:

— Да, да! Именно так!

— Не верю и не хочу верить тому, что этот конец есть желан-ный мир и отдых после бесчисленных работ и утруждений! В этом не может быть бессмертия человека! Тогда лучше бы никому не рождаться, не проходить через врата жизни, если после всех сует мира суждено быть добычей крошечной тьмы!

Чумной врач кивал своим ужасным клювом:

— Да, да! Именно так! Все вы добыча крошечной тьмы! И куда вам деваться от стрел моей дочки — смерти...

Ян воскликнул:

— Я понял! Ты не врач вовсе! Ты сатана! Олицетворяешь в себе ложь, обман и погибель. Ты надеваешь на нас очки заблу-ждения, водишь по жизни, переодеваясь в ложь и обман.

— Как же ты ошибаешься! — сказал, насмехаясь, чумной врач. — Не думаешь ли ты, что верх мудрости — всю жизнь мучиться мыслью о смерти? Всякий знает, что это неизбежно. Так лучше не глядеть на нее вовсе, а смотреть за своим делом и быть веселее. Придет — так придет. Разве из-за того, что кто-нибудь умер, другие должны перестать веселиться?

— Заткнись, сатана! Ты Антихрист и губитель! Я не хочу с тобой говорить! — закричал Ян и обратил свой взор к небу. — Ах, Боже, Боже, Боже! Если ты Бог, спаси нас, погибающих! Спаси невинных! Спаси мою Магдалену и моих мальчиков...

Ян задыхался в слезах отчаяния.

Чумной врач смеется:

— Сомнения! Твои сомнения — моя пища. Мой шарбат! Я упиваюсь этим.

Ян кричит:

— Сгинь, сатана! Во мне нет сомнений! Всё от Бога!

Вдруг он заметил, что дальний, восточный угол комнаты осветился прекрасными и блестящими лучами. Дрожа от ужаса, он смолк, и с того угла услышал томный голос:

— Вернись!

Увидев из окна шалаша что-то неладное, близнецы часовые зашли к Яну и застали его лежащим на полу без сознания.

— Учителю плохо.

— Надо позвать врача.

— Надо помолиться.

— Как молитва поможет, если нет врача?

— Я знаю, молитва — лучшее лекарство!

— Правда?

— Давай подпевай...

С площади доносилась молитва, и близнецы начали подпевать.

«И за нас распятый, много Ты терпел,
За врагов молился, за врагов скорбел...»

— Ты уверен, что не надо звать врача?

— Подпевай!

«Я же слаб душою, телом так же слаб,
И страстей греховных я преступный раб...»

Эта песня откуда-то издалека, словно из другого мира, доносила до слуха Яна, который находился в своих полупотусторонних видениях. Там он оглядывался, смущенный, на звук, призывающий его:

— Вернись...

Он не знал, как выйти из этого мрака и где увидеть того, кто призывал его вернуться. Блуждая во тьме, он искал и спрашивал:

— Где ты? Кто ты? Покажись, умоляю...

Тем временем пел уже весь Брандис, и голос достигал небес... И проникал в душу Яна Любящего.

«Я — великий грешник на земном пути,
Я ропщу, я плачу... Господи, прости!»

Это молитвенное песнопение осветило затуманенное от горя сознание Яна, и, уразумев совет, он воскликнул:

— Господи, прости... Ты призываешь меня...

Томный голос ответил:

— Вернись, откуда ты вышел, в дом сердца своего, и затвори двери за собой!

Внимая совету, Ян собрался с мыслями, закрыл глаза и уши, заткнул рот и ноздри и... углубился в свое сердце...

Все погрузилось во тьму...

Исчезли ужасающие картины смерти, однако вместо этого ничего не появилось. Лишь глубокая тьма. Широко открыв глаза, Ян пристально всматривался в темноту, моля Бога о свете, и заметил лучики, скважинами проникающие сверху в его внутренний, личный храм. При таком незначительном освещении он сумел усмотреть поблекшую картину с названием «Смирение»... Вскоре он заметил и другую, которая оказалась картиной с тем же названием — «Смирение». Напрягая зрение, он понял, что вся эта светлица украшена множеством одинаковых картин с одинаковым названием — «Смирение».

Поражала также тишина.

Вдруг его осенила надежда, что Тот, Кто Призвал его сюда, наставит, как дальше быть.

Достаточно было подумать об этом, как внезапный свет осиял его свыше, и, подняв взор, он увидел, что верхнее окно его светлицы наполнилось светом и через этот свет к нему спустился ангел, источающий необыкновенное сияние. От ангела повеяло приятнейшим благоуханием, и учитель проникнулся какой-то неизреченной радостью, когда ангел сказал:

— Привет тебе, сын и брат мой дорогой!

Ян не знал, что ответить на неожиданное приветствие, и стоял перед гостем, объятый умилением.

Увидев это, ангел сказал:

— У тебя горе, ты ищешь и не находишь утешение. Где же искать утешение, как не в Боге?

Ян спросил через слезы:

— Где найти Бога?

В ответ ангел раскрыл свои светлые крылья, и в их сиянии учитель увидел Магдалену и своих сыновей. Это видение ввергло его в восторг, но слов выговорить он не смог.

— С нами все хорошо, — сказала тихо Магдалена, — вначале я жалела, что покинула тебя, но теперь я знаю, что все прекрасно. Смотри, как счастливы твои дети... Они летают по вселенной, с ними играют архангелы, их даже приняли в школу серафитов...

Ян удивлялся:

— Школа серафитов! Это же люди будущего. Они готовят нам счастливую эпоху тысячелетнего царствования Христа! Как мы ждем!

Магдалена ответила:

— Поверь, нам хорошо. Мы будем еще счастливее, если ты перестанешь страдать и заживешь полной жизнью, творя свои великие и добрые дела на земле. Я люблю тебя и буду всегда любить!

Ян плакал, слушая ее. Закончив, она растворилась в свете ангельского крыла.

Издали, словно из другого мира, послышалась песня:

«Помоги мне, Боже! Дай мне крепость сил,

Чтоб свои я страсти в сердце погасил...

Помоги мне, Боже! Щедрою рукой

Ниспошли терпенье, радость и покой...»

Ангел сказал:

— Ты хочешь найти Бога? Где же искать, как не в храме его?

Ян сказал тихо, еле слышно:

— Научи меня, где Его храм?

— Где же храм Бога живого, как не в твоём собственном сердце?

— Как открыть сердце для Бога?

Ангел наклонился поближе, и Ян проникся его неземным благоуханием:

— Я видел, как ты заблудился, и ввел тебя в храм сердца твоего. Я привел тебя к себе. Только здесь, где нет обмана и тьмы, ты найдешь покой, утешение, славу и полное удовлетворение.

«Грешник я великий на земном пути...

Господи, помилуй. Господи, прости!»

Утопая в слезах, Ян сказал:

— Теперь я понимаю, ты — Господь Иисус Христос! Прими меня к себе, Твоим хочу я быть и Твоим остаться навеки!

Ангел ответил:

— Ты будешь под моим крылом.

— Поведай, чего хочешь, и дай мне любоваться Тобой. Возложи на меня, что благоугодно Тебе, и дай мне нести бремя Твое. Поставь меня, к чему хочешь, и дай совершить. Прикажи, что хочешь, и дай исполнить Твои повеления. Пусть буду ничем, дабы Ты стал всем!

Ангел ответил:

— Сын мой, я обитаю в двух мирах: на небе, во славе своей, и на земле, в сердце смиренном. Хочу, чтобы и ты с этого времени

имел две обители: одну здесь, в сердце твоём, где я обещаю быть с тобой, другую — на небе, у меня; и да пребудут с тобой крылья, чтобы возноситься туда — суть стремление к вечным благам и молитвам. Так и пребудешь со мной, как и я с тобой.

Сказав это, ангел вознесся наверх, и издали послышалась песня:

«Помоги мне, Боже, дай мне крепость сил,

Чтоб свои я страсти в сердце погасил.

Помоги мне, Боже, щедрою рукой

Ниспошли терпенье, радость и покой...»

Молитва ложилась на сердце Яна и возносилась прямо к Небу через верхушки самых высоких елей.

Сквозь пелену этой молитвы учитель очнулся и заметил, что сам сидит на полу, а рядом с ним — перепуганные близнецы.

Как только он открыл глаза, они заговорили:

— Учителю лучше!

— Слава богу, вы очнулись!

— Мы увидели из окна, что вы упали.

— И мы прибежали на помощь.

— Как вы себя чувствуете?

— Вы совсем побледнели...

Ян обнял детей и сказал:

— Сейчас мне лучше. Уже посветлело на душе... Где Ясем?

— Мы бегали и искали его.

— Но нигде не нашли.

— Вам что-то причудилось?

— Что вы видели?

Учитель думал, как лучше описать свои видения детям, но неожиданно дверь шалаша тихо приоткрылась, и на пороге Ян увидел человека...

— Не может этого быть... — прошептал Ян.

В комнату вошел человек в фламандском пурпурном плаще, с величественным золотым посохом с инкрустированным бриллиантами текстом молитвы «Отче наш» на латыни. На левой руке

вошедшего сверкнул перстень из бургундских сокровищ, и Ян сказал:

— Кардинал Лохелиус...

Мальчики подскочили на месте от страха, и Ян обнял их, чтобы успокоить.

Увидев это движение, кардинал сказал:

— Приветствую тебя, пастор. Не беспокойся. Как видишь, я пришел один. Здесь нет солдат, нет охраны. В дверях меня ждет лишь мой верный помощник, пастор Флуктус. Я хочу только поговорить с тобой наедине.

Ян обратился к близнецам:

— Друзья мои, подежурьте часовыми у дверей, пожалуйста.

Эраст с широко раскрытыми глазами рассматривал кардинальский посох, который сочетался с расшитым золотом и украшенным драгоценными камнями плащом кардинала, а Бенедикт уставился на бриллиантовую инкрустацию молитвы «Отче наш».

Заметив, что близнецы ошарашены, Ян привел их в чувства, повторив просьбу:

— Друзья, очнитесь! Вы часовые. Идите дежурить снаружи.

Мальчики согласились и вышли, не отрывая глаз от сверкающего кардинала.

Некоторое время кардинал оглядывал шалаш Яна и всматривался в рукописи, разложенные по столу. Ян же чувствовал утешение и спокойствие. В его сознании пульсировала тихая внутренняя молитва, оставшаяся после его встречи с ангелом в сердце своем, и он сказал кардиналу:

— Я потерял семью в войне, которую начали вы. Но мои тяжелые переживания ушли далеко. Теперь я знаю: все испытания, все человеческое насилие в делах земных возносятся к Богу и на Него же возлагается. Все это — дивные пути Господа, Его уроки продвижения меня к себе. Я не ведаю, куда и как Он, руководитель всех, направляет своих избранных. Не способен я осознать Его действия, но Он был, есть и будет со мной всегда! Он водит меня окольными путями, только ради того, чтобы привести меня

к себе. И теперь передо мной вы, Ваше Преосвященство, злейший враг нашего народа, тоже как урок Бога. Мне надо выучить все уроки, чтобы прийти к себе... Так вот, я приветствую, Ваше Высокопреосвященство. Чем могу служить?

Кардинал подошел к столу, осмотрел рукописи внимательно и сказал:

— Это настоящее чудо, что твои рукописи восстали из пепла после того, как я их сжег.

Ян согласился:

— Бог пожелал их спасти.

Кардинал кивнул задумчиво и сказал:

— Я пришел к тебе с предложением о спасении всего вашего сообщества.

Горькая улыбка показалась на лице Коменского:

— Ваше Высокопреосвященство, это звучит как насмешка. Вы губите нас, убиваете мужчин, женщин и детей. Разрушаете наши храмы. Не даете нам искать наш путь к Богу, запрещая нам причащаться хлебом и вином и молиться на понятном нашему народу языке. Теперь вы хотите нас спасти. Так не противоречите ли вы себе самому? Надо ли сначала губить, чтобы потом спасти? Не легче ли не губить, дабы не было необходимости спасать?

Выслушав это, кардинал ответил:

— Не я ваша гибель. Не я причина ваших бед. Поверь, я скорблю вместе с вами и разделяю вашу боль. Но причиной ваших бед является ваше собственное отступничество. Вы предали Бога и церковь. Вы отказываетесь подчиняться законам Бога. Это первопричина вашего бедствия.

— Вы же понимаете, что это ложь. Мы отказываемся подчиняться папе, а не Богу. Ибо папа не есть Бог на земле. Он сам должен первым показывать пример смирения и подчинения Богу, как первые апостолы. Но он этого не делает. Он разрушает устои церкви. Бога нет в церкви, Бог в моем сердце. Оттуда вы Его не можете отнять. Замкнувшись в этом убежище, я почувствовал

истинное блаженство, ибо в сердце я имею лишь одного Господа Бога единственным советником, вождем, другом и товарищем во всех делах. Даже в миг великого горя лишь Он мне помогает, и все от Него.

Кардинал ответил:

— Мне искренне жаль. Вы вправе винить меня. Но я считаю себя рукой Господа. Я служу Ему и считаю своей обязанностью наставить всех отступников на верный путь. А вы — отступники. Вы еретики. Вы предаете Христа.

— Как же? Как мы предаем, когда единственное, что мы делаем, — ищем связи со Христом. Объявляя себя защитником Христа, не надо ли первым делом следовать Его законам? Когда и где Он учил внедрять веру силой? Когда и где Он наставлял народы под дулом пушек, под острием сабель и под страхом разорения? Когда Он просвещал под запахом пороха? Когда и где Христос учил вас крестить мечом и проповедью? Когда и где Он проповедовал продавать искупление грехов за золото, а затем на это золото строить замки папе и его слугам?

Лохелиус сказал:

— Я понимаю тебя. В тебе сейчас говорит горечь, вызванная утратой семьи. Я правда сожалею и молюсь за их души. Царство им небесное. Но этот спор сейчас нас увлечет далеко. Тем более что у нас не университетский диспут, а война, которая может погубить пол-Европы. Я этого не хочу, и у меня есть путь избавления от этого. Если ты хочешь выслушать, я скажу.

Ян тихо кивнул:

— Я слушаю вас.

Кардинал сказал:

— Я хочу, чтобы ты убедил братьев обратиться в веру и вернуться к папе. Подчинитесь, и Бог спасет вас. Призови их, и они тебе поверят. Если обратитесь, вы немедленно вернетесь на родину, получите возможность жить и творить, наслаждаться всеми радостями жизни. Вы страдаете, потому что Бог вас наказывает. Я страдаю вдвойне, ибо я рука Бога и вынужден причинять вам

страдания. Помогите мне исправить все. Убеди свой народ обратиться в католичество, и ты спасешь всех. Бог наказывает вас, еретиков, за то, что вы не повинуетесь. Подчинись ты, и за тобой последуют другие. Тем самым вы вернете себе любовь Бога и папы, его наместника.

— Я вам не верю. Вы ведете войны ради богатства и власти, а не для спасения наших душ. Я верю, что Христа надо искать в своем сердце, а не в церкви. И в этом никто не сможет меня разубедить даже под страхом смерти. Но вас я тоже понимаю, ведь если люди найдут Христа в своих сердцах, то кто же будет платить вам за искупление грехов? Вам нужен мир, погрязший в грехах, а нам нужен мир праведников. И нам не нужны награды земные. Сейчас начинается наш собор, где будет решаться судьба беженцев. Идите и выступите перед ними сами. Сами предложите ваш план спасения, — ответил Ян.

Лохелиус ответил:

— Меня они не слушают, ибо слишком перевозбуждены. Но послушают вас. Потому я и здесь. Но даже если бы они меня послушали, у меня нет такой силы убеждения, как у тебя.

Ян отвечает:

— Христос — спаситель всех. Но Он спасает тех, кто не отрицает его. А вы именно отрицаете и призываете нас сделать то же.

— Я призываю вас к спасению. Иначе я буду вынужден сделать то, чего я никак не хотел.

Ян замолк. Он понял, что это очень серьезная угроза, однако в его сердце было спокойствие и умиротворение. Он знал, что нечего бояться, кроме Бога. Его Магдалена и дети счастливы у Бога. Все хорошо! И он ответил:

— Не врите, кардинал, вы не будете делать того, чего не хотите.

Кардинал ответил раздраженно:

— Ты меня разочаровал. Хочу, чтобы ты помнил. Я тебя не оставлю и буду преследовать всю твою жизнь, чтобы ты не отравил своей ересью народы. Вижу, твои рукописи спасены каким-то

чудом, но твоим идеям не суждено распространиться. Это обеспечу я.

Сказав это, кардинал вышел из шалаша.

Близнецы склонили головы перед ним.

Тут же его ожидал Флуктус.

— Пастор, — сказал ему кардинал, — переговоры провалились. Отнеси мое послание старейшинам.

Флуктус молча подчинился и направился к часовне со свитком в руках.

Народ все еще пел:

«Господи, помилуй, Господи, прости.

Помоги мне, Боже, крест мой донести.

Ты прошел с любовью свой тернистый путь,

Ты нес крест безмолвно, надрывая грудь...»

6. Общий собор

«И за нас распятый, много Ты терпел.

За врагов молился, за врагов скорбел...»

Народ продолжал петь, когда из часовни вышли старейшины. Они разместились по правую сторону от ораторского пьедестала. Председатель Братского единства, архиепископ Кирилл, подзвал Ланецкого и сказал ему:

— Начинай, а мне дай слово в самом конце.

— Хорошо, — ответил Ланецкий и, заметив графа рядом с собой, спросил его: — Ян не появлялся?

— Нет, — ответил граф, — заточил себя в шалаше. Мне сходить к нему?

— Он сам должен разобраться со своей душой. Надеюсь, он справится. Я хочу вначале дать слово Вашему Величеству, чтобы вы сообщили людям обстановку, все как есть. Затем общими усилиями мы примем решение. Надеюсь, что оно окажется мудрым.

Ланецкий поднялся на пьедестал и сказал во всеуслышание:

— Братья мои, да хранит нас всех Господь — великий во веки веков!

Unigenitus aeternus *Dei Filius*, 3
 promissus Protoplastis in Paradiso, tandem,
 impleto tempore, conceptus per *S. Spiritum*
 in utero sanctissimo *Mariae* 1 *Virginis* de
 domo regiâ Davidis, et indutus humanâ
 carne, Bethlehemi Judaeae, in summa
 paupertate Stabuli, 2 Anno Mundi 3970
 in mundum prodiit: sed mundus ab omni
 peccato, eique impositum fuit nomen
Jesus, 3 quod significat *Salvatorem*.

Hic, cum postea imbueretur sacro
Baptismo, 4 (Sacramento novi Foederis)
 à Iohanne Praecursore suo, 5 in Jordane,
 apparuit sacratissimum *Mysterium divinae*
Trinitatis, *Patris* voce 6 (quâ testabatur,
 hunc esse *Filium* suum) et *Spiritu Sancto* in
 specie *Columbae*, 7 caelitus delabente.

Ab hoc Christo dicimur Christiani,
 inque eo solo salvamur.

Единородный вечный сын божий (3),
 обещанный первозданным людям в раю,
 наконец, по исполнении времени, зачатый
 от святого духа во святейшем чреве
 девы Марии (1) из царского дома Давида
 и облеченный человеческой плотью
 в Вифлееме иудейском, родившись
 в величайшей бедности, в стойле (2),
 в 3970-м году от сотворения мира, пришел
 в мир, но свободный от всякого греха, и дано
 было ему имя Иисус (3), что значит спаситель.
 Впоследствии, когда он принимал
 святое крещение (4) (таинство нового
 завета) от своего предтечи Иоанна (5)
 в Иордане, проявилась святейшая тайна
 божественной троицы: голос отца (6)
 свидетельствовал, что это его сын, а дух
 святой в виде голубя (7) спустился с неба.
 От этого Христа мы и называемся
 христианами, и только в нем одном мы
 находим спасение.

Площадь отозвалась:

— Аминь!

Затем Ланецкий продолжил:

— Этой ночью, с Божьей помощью, мы должны принять судьбоносное решение. Как нам перенести тяжелый удар судьбы, нанесенный нашему мирному народу вражеским мечом? Для начала предоставляю слово его величеству, графу Жиротинскому, нашему благодетелю и покровителю, который сообщит нам некоторые известия об обстановке на сегодня. Он высказывается от имени мирян, крестьян, ремесленников и представителей всех гильдий. Напомню правило нашего

— а. Если вы согласны с выступающим, можете поддержать его в любое время. Если же имеете что-либо против, то дождитесь окончания речи и высказывайтесь после. В конце я сообщу, к чему пришел совет старейшин, и тогда уже примем решение всеобщим голосованием, ибо мы — братья.

Взоры всех обратились к графу. Он поднялся на пьедестал и сказал:

— Братья, нам всем сегодня очень тяжело. Жестокая война уносит жизни наших земляков, мы теряем близких. Иногда кажется, что это все происходит не с нами, однако реальность суровая. Вы знаете, что дворяне Богемии пригласили Фридриха из Пфальца, желая видеть его своим королем, так как он покровительствует всем протестантам. Преподобный Кирилл короновал его, но Бог распорядился иначе, против нас восстал император Фердинанд, и мы были разбиты при Белой горе. В этой битве пали тысячи героев. Последний из них, герой Подебрад, погиб на наших глазах. Его исповедовал Ян. Теперь у нас больше нет воинов, которые защитили бы нас. Царство им всем небесное...

Граф перекрестился, а за ним перекрестились и все собравшиеся.

Затем граф продолжил:

— Фридрих был вынужден бежать, а наши дворяне были приговорены к смерти. Палач Мылдарж казнил 27 из них на

Староместской площади в Праге, и теперь их головы вывешены в железных сетках на мостовой башне Карлова моста, в назидание тем, кто осмелится восстать против католической церкви и против кровавого императора Фердинанда. Теперь наши доблестные дворяне без усталости смотрят на Прагу, но ничего не видят. Мой главный вопрос — этому ли учил Христос?

Народ возмутился. Отовсюду были слышны возгласы:

— Нет!

— Нигде Христос этому не учит!

— Это от сатаны...

— Согласен, — ответил толпе граф, — и от сатаны то, что гибнут наши невинные дети. Мой единственный сын и наследник, Сניתек, встретил смерть от вражеского меча, когда защищал сирот от зверского нападения солдат. Совсем недавно мы узнали о великом горе, постигшем Пшеров. Жестокая болезнь там унесла тысячи невинных жизней наших соотечественников. Вместе с другими там погибли супруга и малолетние дети Яна. В каждой семье невосполнимая потеря. Мой главный вопрос — этого ли желал Христос? Посмотрите, что происходит в завоеванном Фульнеке, нашем родном городе. Там солдаты расквартированы по всем домам, которые отобрали у нас, и теперь священники проповедают под запахом пороха и под дулом пушек, насильственно навязывая католицизм. Это ли путь Христа?

Многие среди слушающих горько плакали, вспоминая всех, кто отдал жизнь за веру или стал жертвой несправедливости. Расплакался и сам граф. Ему пришлось прервать свою речь на несколько секунд, но потом он взял себя в руки и продолжил:

— Мы разграблены и разорены. Погибает все, что у нас осталось от предков, что мы строили благородным трудом при нашей жизни. Нас лишили того, что полагается по закону, и мы превратились в беженцев на своей земле. Но враг не довольствуется этим. Нас хотят лишить права искать спасение наших душ! И все это делают священники! И опять хочу задать свой главный вопрос — к этому ли призывал Христос?

Услышав это, толпа разразилась возмущенными выкриками:

- Душегубы!
- Воры!
- Негодяи!
- Антихристы!

Граф ответил:

— Согласен! Это Антихрист наступает на нас. И часто он облачен в рясу. Каждый из нас это видел, но я хочу, чтобы вы знали, как я пришел к своим убеждениям. Перед старейшинами нашего Братства и перед всеми здесь собравшимися братьями я хочу исповедоваться и найти пути нашего спасения через собственное покаяние.

После этих слов на полянке воцарилась тишина:

— Вы знаете, что сейчас я занимаю пост вице-губернатора Моравии. Это высокая и почетная должность, доставшаяся мне ввиду моего высокого происхождения. Я родился в дворянском доме с величественным гербом. Один мой прадед преданностью перед королем добился права изобразить на гербе серебряный дворянский шлем с забралом. Другой прадед, ради еще большего почета, купил право добавить в герб нашлемник в виде головы льва, а мой дед в войне выслужил изображение туловища льва, поддерживающего щит. Неудивительно, что я вырос в роскоши и, подобно многим юным дворянам, возгордился осознанием собственного благородства, стал вести жизнь, противную заповедям Христа. Я тратил золото на тщеславное выделение себя перед другими людьми. Я вел себя чопорно, облачаясь в яркие костюмы затейливых покровов. Я жил в огромном замке с многочисленной прислугой и задавал изящные пиры с блюдами из редкой пищи на удивление всем. Я восседал на мягком ложе, восхвалял себя, требовал лести и наслаждался властью над другими. Я возомнил, что похожу на бога.

Многие в толпе перекрестились.

- Боже упаси.
- Да спасет тебя Всевышний...

Граф продолжил:

— Во мне не было ни капли смирения и терпения. Я стремился обладать большим и ради этой цели вертелся во дворе короля Генриха. Там я прекрасно выучил вежливые позы с поклонами.

В толпе восклицали:

— Слава тебе, Господи!

— Покайся, граф...

Чувствовалось, что эти воспоминания мучили графа. Он продолжал:

— Я и каюсь перед вами, ибо на войне я убивал, грабил чужие замки и даже не думал о том, что во мне растет настоящий антихрист. Проводя жизнь в праздности, однажды на одном пиру я встретил архиепископа пражского и прельстился его проповедью, где он перечислял милости, дарованные верным сынам церкви римским престолом.

Упоминание архиепископа пражского вызвало возгласы негодования среди всех слушающих.

— Это безнравственный человек.

— Настоящий безбожник...

Граф сказал:

— Тогда его проповедь произвела на меня такое сильное впечатление, что на следующий же день я исповедовался у него и за огромную плату купил у него прощение грехов. Архиепископ выписал мне очень дорогую индульгенцию. Я спросил, как мне быть дальше? На это он ответил, что в моей беспутной жизни нет вреда, ибо это все подобает моему высокому сану. Тем самым он негласно позволил мне грешить дальше, дав понять, что я могу всегда обращаться к нему за продлением индульгенции.

Услышав это, по толпе слушателей пронеслась еще большая волна негодования:

— Продажные священники.

— Обманщики.

— Насколько же я был глуп, думая, что так легко уладил отношения с Богом. Я захотел отметить это знаменательное собы-

тие и закатил княжеский пир в своем замке. Собрались мои товарищи — гуляки из благородных дворян, а архиепископ приехал в компании других могущественных священников — обладателей лучших бенефиций в стране, — продолжил граф.

Народ негодовал:

— Выгодники.

— Дельцы...

Граф сказал:

— Я потчевал всех сверх всякой меры, а в особенности священников. Я восхищался и благодарил их за то, что они прокладывают мне мост к Богу. Считая, что вкушать вино — это великое благо, я всех принуждал пить. Скоро священники с гуляками охмелели сверх всякой меры. Плясали, смеялись и кричали. Тогда один из священников пригласил архиепископа в свою бенефицию поохотиться на кроликов. Архиепископ ответил насмешкой, сказав, что там нет подходящих кроликов, что сильно задело священника. Он напал на архиепископа в пьяном угаре, и скоро все подрались как мальчишки. В моем замке разгорелась такая перепалка, что били друг друга не только кулаками, но и стульями. Я тоже ввязался в драку и получил ножкой стула по голове, после чего упал и провалился в небытие. На рассвете я увидел вещий сон. Мой Ангел-Хранитель плакал на берегу огромного озера, окропляя слезами мою индульгенцию, которая валялась в грязи. Это видение меня потрясло. Я буквально подскочил на постели и кричал в отчаянии: «Ангелы-Хранители не принимают папские индульгенции!»

Толпа засмеялась:

— Индульгенция — обман!

— Народу врут, будто это билет в рай!

В это время Ян вышел из своего шалаша, и к нему немедленно подбежали близнецы:

— Мы часовые!

— Докладываем, что все спокойно!

Коменский ответил:

— Благодарю вас! Ясем не возвращался?

— Нет.

— Мы не знаем, где он.

Ян кивнул.

— Тогда согласитесь ли вы сопроводить меня на площадь?

Я должен принять участие в соборе.

Мальчики обрадовались:

— Конечно, учитель!

— Мы будем с вами всю жизнь...

Граф продолжил:

— И тогда я задался главными вопросами, которые меня мучают по сей день: христиане убивают друг друга, этому ли учит Христос? Священники продают Святой Дух за золото, это ли заповедовали апостолы? Епископы тонут в роскоши, это ли по-христиански? Сотрясаясь от осознания ужасного падения Римской церкви, я обратился к преподобному Ланецкому за помощью. Слава Богу, он открыл мне глаза на многое и преподал урок жизни. Я понимаю, что сейчас слова Христа забыты. Богатство отравило и испортило церковь. Папы и епископы перессорились и погрязли в грехах. Как далеки эти духовные пастыри от цели, указанной Христом! Вместо того, чтобы жить в простоте и смиренности, они владеют землей, стремятся подчинить себе королей, ходят в окружении рыцарей, блистающих золотом и серебром. Причина и источник всей этой заразы — римский двор, не только потому, что он не исполняет своего назначения, но и потому, что сам продает веру и церковь.

Толпа негодовала, а граф завершил свое выступление, сказав:

— Я благодарю Бога за то, что Он открыл мне глаза на все, и теперь я буду защитником Братского единства везде, где это будет мне по силам. Бог определил меня владельцем этих земель для того, чтобы они стали вашим убежищем. Я буду этому способствовать так долго, как смогу. И конечно, я и впредь хочу покровительствовать молодым, посылая их на обучение, помогать строить дома и деревни.

После этого граф спустился с пьедестала, и его место занял Ланецкий. Он сказал:

— Мы все безмерно благодарны графу. Он правильно задается вопросом — чему учит Христос? Любить врагов своих, вот чему! Это воля Бога! Мы хотим подчиняться только Богу! Но папа присвоил себе власть самого Христа и учит дурней, будто надо сдавать тяжкие грехи в Рим — и будешь чист от них, точно снова родишься от своей матери. Слава Богу, граф понял глупость этого в молодости.

Однако со всех земель идут толпы, а папа, отец всяческого зла, нарядно разодевшись, в перчатках с жемчугами, стоит на высоком месте и дает им ложное благословение. Он якобы отпускал им все грехи и будто бы избавлял от мук чистилища и ада. Так, обогатившись, он вкладывается в войну против нас, ибо мы — враги его кошелька.

Народ кричал:

- Католическая церковь предала веру!
- Золото отравило церковь.

Ланецкий сказал:

— Братья мои, старейшины долго обсуждали создавшуюся обстановку и просили Бога, чтобы он открыл нам глаза на истину. То, что мы имеем вам сказать, будет сейчас поведено устами председателя Братского единства, Его Преосвященства архиепископа Кирилла.

Архиепископ поднялся на пьедестал и сказал:

— Братья мои! Владыка духовный, папа, нарушает закон Христов тем, что отвергает нищету, отвергает труд, отвергает проповедь, отвергает пастырские обязанности, отвергает власть Бога, а вместо этого ищет светскую власть, золото, роскошь и почет, благословляет за золото и проклиная тех, кто ему не по нраву. Теперь он требует, чтобы ни один народ не мог иметь священников помимо него и без его соизволения, и эти священники должны быть с ним единомышленниками.

Народ возмущается:

- Папа ставит свои законы выше закона Божьего.
- Это скот безумный, омоченный в святой воде.

Кирилл продолжил:

— Наперекор заповеди Христовой «терпением спасайте души ваши» нынешняя Церковь крушит врагов острым мечом, ведет войны, платит злом за зло и впадает, таким образом, в смертный грех.

Народ кричал:

- Мечом не крестят!
- Цари воюют по дьявольскому наваждению.

Кирилл сказал:

— Если бы люди верили словам Христа и следовали Его примеру, то не было бы войн на земле. И битвы, и иные убийства, и всякие враждебные посягательства на других, возмездие злом за зло, бои между христианами происходят только оттого, что мы не любим врагов своих и не переносим с терпением причиняемые нам обиды. Это противно закону христианской любви. И мы, возможно, были наказаны за то, что взяли за меч и хотели мечом защищать свою веру. Белая Гора превратилась в могилу нашей независимости. Наверно, пройдут десятилетия, а может быть, и столетия, пока мы сможем опять дышать воздухом свободы. Но это не помешает нам спасти свои души.

Народ восклицал:

- Это единственная цель!
- Да поможет нам Бог!

Тут Кирилл заметил, что на полянке появился Коменский и сказал:

— Я вижу, что к нам присоединился Ян Любящий...

Все посмотрели в его сторону. В сопровождении маленьких часовых-близнецов он прошел к пьедесталу и поклонился всем.

Кирилл сказал:

— Уверен, что у Яна Любящего есть многое, что сказать нам. Хочу напомнить — он не только мастер семи искусств, но

поистине исполнитель восьми блаженств и всех заповедей Божьих. Поднимись сюда, Ян.

Ланецкий обнял Яна и сказал ему:

— Я тобой горжусь! Я и не сомневался, что ты справишься.

— Я учусь у вас. Вы мой наставник, а помогает мне Бог.

Он посылает ангелов для нашего спасения.

Кирилл пожал ему руку и поставил рядом с собой.

Послышались одобрительные возгласы, и Ян сказал:

— Братья! Сегодня я прожил день длиною в целую жизнь. Еще утром я тешил себя надеждой на скорое возвращение. Позже все мои надежды рухнули, когда я узнал, что погибла моя любимая супруга Магдалена и двое моих сыновей. После этого я сидел в своем шалаше и горько плакал, даже посмел усомниться в провидении Господа. Я пал настолько, что лелеял греховную мысль самоубийства, желая воссоединиться с моей семьей. Преподобный Ланецкий меня увещевал, но я не слушал. Потом что-то случилось в моем сознании. Стены комнаты моего шалаша раздвинулись, я стал свидетелем ужасной картины войны и страдания. Я видел раненых, умирающих, несчастных... И чумных врачей среди них. Но потом Бог послал ко мне ангела, который осветил и открыл мое сердце для стойкой веры. Я утвердился в мысли, что наше спасение — в поиске Бога в наших сердцах! Там Господь воздвиг свой храм ради нашего спасения.

В толпе многие плакали.

Некоторые же поддерживали учителя возгласами:

— Так оно и есть!

— Мы с тобой, учитель...

Ян продолжил:

— Затем в моем шалаше появился кардинал Лохелиус, наш злейший враг...

После этих слов толпа сразу затихла.

Кто-то удивлялся:

— Не может быть...

— Как такое возможно?

Кирилл посмотрел на Ланецкого:

— Он это серьезно?

Ланецкий ответил с удивлением:

— Должно быть! Разве так шутят?

Ян продолжил:

— Он появился в дверях один и сказал, что пришел, чтобы спасти нас.

Народ возмутился:

— Лжец!

— Негодяй!

— Я спросил его, — сказал Ян, — если он хотел видеть нас в благополучии, то зачем же он ввергал нас в беду? Я сказал ему, что он ответственен за горе, которое наступает на нас со всех сторон. Мою родину громит жестокая сабля. Завоеваны замки, крепости и сильные города. Разграблены и сожжены церкви. Народ подвергается мучениям и пыткам. Папская церковь виновна в том, что страны вокруг нас обезумели и нет надежды на мир. Кажется, что скоро все превратится в пустыню. В этом безумии угнетается правда Господа, остановлено чистое служение Бога, настоящие священники вытеснены, брошены в тюрьму и жестоко убиты.

Толпа волновалась:

— Позор!

Ян сказал:

— Давайте разберемся, что же мы исповедуем такое, за что нас гонят как преступников? Что такого мы имеем против Христа такое, что нас объявляют еретиками? Позвольте поделиться мыслями о моей вере...

Народ замолк в молчаливом ожидании.

Старейшины слушали Яна очень внимательно.

Он сказал:

— Чтобы не ошибаться, надо для начала осознать истину, что лишь чистое учение Христа может указать путь спасения. Чистое учение Христа было воспринято апостолами и получило

распространение в форме первобытной апостольской церкви. Римские императоры терзали, мучили, пытали и убивали носителей чистой веры Христа, но им не удалось поколебать их веру. Так продолжалось 300 лет. Затем, в начале IV века, император Константин крестился сам и сделал христианство государственной религией. Император сблизился с папой римским, Сильвестром. Это могло и правда стать высшим благом, если бы Константин и его преемники показывали пример самого высокого благочестия. Но они жили среди христиан, отступая от веры и совершая самые богопротивные дела. Еще хуже то, что, приняв власть над христианами, Константин подчинил церковь законам светской жизни и вскоре настоятели, епископы, митрополиты и сам папа зажили жизнью обычных феодалов. Сейчас они владеют землями, замками, золотом. Треть всей Моравии и Богемии — это их собственность. Получая прибыль от своих владений, они живут в роскоши и совсем забыли о заповедях Христа. Где же та первобытная и чистая церковь сейчас? Можно ли найти ее в Риме? Там считается молитвой, когда один поп перекидывается с другим громкими словами и стихами. Видя это, народ слепо думает, что Бога можно найти в церкви. Людей привязывают к внешним обрядам, и они думают, что соблюдают истинную веру, исповедуя Бога лишь внешними знаками. Сегодня церкви нужны большие каменные храмы и дорогие алтари, блестяще украшенные ризы и расписанные стены, множество свечей и колокола с органом, будто Бог очень нуждается в таком почитании и скорбит, если мало сгорит воску, а стены не будут красиво блистать.

Народ кричал:

- Это лишь мишура!
- Кому это надо?

Кирилл наклонился к Ланецкому и спросил:

— Как хорошо он говорит. Словно слышу нашего великого Хельчицкого.

- Даже самого Гуса...

Ян продолжил:

— Чистая вера смешалась со светской властью, и тем самым католическая церковь нарушила невинность апостольского звания. Размножились первосвященники с королевским владычеством и грешные императоры со знаменем веры в руках. И законы Бога были заменены на людские. Одним предписали носить дешевую одежду, и они видят в этом особенную заслугу перед Богом; другим приказали не есть мяса, третьим велели петь печальные напевы, четвертых заставляют рано вставать, а пятых вынуждают много поститься. При этом все эти особенности производят рознь, заставляя ненавидеть друг друга, превозносить себя. Христос пал тогда, когда папа принялся сочинять свои законы, противные закону Божьему. Они говорят, что хоть и была заповедь Христова о причащении хлебом и вином, но святая Церковь может изменить то, что есть в законе. И они постановили запретить всем мирянам причащаться под обоими видами. Тем самым они запретили нам идти по пути спасения души.

Толпа возмущается.

— Да, они губят наши души!

Ян продолжает:

— С точки зрения папы, церковь Христа была глупа, ибо она служила без риз, без алтарей и храмов, произнося только «Отче наш» при богослужении, и раздавала священные предметы даром, когда ими можно хорошо торговать. Теперь же священники примешались к светской жизни, а светская власть не вменяет себе в грех убивать людей и учинять им всякие насилия и заставляет христиан ходить войной друг на друга и, таким образом, преступать заповедь Христа. Но хуже всего то, что эта власть проливает кровь праведных христиан за веру, считая их еретиками, между тем как она сама не ведает, что такое вера и что ересь. И потому священники идут за солдатами и совершают насильственное обращение в веру, считая это добрым миссионерством. Как же мудро поступили наши отцы. Чтобы устоять, они установили внутренний и внешний порядок. Ради этого, с помощью Бога, они расположили себя для святого товарищества и приспособили

свои правила к чистому вероисповеданию Бога и наставлению церкви. Они создали Братское единство. Они отделились от идолопоклонников и восстановили чистоту исповедания по примеру апостольской церкви. Они вернулись к простоте жизни по примеру самого Христа. Они установили между собой правила порядка для поддержания благословения. Они твердо решили держаться того управления, которое установил сам Христос, без примеси законов гражданских и папских, которые, подобно яду, отравляют людей, заставляя их отступать от истинной веры.

Народ восклицал.

— Мы хотим истинную веру.

— Покажи нам путь.

— Я твердо верю, что мы должны следовать путем наших отцов. Для этого мы должны восстановить то состояние вещей, которое было прежде, и придерживаться его, если только поможет Бог, как бы трудно ни было добраться до основания истины, найти первоначальное истинное основание церкви, Иисуса Христа, во множестве выросших на нем и противных ему нововведений, которые многими принимаются за основание. Однако мы будем иметь над собой царем лишь Христа, всецело Ему отдаваясь. Всякая другая власть отторгнет нас от Него. Земная власть нужна ради преступников, но если бы царствовал Христос, то все зло пало бы и грех мог быть низвергнут не по принуждению светской власти, а по свободной воле человека, из любви к Христу. Писано: «Цари господствуют над народами, и владеющие ими благодетелями называются, а вы не так: но кто из вас больше, будь как меньший, и начальствующий — как служащий», — ответил Ян.

Старейшины одобрительно кивали каждому слову. Кирилл тихо сказал Ланецкому:

— Брат мой, ты воспитал достойного ученика. Ему можно верить все.

Ян продолжал:

— И вот стоял передо мной папский кардинал Лохелиус, проникнутый светской властью, силой пороха и пушек. В руках

у него посох ценой в полцарства, на глазах — очки заблуждения, а в проводниках у него — обман. Какая у него чистота веры? Никакой! Водимый обманом, он утверждает, что все наши беды не от него, а от Бога за наше непослушание. И если мы обратимся в католическую веру, отказавшись от нашего вероисповедания, тогда Бог нас простит и вернет нас на нашу родину. Он требовал от меня призвать вас обратиться в католичество. Никогда этого не буду делать! Ибо он был передо мной как живой пример Антихриста, подводящий светскую власть под веру лживым толкованием Писания. Он искажает веру, превращая ее в объедки дьявола. Но я вижу другое будущее!

Народ согласен, люди спрашивают.

— Что нам делать?

— Наставь нас: как нам быть?

Ян сказал:

— Я вижу, что чем более род человеческий удаляется от руководства Евангелием, тем более нуждается в правах городских и императорских, которые служат ему опорой, и в конце концов может случиться, что, привыкнув кормиться этим ядом, люди совершенно отвергнут закон Христов как бесполезный... Тогда может наступить ужасное будущее, где соберутся наиученейшие профессора и скажут, что у них новый метод, которым доказывается, что Бога нет.

Народ перекрестился. Многие ужаснулись.

Старейшины шептали:

— Не может этого быть...

Ян продолжал:

— А я мечтаю о будущем, когда весь род человеческий возродит закон Христа и будет жить под управлением любви. Это тысячелетнее царствие Христа! Кому будут нужны тогда императорские законы?

Народ восклицал:

— Когда наступит такое будущее для нас?

— Возможно ли такое?

— Что нам сделать ради этого будущего?

— Само собой ничего не будет. Мы должны построить это будущее! Для этого нам надо воспитать строителей — лучших людей. Я верю, что новый общественный порядок может быть построен, и хочу посвятить себя с рвением и преданностью задаче мира и единства. Я верю, что Царство Божье в руках благочестивых людей, которых мы воспитаем. Я получил посвящение в 24 года, с рвением исполнял долг священника, после этого и буду продолжать это до конца своих дней! Поэтому я и не думаю призвать вас обратиться в католическую церковь! Я призываю вас строить светлое будущее! Я призываю вас найти землю, где мы могли бы вести спокойную жизнь и ждать лучшего времени, когда Бог вернет нам родину... — сказал Ян.

Послышался шорох и шум. Ян заметил, что после его слов из толпы выделился пастор Флуктус, передал послание Его Высочеству графу Жиротинскому и исчез в темноте. Граф немедленно вскрыл сверток, просмотрел и побледнел.

— Что случилось? — спросил его Ланецкий.

— Это ультиматум от кардинала Лохелиуса.

Ланецкий понял, в чем дело, и ответил:

— Зачитайте это всем.

Тогда граф поднялся на пьедестал и сказал:

— Братья мои! Только что слуга кардинала Лохелиуса передал послание. В нем сказано, что император Фердинанд объявляет католичество единственной религией в этой стране. Император приказывает принять католичество в течение шести месяцев безоговорочно. Несогласные объявляются еретиками и будут наказаны соответственно.

Волна возмущения пронеслась в толпе.

К кафедре подошел архиепископ Кирилл, поднял руку и, когда все замолкли, сказал:

— Зная ваше настроение и понимая обстановку, я не сомневаюсь, что ни один из вас не будет голосовать за то, чтобы обратиться в католичество.

Народ кричал:

— Никогда!

— Даже не будем это рассматривать!

Кирилл продолжил:

— Однако приказ императора есть приказ, ибо он властен над нами, и мы не можем защитить себя. Поэтому предлагаю немедленно начать поиски земли для скорого переселения. Уверен, нас примут в Польше. Его Высочество любезно предоставил нам свою землю, но долго здесь находиться мы не сможем. Он тоже бессилен против воли императора. Поэтому я предлагаю послать нашего доверенного для переговоров в Польшу. Предлагаю возложить эту обязанность на учителя Яна, если, конечно, он сам согласен служить нам, несмотря на тяжелые душевные раны.

Народ кричал:

— Яна Любящего послать!

— Не откажет...

Ян поклонился архиепископу, выказывая полное подчинение.

Тогда Кирилл продолжил:

— Пусть отправляется в Польшу скорее, пусть он встретится с графом Рафаэлем Лешницким и епископом нашего Братского единства в Лешно, преподобным Мартином Гертихом. И я предлагаю определить ему в помощники пастора Златоуста. Они вместе решат вопрос нашего переселения туда.

Народ был доволен решением, и Кирилл сказал в заключение:

— Скажу честно, речь Яна Любящего произвела на меня огромное впечатление. Я и не предполагал в нем столь глубокое познание и столь проникновенное понимание нашей истории, нашего настоящего и будущего. Я горжусь, что он среди нас! Ланецкий воспитал достойнейшего ученика! Теперь же наступила глубокая ночь. Предлагаю на этом разойтись, и наш собор объявляю завершенным.

Народ начал расходиться.

Все благодарили Яна и желали ему счастливого путешествия.

Граф подошел к старейшинам и сказал:

— Я могу обещать вам поддержку в строительстве нового городка, куда вы переселитесь. Я же буду прилагать все усилия, для того чтобы в ближайшее время разрешить все разногласия и вернуть всех беженцев в свои родные края.

Затем граф обратился к Яну:

— Брат мой! Своей речью ты дал мне надежду, что мой сын сейчас счастлив. Благодарю! Хочу внести свой вклад в твое предстоящее путешествие. Я передаю тебе в постоянное пользование карету моего сына со своим кучером. Кошичек, подойди!

Ян ответил с поклоном:

— Это честь, Ваше Высочество.

Граф подозвал Кошичека и приказал:

— Отныне ты служишь его учителю Коменскому. Он твой хозяин.

— С радостью, — ответил Кошичек.

Ян же искал в толпе мальчика, которого он так несправедливо обидел за то, что он хотел предупредить беду.

— Кто-нибудь видел Ясема? — спрашивал он всех, но мальчика нигде не было.

7. Горе тому, кто соблазнит одного из малых сих

В поисках Ясема Ян направился к шалашу Марии. Он жалел, что так несправедливо обошелся с мальчиком, выгнал его из своего дома, когда ребенок ни в чем не провинился. У Ясема дар! Нет сомнения, что он видит будущее в своих грезах, ибо его предсказания сбываются раз за разом. Слава Богу, что мальчик делится, рассказывает. Не он же виноват, если само будущее так ужасно.

Сначала Ясем предсказал разгром Фульнека и исход беженцев. Все так и случилось.

Затем он видел чуму в Пшерове...

Боже! Какое горе...

Образ измученной Магдалены с детьми вставал перед Яном, вызывая горечь и боль, но тут же он вспомнил другой образ — ее, стоящую под крылом благоухающего ангела. И это утешало его.

Наконец, Ясему пригрезилось какое-то отдаленное будущее, где некая «наука» как будто «доказала», что, Боже упаси, Бога нет!

А если и это правда? Что тогда? К чему катится все людское племя?

Что бы мальчик там ни видел, нельзя было его выгонять! Теперь надо все поправить. Разыскать мальчика и просить у него прощения. Возможно, он прячется дома.

С такими мыслями Ян постучал в шалаш Марии. Она открыла ему сразу, словно ждала его в дверях. Глаза у нее были заплаканные.

— Привет тебе, Мария, — сказал Ян, — я ищу Ясема. Хочу извиниться перед ним. Он дома?

Мария молча указала на постель, где Ясем лежал, повернувшись лицом к стене.

Мария сказала:

— Проходите, учитель. Ясем спит, но, возможно, он скоро проснется... Присядьте сюда на табурет. Хотите крендели? У меня осталось несколько с утренней выпечки.

Ян отказался от кренделей и сел.

Тут Мария расплакалась.

— Столько горя вокруг. Столько несчастий... Когда на моих глазах погиб Подебрад, для меня погас свет. Я думала, что моей жизни пришел конец... Мы его похоронили, и я плакала ночи напролет. Потом я увидела, что я не одна. Горе в каждой семье. У всех в глазах печаль. Несчастье так и гуляет по нашим домам. Почти все мои подружки потеряли мужей, братьев, отцов... Потом я узнала о черной смерти, которая погубила почти весь Пшеров и унесла жизнь Магдалены и детей. Сегодня, когда я слушала вашу речь на соборе, я поняла, что нет горя чужого. У всех у нас одна беда, общая для всех людей, независимо от вероисповедания или происхождения, и она заключается в недостаточной вере в Бога. Вы правы до небес, когда говорили, что живущие по законам Христа не воюют! Как же нам теперь быть? Что делать?

— Дорогая Мария, давай для начала мы с тобой перестанем проливать слезы. Поплакали, и хватит. Каким бы тяжелым нам ни казалось наше настоящее положение, у нас впереди есть будущее, и мы должны стремиться к нему. Для тебя же это важно вдвойне, ибо ты носишь в себе драгоценнейший дар Божий, и к нему нужно относиться с величайшей заботой. Ты вынашиваешь наследие Господа. Вспомни, сын Божий принимал детей как маленьких братьев и сестер. Он обнимал их, ласкал и благословлял с величайшим наслаждением. Даже о детях идолопоклонников Бог говорит, что они рождены Ему. И если они приходят не для нас, а для самого Бога, ясно, что к ним нужно относиться с божественной заботой. Спаситель предсказывал горе тому, кто соблазнит одного из малых сих, — успокоил ее Коменский.

Мария молча кивала и умиленно внимала спокойной и умиротворяющей речи Яна и, когда он закончил, спросила:

— Как постичь причины? Для какой цели Бог доверяет нам такие сокровища?

— Я могу лишь предположить, что Бог нас ставит очень высоко и потому делает нас своими помощниками, чтобы, прилагая старание к правильному воспитанию, мы направляли их к вечности. Вол создан для пахоты, собака приспособлена к охоте, конь предназначен к перевозке, а человек более высокое создание и должен быть приведен к высочайшей цели — соответствовать Богу своими добродетелями. Бог вдохнул душу в твое чадо, а ты помощница Бога в том, чтобы, поднявшись, этот дух вернулся бы к Богу. Давай мы с тобой пофантазируем. Представь своего ребенка в будущем. Какой он?

Слова Яна вызывали в душе Марии умиротворение, и она мыслями улетела в будущее, когда ее ребенок подрос.

Она сказала:

— Он красивый, богатый, почетный.

Ян ответил грустно, улыбаясь:

— Это земная жизнь. А я спрашиваю о жизни в вечном будущем, которая и есть жизнь в собственном смысле. Для нее нет ни

смерти, ни смертности. А наша настоящая жизнь есть не столько жизнь, сколько путь к жизни. Каким ты видишь своего ребенка там?

Мария улыбнулась:

— Он с ангелами.

— Вот! И чтобы ему пребывать с ангелами, он должен носить качества ангельские. Поэтому мы будем заботиться преимущественно о душе наших детей. Это главная часть человека, и она должна быть украшена как можно лучше для настоящей и будущей жизни человека.

Мария согласилась:

— Теперь я понимаю вас. Вы призываете воспитывать людей для жизни с ангелами.

— Да! Мудрец тот, кто подготовит себя к будущей жизни верой и благочестием здесь, на Земле. Поэтому мы будем приучать детей сначала к благочестию, а затем — к добрым нравам и только после этого — к полезным наукам.

— Вы научите меня искусству воспитания?

— Я обещаю быть всегда рядом и помогать. Семена искусства воспитания посеяны Богом в каждом человеке. И в тебе они есть. Я буду всячески способствовать, чтобы в твоей душе орошались и зеленели всходы мудрого материнства. Я хочу, чтобы твои дети цвели, как небесные растения. Ты будешь счастлива, превратив свой очаг в храм Святого Духа!

— Спасибо.

Ян посмотрел в сторону постели, где Ясем по-прежнему лежал лицом к стене, и сказал:

— Однако Ясем продолжает спать. Не буду его будить и тревожить. Зайду завтра... А ты передай ему мои извинения за то, что я поступил глупо и нечестно. Я упрекнул его, хотя он не заслуживал никакого упрека. Хочу, чтобы он меня простил за несправедливую обиду.

Тут послышался голос Ясема:

— Я не сплю. Я все время вас слушаю...

Мария сказала ему:

— Сынок, раз ты не спишь, возможно, ты желаешь повернуться лицом к учителю?

Ясем повернулся, встал и сказал:

— Учитель, вы не должны извиняться. Вы меня простите, что я поступил так глупо и убежал, когда вы были в горе.

Ян призвал Ясема к себе, обнял и, посадив на табурет рядом с собой, сказал:

— Будем друзьями навеки?

Ясем кивнул и ответил:

— Будем друзьями навеки.

Ян сказал:

— Отлично, друг мой. Я хочу, чтобы ты знал, что я признаю в тебе великий дар предвидения. В это трудно поверить, однако ты доказал это мне, и я верю твоим грезам.

Ясем ответил:

— Спасибо, учитель.

— Скажи мне еще раз, в твоих видениях о далеком будущем были ученейшие люди с причудливыми галстуками, и у них ты видел мой портрет с подписью «360 лет».

— Да, — ответил Ясем, — точно так. Мы с вами посчитали, что это 1952 год от рождения Христа. И они там вас почитали, но по-своему.

— Ты можешь вспомнить, что же они говорили про меня?

— Могу, конечно... Только это все звучало исключительно странно, неестественно и даже дико.

— Тем не менее, расскажи нам. Я обещаю больше не обижаться на твои слова.

— Хорошо, — сказал Ясем. — Они называли вас домарксистским мыслителем.

— Что это значит?

— Я уже рассказывал вам, что там, в будущем, они изобрели некую методу под названием марксистско-ленинский диалектический материализм.

— Да, я помню, звучит, правда, дико.

— Так вот той методой они якобы доказали, что Бога нет.

Мария перекрестилась в ужасе.

— После этого они разделили всех мудрых людей на домарксистских, как менее мудрых, и послемарксистских, как по-настоящему мудрых. Вы у них тоже домарксистский. Это значит «мудрый, но не очень», — продолжил Ясем.

— Что они непосредственно говорили? — спросил Ян.

— Вот, например, их предводитель сказал, что вы, конечно, не могли научно объяснить развитие общества, хотя вы и боретесь за искоренение социальной несправедливости и выступаете за торжество свободы, за утверждение мира и равноправия на земле, однако ваши планы утопические и иногда христианские...

Ян удивился:

— Как это иногда? Ведь я только о христианстве и могу говорить...

— А они утверждали, что именно это неверно и потому ваше обучение содержит много отрицательного, ненаучного и неприемлемого для их единственно правильной методы. Поэтому они кое-что принимали из вашего творчества в качестве образца воспитания, но отказывались от религиозности, что считали идеалистической догмой, ненаучной с точки зрения той же самой марксистско-ленинской методы.

Мария сильно переживала и сказала:

— Сынок, умоляю, не богохульствуй!

Ян остановил ее:

— Мария, дорогая, Ясем не богохульствует, ибо он отражает не свое мнение, а лишь рассказывает о своих грезах, чтобы мы имели возможность обсудить все. Вначале я тоже побоялся, что Ясем хулит Бога, потому и выгнал его, за что пришлось извиняться. Пусть он дорасскажет. Меня интересует, в чем же суть их методы?

Ясем ответил:

— Их предводитель в моих грезах говорил, что суть — в свершении социалистической революции и в строительстве

Prudentia.

Мудрость.

Prudentia, 1 omnia circumspemat, ut *Serpens*, 2, nihilque agit, loquitur, vel cogitat in cassum.

Respicit, 3 tanquam in *Speculum*, 4 ad *Praeterita*; et prospicit, 5 tanquam *Telescopio*, 7 *Futura*, seu *Finem*: 6 atque ita perspicit, quid egerit, et quid agendum restet.

Actionibus suis praefigit *Scopum*, *Honestum*, *Utilem*, simulque, si fieri potest, *Jucundum*.

Fine prospecto, *dispicit Media*, ceu *Viam*, 8 quae ducit ad *Finem*; sed certa et facilia, pauciora potius quam plura: ne quid impediatur.

Occasioni 9 (quae, *Fronte capillata*, 10 sed *vertice calva* 11 ad haec *alata*, 12 facile elabitur) attendit eamque captat.

In viâ pergit cautè (provide), ne impingat aut aberret.

Мудрость (1) оглядывает все, как змея (2), и напрасно ничего не делает, ничего не говорит и не думает.

Она глядит (3) в прошедшее, словно в зеркало (4), и предвидит будущее (5) или конец (6), словно через подзорную трубу (7). Таким образом, она ясно видит, что сделано и что остается сделать. Для своих действий она ставит наперед благородную, полезную, а вместе с тем, если возможно, и приятную цель.

Поставивши цель, она рассматривает средства или путь (8), который ведет к цели, но, чтобы что-нибудь не помешало, выбирает верные и легкие средства и лучше немногие, чем многочисленные. Она ловит случай (9) у которого на лбу волосы (10), но на темени лысина (11) и который к тому же крылат (12) и потому легко ускользает) и схватывает его. По дороге она идет осторожно (осмотрительно), чтобы не споткнуться и не заблудиться.

идеального мира. Мы же не могли знать ничего об этой методе, ибо она еще не открыта, и мы не понимаем законов развития общества, потому что живем в темные века. По их мнению, здесь мы зря ждем наступления пришествия тысячелетнего правления Христа и наступления рая на земле. Тем самым мы вместо социализма строим утопию на небесах ошибочно, намечая пути исправления дел человеческих. Тем не менее, они отмечали, что вы — прогрессивный мыслитель и говорите о будущем коммунистическом обществе и призываете к строительству социализма, хоть и не можете освободиться от религиозности вашего времени.

Мария ничего не понимала и потому тихо заплакала.

Учитель долго думал, потом сказал:

— Бред какой-то... Где же можно искать выход из всякого положения, кроме как не на небесах, однако, конечно, я допускаю, что могу ошибаться во многом. Кто под Богом ходит без единой ошибки?

— Они говорили, что ваша основная ошибка в том, что вы думаете, что Бог есть, когда, по их методе, Его нет.

Учитель отчаянно покачал головой:

— Они в заблуждении, сын мой! Я не отрицаю, что ты это видел в грезах. Я не отрицаю даже то, что такое кошмарное будущее может наступить. Но это говорит лишь о том, что те люди, наши далекие потомки, так глубоко погрязли в своих заблуждениях, что вовсе не замечают ложность своих суждений.

— Они говорят, что вами двигает не Бог.

— А что же?

— Ваш собственный талант, несгибаемая воля и страстная любовь к родине. А кроме этого, вы — сын вашего времени, и вами также двигают социальные конфликты между классом угнетенных и угнетаемых, а двойственный характер вашего учения определяется особенностями эпохи перехода от феодализма к капитализму.

— Ясем, сынок, откуда такие выражения? — возмутилась Мария.

Ян сказал:

— Боже! Что за словоблудие... Однако постой...

Некоторое время Ян что-то напряженно осмысливал и в конце сказал:

— Получается, они говорили, что у меня есть некоторое учение?

— Да! Но не просто учение, а такое, которое сильно повлияло на их жизнь там, в будущем, и даже определило структуру их школы...

При этих словах мальчика неожиданная мысль молнией осветила ум учителя. Казалось, его мозг взорвался! За молнией, как это бывает в действительности, несколько секунд спустя последовал гром, который потряс душу... А затем опять несколько ярчайших вспышек... Вибрация всепроникающих волн потрясающего грома и... сознание Яна Любящего каким-то непонятным образом перевернулось.

И он сказал:

— У меня только что было озарение. Как я до этого не додумался раньше?

Ясем и Мария с удивлением смотрели на учителя и несколько секунд ждали молча, пока он осмысливал свои чувства.

Наконец Ян сказал:

— Я понял: некое мое учение может менять будущее или к лучшему, или, не дай Бог, к худшему! А это означает, что если Бог даст мне создать возвышенное учение, то оно поменяет отдаленное будущее к лучшему! Тогда, возможно, никому и в голову не придет доказывать, что Бога нет, а вместо этого будущие люди будут стремиться построить лучшую жизнь, где все заживут по законам Христа... У нас есть власть над будущим! Я использую эту власть, чтобы изменить будущее к лучшему через книги и учение. Я создам свое учение ради исправления дел человеческих в грядущих поколениях!

Ян уже не мог сидеть. Он встал, прошелся по узкому шалашу взад и вперед и сказал:

— Вы знаете, не далее, как сегодня вечером, выступая перед братьями на соборе, я сам говорил о том, что будущее само по себе не придет, если мы не воспитаем лучших людей, строителей светлого Царствия Божьего. Откуда же они возьмутся, если никто их не будет воспитывать? Так вот и наиглавнейшая задача — создать противоядие от невежества! Истинное, полное, ясное и прочное образование для благого разума, для искусного действия и для красноречия. Надо создать пособие для школ, в котором наглядно будут отражаться все предметы и действия в рисунках с пояснениями для изучения с удовольствием. Такая книга привлечет детей и возбудит их внимание, так что они увидят в школе не муку для себя, а удовольствие.

Ян сделал длинную паузу. Удивленный, он присел на свою табуретку и закончил мысль:

— Универсальный учебник будет учить всех всему, чтобы можно было легко обучаться наукам, совершенствоваться в нравах, исполняться благочестия и уже в юности научиться всему, что нужно для настоящей и будущей жизни. Учебник, который еще не видели глаза человека...

Мария сказала:

— Учитель, это великолепная идея...

— Мария, дорогая, постой, не сбивай меня с мысли... Допустим, Бог даст силы написать такой всеобъемлющий основательный учебник. Допустим еще, что с помощью Господа этот учебник будет издан. Допустим дальше, что провидение пожелает распространить этот учебник по всем странам и народам, так чтобы в каждой семье дети учились им. Тогда...

Ян посмотрел в глаза Ясему:

— Тогда надо попросить тебя отправиться еще раз в далекое будущее, чтобы проверить, как изменилась жизнь там после того, как мы изменили нечто к лучшему здесь... Ведь будущего еще нет. Мы его строители. Так построим его по законам Бога, и оно будет жить по законам Бога!

Ясем смотрел на учителя с широко раскрытыми глазами:

— Ясем, мой друг, ты ведь сможешь слетать в своих грезах туда, в далекое будущее, еще раз, после того как я напишу новое пособие и создам новую школу, чтобы проверить, что мы там смогли изменить?

— Учитель, вы же знаете, грезы приходят сами. Я не могу просто так оседлать лошадей и поскакать туда, — задумался Ясем.

— Конечно, само собой, — ответил Ян, — но ты всегда можешь молиться, чтобы Бог послал тебе грезы, можешь еще построить себя на волну своих грез о будущем, наконец, никто не отменял постоянные упражнения ради усиления тех способностей, которые Бог открывает в нас. Мы все тебе поможем...

— Я приложу все усилия, — ответил Ясем.

— Только это должно остаться нашей тайной. Не надо никому сообщать об этом.

— Конечно, учитель. Я не обмолвлюсь... О своих грезах я даже маме не рассказывал. Она сейчас слышит впервые.

Мария прикрыла рот рукой, показывая, что никогда не выдаст секрета.

— Тогда у меня предложение, — сказал Ян. — Старейшины Братства хотят отправить меня и брата Златоуста в Польшу, чтобы встретиться с графом Рафаэлем Лешницким и заручиться его согласием принять наших беженцев в Лешно. Я предлагаю тебе, Ясем, сопровождать нас в этом путешествии.

У Ясема перехватило дыхание от волнения, и он еле выговорил слова:

— Что?.. Я?.. Сопровождать вас?..

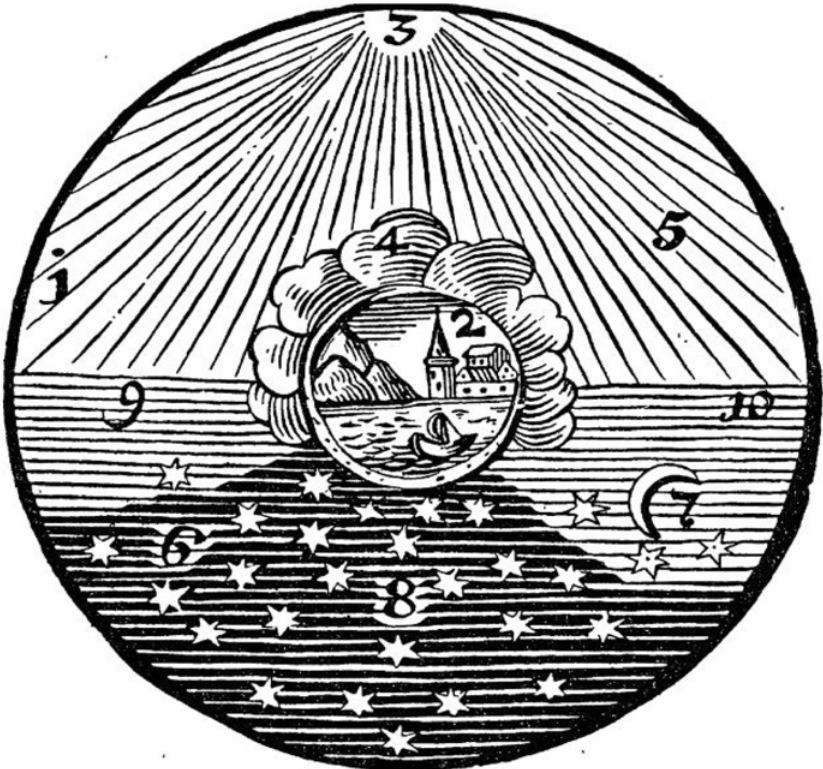
— Да, я сказал именно это. Если, конечно, Мария позволит. На глазах у Марии выступили слезы. Она сказала:

— Позволю ли я? Да я буду только счастлива! Каждая минута с вами — это уже огромная школа жизни, мужества и любви! Ясем вскочил и крепко обнял учителя.

— Конечно, я буду рядом с вами! Всегда! Всегда! Всегда!

— Хорошо. Тогда мне надо завтра с утра поговорить с архиепископом, чтобы получить его согласие. Также надо сообщить об

Coelum. Небо.

Coelum 1 rotatur, et ambit
Terram, 2 stantem in medio 1.

Sol, 3 ubiubi est, fulget
perpetuo: utut *Nubila* 4 eum no-
bis eripiant, facitque suis *Radiis*
5 *Lucem*; Lux, Diem. Ex opposite
sunt *Tenebrae*, 6 inde *Nox*.

Nocte splendet *Luna*, 7 et
Stellae 8 micant, scintillant.

Vesper 9 est *Crepusculum*:
Mane, *Aurora* 10 et *Diluculum*.

Небо (1) вращается и ходит вокруг
земли (2), находящейся в середине.

Солнце (3), где бы оно ни было,
сияет вечно: хотя тучи (4) скрывают
его от нас, оно производит своими
лучами (5) свет. Свет создает день.
Противоположен ему мрак (6), откуда
- ночь.

Ночью сияет луна (7), и звезды
(8) мерцают, искрятся.

Вечером (9) бывают сумерки.
Утром - заря (10) и рассвет.

этом Его Высочеству. Будем надеяться, что никто из них не откажет. Теперь же поздняя ночь. Я прощаюсь с вами и желаю хорошего отдыха, — ответил Ян.

После этого Ян направился к своему шалашу. Начинало светать, и Ян решил посмотреть на восход солнца с горы над Брандисом.

Ему вспомнилось, что так поднимались они с Магдаленой смотреть восход.

Поднявшись, Ян осмотрел огромный мир, который он неожиданно ощутил целиком и полностью в себе.

Это совершеннейшее, чудесное творение Бога! Сложное до бесконечности и одновременно простое...

Вот небо над ним, которое содержит в себе огонь, звезды. Облака так красиво висят в воздухе. Птицы летают под облаками. Рыбы плавают в воде. Земля имеет горы, леса, поля, животных и людей. Так полны своих обитателей четыре стихии, величайшие тела мира.

Какая непостижимая глубина в этой простоте.

Возможно, тот будущий учебник должен быть таким же, как природа, — кратким, приятным, основательным. В нем все должно черпать основание из самой природы, где истинность подтверждается параллельными примерами из области механических наук. Это должно быть пособие простое и сложное одновременно...

Вот небо вращается и ходит вокруг земли, находящейся в середине. Солнце, где бы оно ни было, сияет вечно, хотя тучи скрывают его от нас, оно производит своими лучами свет, который создает день. Противоположен ему мрак, откуда ночь. Ночью сияет луна, и звезды мерцают, искрятся. Вечером бывают сумерки. Утром — заря и рассвет...

Как же назвать этот новый учебник?

8. Мир чувственных вещей в картинках

Я стоял замороженный. Ноги и руки затекли настолько, что было трудно двигаться. В руках я держал открытую книгу...

Оказывается, это учебник — «Мир чувственных вещей в картинках» 1635 года издания.

Тамара стояла рядом со мной, а профессор сидел перед нами в инвалидном кресле.

Весь этот рассказ, видимо, длился не один час, и время пролетело так, что я даже и не заметил.

— Почему вы так удивленно на меня смотрите? — спросил профессор. — Да, я был частью той жизни. Я сам стоял на трибуне и помню наизусть, что я тогда говорил перед учеными педагогами.

Я возразил:

— Знаете, я удивлен не потому, что...

Однако он меня не дослушал и сказал:

— Я стоял и заявлял, что в философских и педагогических взглядах Коменского ясно проявилась свойственная его веку религиозность, но, тем не менее, педагогика Коменского носит прогрессивный характер, если, конечно, мы сможем выяснить целый ряд вопросов о его гносеологической концепции с единственно правильных марксистских позиций. Но я был не один! Все сообщество было со мной единодушно! Мой коллега выступал и заявлял, что Коменский сидит на двух стульях. С одной стороны, в его мировоззрении есть религиозно-идеалистическая линия, но, с другой стороны, он придерживается реалистически-материалистических взглядов...

В это время в библиотеку вошла секретарша профессора и сказала:

— Господин профессор, время принимать лекарства.

— Сначала доскажу, — резко оборвал он ее и продолжил очень раздраженно, — выходил третий и кричал, что Коменский не смог порвать с христианством, как господствовавшим мировоззрением феодальной эпохи. Эта линия его мировоззрения иногда находит свое выражение в мистических тенденциях, которые прослеживаются в его ранних произведениях. Например, в работе «Лабиринт мира и рай сердца», где он утверждает, что в поисках человеческого счастья вся надежда возлагается на

полную отдачу себя Богу. Снисходительно говорили, что Коменского можно понять, ибо во времена классовой борьбы и резкого протеста против существующего прогнившего феодального строя счастья на земле достичь вообще невозможно. Мы все ковырялись в каждой фразе великого христианского мыслителя, чтобы найти и доказать, что он сам сомневался в существовании Бога. Мы радостно цитировали его слова: «Ах, боже, боже, боже! Если ты существуешь, то смилуйся надо мной, несчастным», — и провозглашали — вот вам факт! Тяжелая действительность классового угнетения довела этого глубоко верующего человека до того, что само существование Бога он взял под сомнение. Это, по существу, представляет собой отрицание чистой веры, что открывает путь реалистически-материалистическому пониманию мира примерно так же, как в дальнейшем это сделал Спиноза. Сейчас это бесит!

Секретарша, уже ничего не спрашивая, извинилась перед нами и покатила профессора к выходу, а он все не мог остановиться, обращаясь уже скорее не к нам, а к себе:

— Да, говорили мы в один голос, Коменский не смог подняться до настоящей науки, не смог возвыситься до марксистско-ленинского мышления и не смог порвать с протестантско-реформистским учением. И поэтому ясно, почему он не мог с научной последовательностью решить не только все основные вопросы мировоззрения, но и многие проблемы своего педагогического учения. Несмотря на все это, все соглашались, что если отбросить ошибочные религиозные воззрения, то Коменский, несомненно, является величайшим педагогом, и между собой мы даже говорили, что если бы он изучил бы Маркса, Энгельса и Ленина, то он достиг бы еще больших вершин в познании педагогики... Словоблудие!

Мы остались одни в библиотеке.

— Что будем делать? — спросила Тамара.

Я засуетился:

— О! Я даже не успел включить диктофон...

— Не волнуйся, — ответила Тамара, — я все записала.

— Прекрасно! Тогда давай для начала пойдем на свежий воздух.

Выходя, я спросил вахтершу, которая продавала билеты в музей:

— Как зовут вашего директора?

— Профессора? — переспросила она.

— Да.

— Господин Давид Вихонековский...

Я повторил про себя это имя и никак не смог припомнить, где я его слышал...

Однако слышал!

— Тебе не знакомо это имя? — спросил я Тамару.

— Да, знакомо, не могу вспомнить...

— Постой! — воскликнул я. — Давай послушаем запись...

Мы присели на лавочке и перемотали запись на то место, где Ясем рассказывал про свое видение, и прослушали внимательно вот что:

«На сцене появляется наиученейший, наиглавнейший и наимумнейший среди собравшихся». Почему-то Ясем знает имя — профессор Давид Вихонековский.

«Все долго и упорно аплодируют ему, когда он поднимается на кафедру. Затем тишина, и он обращается к собранию с торжественной речью».

— Стоп! — сказал я. — В грезах Ясема был наш профессор?! Его ведь так же зовут... Что же это получается?

Часть третья

1. Туман Средневековья

Два дня и две ночи подряд я занимался расшифровкой записи нашей беседы с профессором, скрупулезно сверяя все с историческими фактами, и каждый раз удивлялся, когда все сходилось.

Тем временем Тамара исследовала лечебные источники, разбросанные по огромному парку городка Лухачович, и в конце парка нашла очень красивое озеро.

На третий день она сказала:

— Хватит тебе сидеть в номере. Пойдем пройдемся по парку.

Мы пошли.

Осеннее солнышко грело, настроение у нас было хорошее. По пути нам встречались пронумерованные лечебные источники. Мы все перепробовали.

Наконец, мы нашли приятную лавочку на солнышке и присели.

Загадка профессора не давала мне покоя. Он говорил про очевидца событий 400-летней давности, во что трудно было поверить. Кто он? Как донес средневековые события до нашего профессора?

Я так и спросил Тамару:

— Как ты думаешь, рассказ Вихонековского — реальность или его фантазия?

Тамара задумалась:

— Он же специалист по Коменскому и знает все тонкости той эпохи, вот и получается правдоподобный рассказ, который можно назвать рассказом очевидца.

Я ответил:

— Да. Его рассказ имеет твердую историческую основу. Тридцатилетняя война так и началась, ударив по спокойной

жизни Братского единства. Они были вынуждены покинуть Фульнек. Епископы, пасторы и приход Братского единства скрывались от преследования императора Фердинанда, и им действительно дал убежище граф Жиротинский. Именно в Брандисе над Орлицей Коменский писал «Лабиринт мира и рай сердца», и там же, возможно, он и узнал о гибели своей семьи от ужасной болезни в Пшерове. Правда и то, что старейшины Братского единства направили Коменского в Лешно на поиск земель, куда они могли бы переселиться. Наконец, правда и то, что вместе с Коменским туда направили и пастора Златоуста.

— А Ясем, ученик Коменского, он тоже упомянут где-нибудь? — спросила Тамара.

— Нет, но это не значит, что такой мальчик не мог там правда жить.

— Конечно, — ответила Тамара, — мало ли кого не упоминают в источниках...

— Однако его рассказ очень реалистичен. Не может человек так «увидеть» тот средневековый мир только из учебников и книг.

— Ну, ты сам знаешь, фантазия способна на многое.

Я ответил:

— А у меня ощущение, что он там был. В любом случае, так хочется послушать продолжение.

Тут я услышал женский голос за спиной:

— Господин профессор приглашает вас к себе.

Обернувшись, мы увидели секретаршу нашего профессора в теплых лучах солнца. Она увидела, что привела нас в замешательство, и сказала:

— У него дачный домик на берегу озера Лухачович. Это совсем рядом, и если вы желаете последовать за мной, я отвезу вас к нему.

* * *

Несколько минут спустя мы стояли во дворе дома профессора и любовались восхитительным видом на озеро, где над водой

сгустился загадочный туман. Нас пригласили внутрь, предложив располагаться у камина, в котором потрескивал огонь. Минуту спустя секретарша выкатила профессора в коляске и сказала:

— У вас час времени до следующего приема лекарств.

Профессор выглядел не очень хорошо, однако был достаточно бодрым и сказал без особого приветствия:

— Уверен, вы много спорили о правдивости моего рассказа и задавались вопросами, откуда я могу знать многие детали, которые невозможно вычитать в учебниках и в книгах по истории. Это рассказ очевидца.

— Где же сам очевидец? — спросил я.

Игнорируя мой вопрос, он сказал:

— Так вы хотите услышать продолжение?

— Конечно, хотим!

Он сказал:

— Тогда приготовьтесь и не забудьте включить диктофон...

2. Перед лицом тяжелого испытания

В день начала опасного путешествия, перед рассветом, пастор Златоуст поднялся на гору, возвышающуюся над Брандисом, и сел в траву, развернувшись лицом к востоку. В правой руке он крепко держал чудотворный крест святого Яна Гуса. Накануне архиепископ Кирилл передал Златоусту эту исключительную реликвию, чтобы чудотворная сила креста охраняла посланников в дороге. Братья верили, что этот крест помогал Яну Гусу в молитвах во время заточения. Крест настолько укреплял силу духа, что Ян Гус отправился на костер принимать мученическую смерть с невероятной твердостью, а крест он успел оставить своим последователям. После этого он переходил от архиепископа к архиепископу, и вот теперь его получил пастор Златоуст. Все знали, что чудотворный крест Яна — лучшее оружие против бесов и всякой нечисти, которые развелись вдоль дорог и лесных троп.

Приняв бесценное сокровище, Златоуст чуть не заплакал от счастья. Он уединился на вершине, чтобы помолиться, и с удив-

лением почувствовал, что чудотворный крест испускает невидимые лучи умиротворения и покоя.

Тогда молитва сама зазвучала на его устах протяжно, нарастав:

— Господь Иисус Христос, благослови нас, рабов Твоих. Перед лицом Твоим лучезарным предстоим мы в начале дальнего пути. Нас четверо: Ян Любящий, наш предводитель, Ясем, сын героя Подебрада, Кошечек, смелый командир коней, и я, Златоуст грешный. Сегодня мы отправляемся в дальний, опасный путь на благо Братства, и я смиренно молю Тебя, Пресвятого Владыку, пошли нам Ангелов-Хранителей в дорогу и дай нам наставников в сопровождающие...

Тут Златоуст услышал чарующий звук хора. На главной площади Брандиса, где народ собирался провожать своих героев, женщины запели «Господи, помилуй». Звуки песни слились с молитвой Златоуста, а мощь чудотворного креста прямо обжигала руку пастора:

— Всемиловитый Боже, помоги нам неукоснительно следовать заповедям Твоим! Господи, избавь нас, верноподданных Твоих, от злых обстоятельств, от дорожных разбойников, от жестоких злоключений и от всяких врагов, как видимых, так и невидимых! Бог мой, дай нам свершить благие дела и вернуться целыми во славу Тебя, Отца и Святого Духа, от вечности и до вечности. Аминь!

Вошло солнце. Его лучи проникли в часовню, и от их света загорелся алтарь. Там собрались старейшины. Архиепископ Кирилл председательствовал во главе. Справа сидели Ланецкий с графом Карелом Жиротинским. Слева разместился писец Братства, держа наготове перо и чернила. Все остальные старейшины разместились вдоль стен часовни.

Перед собранием выступал Ян:

— Дорогие моему сердцу братья и отцы. Очевидно, что мы стоим перед лицом тяжелого испытания, которое посылает нам Бог. От сабли безжалостного врага несправедливо умирают

беспомощные дети, женщины и старики. Многие из тех, кто уцелел, погибли от ужасной болезни, которую занесли грязные солдаты. Так я сам потерял семью... Нет больше в живых моей возлюбленной супруги и моих сыновей. Испытав на себе жестокий удар судьбы, я был на грани того, чтобы воссоединиться с моей семьей в вечной жизни. Случись такое, я не стоял бы в этот час перед вами, однако Богу захотелось вырвать меня из могильной пропасти. Забота и наставления моего мудрейшего учителя, преподающего Ланецкого, снова вселили в меня надежду на жизнь. А ваше доверие, дорогие мои мудрые отцы и братья, настолько укрепило во мне силу духа, что нынче я готов всецело отдать себя на служение нашему Братству, во славу памяти наших отцов и во благо будущих поколений.

Среди старейшин послышались голоса:

- Ты мужественный служитель нашей церкви, Ян!
- Не зря мы прозвали тебя Любящим!

Слово взял архиепископ Кирилл и сказал:

— Дорогой Ян, мы возлагаем на тебя великую надежду нашего спасения. Ты едешь в Польшу, к благочестивому князю Лешницкому с нашим посланием и мольбой о помощи. Тебе понадобятся твердость духа и мужество, чтобы преодолеть опасный путь до Лешно. Там ты должен проявить мудрость и получить согласие графа принять нас на чужой земле как беженцев.

Ян поклонился председателю и ответил:

- Я безмерно благодарен за такое высокое доверие.

Карел Жиротинский сказал:

— Я рос вместе с Лешницким. Он друг моего детства, и я не сомневаюсь, что он проявит милосердие к нам. Бог даст, и мы сохраним святые узы единства и порядка, которые наши предки установили и в течение двух столетий ревниво оберегали.

— Ваша милость, — ответил графу Ян, — ваша быстрая карета позволит нам избежать дорожных опасностей. К тому же со мной будет пастор Златоуст. Мы все знаем, что его молитва имеет особую силу.

Взяв слово, архиепископ Кирилл сказал:

— Итак, все решено! Мы не смиримся с тем, что нас отдают в наследство австрийскому дому, и молимся обрести край, где будем служить Богу по учению Христа, веруя в закон и в воскресение.

Старейшины восклицали:

— Да будут воздвигнуты новые столпы нашей веры!

— Да будет так, пока хоть кто-нибудь из наших будет жить!

Председатель сказал:

— Это наше единодушное решение! Мы отдаем результаты в руки первого пастыря — Христа. Помолимся же Богу!

Старейшины молились в храме, Златоуст — на холме, а на площадь продолжали прибывать люди, чтобы поддержать своих посланников.

Хор продолжал петь «Господи, храни», а Кошичек готовил карету. Он уже успел загрузить все саквояжи, кроме одного — осталось догрузить полосатый сундук с припасами в дорогу, который пекарь Дрдоличек обещал вскоре доставить. В ожидании сундука кучер скрупулезно проверял подвески, рессоры, упряжку и копыта лошадей, но ему мешали назойливые мальчишки, которые шумно бегали вокруг кареты, играя в догонялки. Желая отделаться от них, Кошичек подозвал их и сказал:

— Ну-ка перестаньте балагурить! Вместо суетного дурачества лучше бы вы пеклись о своем душевном спасении.

Мальчишки отвечали наперебой:

— А мы молились сегодня!

— И вчера!

— Мы печемся...

Кошичек ответил:

— Этого недостаточно! Неужели вы не знаете, что черти развелись везде и поджидают вас повсюду! Даже здесь!

Дети испуганно оглядывались:

— Черти?

— Где они?

Auriga 1 jungit *Parippum* 2 *Sellario* 3 ad *Temonem*, de *Helcio* 4 dependentibus *Loris* vel *Catenis*. 5

Deinde insidet *Sellario*, agit ante se *Antecessores* 6 *Scuticâ*, 7 et flectit *Fumibus*. 8

Axem ungit ex vase *unguentario* 9 *axungiâ* et inhibet rotam *Sufflamine* 10 in praecipiti descensu.

Et sic aurigatur per *Orbitas*. 11
Magnates vehuntur *Sejugibus*, 12 duobus *Rhedariis*, *Curru pensili*, qui vocatur *Carpentum* (pilentum); 13 alii *Bijugibus* 14 *Essedo*. 15

Arcerae 16 et *Lecticae* 17 portantur à duobus equis.

Per invios montes utuntur loco *Curruum*, *Jumentis Clitellariis*. 18

Возница (1) припрягает пристяжную лошадь (2) к седловой (3) у дышла при помощи ремней или цепей (5), идущих от хомута (4).

Затем он садится на седловую лошадь, погоняет перед собой передних лошадей (6) кнутом (7) и направляет их вожжами (8).

Ось он смазывает из посуды для мази (9) колесную мазью и задерживает колеса тормозной цепью (10) при крутом спуске.

И так он направляет повозку по колеям (11).

Вельможи ездят на шестиконной упряжке (12) с двумя кучерами в подвешенной (на ремнях) коляске, которая называется каретой (13).

Другие ездят на двуконной упряжке (14) в коляске (15).

Носилки для сидения (16) и носилки для лежания (17) несут две лошади. В горах, где нет дорог, мы пользуемся вместо повозок вьючным скотом (18).

— Мы их не видим.

— Их нет!

Тогда Кошечек присел и сказал:

— Говорите, их нет? Ну-ка послушайте меня... Один беспечный сорванец, который совсем не заботился о спасении, сорвал листик салата в огороде и, не сказав молитву, проглотил. Оказалось, что на листике отдыхал черт, и сей мальчик съел того черта. Вот как бесы осаждают непослушных...

Ошарашенные мальчики начали суетливо перекрещиваться.

Некоторые вопрошали с недоумением:

— Что же было потом?

— Мальчик переварил черта?

Кошечек ответил:

— Наоборот, это черт начал переваривать мальчика...

— Как?

— Он принялся беситься изнутри и гонял бедного по полю до изнеможения.

Замерев от оцепенения, дети ожидали продолжение:

— Он погиб?

— Неужели черт загнал несчастного напрямик в ад?

После молитвы в храме архиепископ Кирилл сказал:

— Перед тем как разойтись, я предлагаю заслушать наше послание, которое мы вручаем Яну.

Ланецкий встал и огласил текст послания:

— Его святейшеству, графу Лешницкому, от совета старейшин Моравского Братского единства. Дорогой граф, вам известно, что совесть подсказала нашим прадедам отделиться от догматов папской церкви, которая не живет по Святому Писанию. Предки заложили основание нашей церковной Конституции. С тех пор мы даем службу истинным словом и чистыми таинствами Христа. Лютер пишет, что в Евангелии мы далеко впереди всех, мы молимся день и ночь по законам Божиим, мы подготовлены в Священном Писании лучше докторов среди папистов, а наша Церковь ближе всех к апостольской доктрине и обрядам.

Бюсер отмечает, что наш метод реформирования церкви истинно лучший, и лишь мы среди всего христианского мира имеем чистоту доктрины и сохранили дисциплину Христа. Кальвин говорит, что нашу церковь Бог наградил превосходными дарами в дополнение к чистоте учения, а иметь пасторов, которые отличаются высокой нравственностью, порядком и похвальной дисциплиной, — не маленькое благословение. Иероним Занхиус утверждает, что если бы папская церковь последовала нашему примеру преобразования церкви, то мы имели бы между собой больше благочестия, мира, гармонии и благотворительности...

...Кошечек ответил на опасения детей:

— Во славу Бога мальчика спас от черта некий аббат, изгоняющий дьяволов. Он подрос и приказал черту убраться к чертям, а также пригрозил немедленно окропить мальчика святой водой да еще дать ему испить эту святую воду, и тогда черту будет худо, как в аду.

Среди мальчиков были и нивницкие близнецы. Они тоже слушали эту историю и, не выдержав, принялись выкрикивать:

— Черты изгоняются святой водой!

— А еще бесы боятся чудотворного креста Яна Гуса!

...Ланецкий продолжал зачитывать послание:

— У нас есть слабая надежда на то, что опустевшая императорская казна не вынесет дальнейших расходов войны и император будет вынужден прекратить наступление. Но пока этого не произошло, нам остается только одно — бежать из своей родины. Поэтому мы просим Ваше Святейшество проявить милосердие и предоставить нам убежище в ваших землях, дабы мы имели возможность вести спокойную жизнь по законам Христа.

В это время Мария просталась со своим сыном. Она одела Ясема в кафтан Подебрада. Он был немного великоват, однако придавал мальчику силу и очень ему подходил.

— Это костюм твоего отца. Он был героем. И ты у меня герой. Возьми в дорогу его ранец. Я в него положила припасы на дорогу.

Ясем гордо стоял, облаченный в кафтан, и ласкал ранец своего отца.

...Кошечек тем временем ответил детям:

— Черт и вправду испугался святой воды и ответил аббату: «Я же не виноват, что он меня сам съел, когда я отдыхал себе на листочке салата». Но это черту не помогло, так как для благочестивого аббата не существовало оправданий и он изгонял всех дьяволов, которые денно и нощно осаждают души примерно таких сорванцов, как вы.

История поразила мальчиков, и они заговорили, перебивая друг друга:

— В жизни не стану есть листья салата...

— Так черт может сидеть на чем угодно?

— Как же нам быть?

Тут опять вмешались нивницские близнецы:

— Надо молиться перед едой!

— Да еще окроплять еду святой водой!

— И благодарить Бога после еды!

— А еще помогает звон колокола!

— Вот это верно! — сказал Кошечек. — Звон отпугивает всех дьяволов, и они отлетают подальше и затем в страхе не возвращаются неделю...

Нивницские близнецы воскликнули:

— Так бежим к настоятелю храма...

— Попросим его бить в колокола!

— Мы уверены, что если христиане встретились бы в свободном пространстве, они воссоединились и обнялись, как настоящие братья. Но здесь, внизу, на земле, где они уживаются с людьми во власти предрассудков и чувств, они против воли вынуждены включиться в гражданскую войну. И мы видим ее ужасы. Поэтому наш единственный выход сейчас — найти убежище в Польше. Ради этой великой цели мы посылаем к вам с посланием пастора Яна Любящего и пастора Златоуста в надежде получить ваше благоволение, — дочитал послание Ланецкий.

На вершине Златоуст закончил свою молитву так:

— Бог мой! Я — муж скорбей, изведавший болезни, — предоставляю все дела мои в руки Твои. Ты, убежище мое, изведи на меня свет правды и справедливости. Буду всегда помнить, что всякая помеха есть Твое наставление. Счастье во всем видеть Тебя. Потому я положу в сердце свое слова, которые Ты объявил мне сегодня: все от Тебя!

...Мальчики сорвались с места, как один, и кинулись к часовне, однако нивницкие близнецы и не думали бежать. Они остались перед Кошичеком и в упор смотрели на него.

— А вы чего не бежите? — удивился Кошичек. — Не боитесь бесов, что ли?

Вместо ответа близнецы принялись упрашивать кучера:

— Мы остались, чтобы просить о помощи...

— Мы хотим поехать с вами...

— О-о-очень хотим!

— Попроси за нас учителя Яна!

Кошичек возмутился:

— Глупости! И не подумаю! Убирайтесь с глаз моих долой!

Хор допел «Господи, храни», Златоуст завершил молитву и, держа крест чудотворный перед собой, направился вниз к площади, а старцы закончили совещаться и вышли из храма к народу...

В это же самое время на площади появился Ясем в сопровождении Марии, которая прощалась с сыном:

— Мой мальчик, я счастлива! Вижу, что в тебе продолжает жить дело твоего великого отца. Вот и учитель вышел из часовни.

Увидев Ясема, Ян направился к нему и сказал:

— Ясем, дорогой, ты возмужал, и тебе так идет кафтан твоего отца!

Близнецы подбежали тоже и начали упрашивать:

— Учитель!

— Позвольте ехать с вами!

— Мы будем помогать и защищать!

— И выполнять все ваши приказы.

Коменский присел и ответил:

— Друзья! Спасибо, что предлагаете помощь в опасном путешествии! Однако путь нам предстоит тяжелый и опасный. Зависит от вашего благополучия не позволит мне подвергнуть вас невзгодам, взяв вас с собой. Но я вам обещаю, что сделаю все от меня зависящее, чтобы найти мирное место в Польше, где я обустрою новую школу для вас. Тем временем я бы попросил вас помочь мне здесь и поработать часовыми в окрестностях Брандиса, чтобы враг не подкрался.

Однако близнецы были недовольны:

- Здесь есть настоящие часовые.
- У них мушкеты и копья.
- И даже пушка есть.
- У нас ничего нет.
- Мы хотим с вами.
- Пожалуйста, возьмите нас с собой.

Коменский ответил:

- К сожалению, не получится. Вам придется остаться.

Коменский обнял и утешил разочарованных близнецов, обратившись к Марии:

— Дочь моя, не волнуйся! Бог нам поможет. Я буду заботиться о Ясеме как о сыне.

Затем он взял с собой Ясема и направился к карете.

Близнецы остались в отчаянии. Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Затем подумали об одном и том же и побежали в сторону пекарни.

Встав перед каретой, архиепископ Кирилл призвал всех внимать его словам и сказал:

— Братья и сестры мои! Римская церковь есть отступник и Антихрист. Она изгоняет нас, а мы молим Бога о том, чтобы наши посланники вернулись к нам с благой вестью и мы нашли землю нашего спасения.

В это время пекарь Дрдоличек доставил позолоченный сундук с припасами. Его с трудом водрузили на карету.

— Какой тяжелый! — пыхтел Кошечек. — Какие припасы вы туда набили?

Дрдоличек ответил:

— Люди многое принесли.

Граф Жиротинский, прощаясь, обратился к Яну:

— Брат мой, Кошечек привезет вас в постоянный двор моего друга в Лигнице. Это почти на полпути до Лешно. Его имя Дворжек. Я уже написал ему, и он вас ожидает. Вы туда прибудете к ночи.

Ян поблагодарил графа.

Спустившись, Златоуст присоединился к ним, а архиепископ Кирилл произнес напутственные слова и благословил.

— Да пошлет Бог Яну Любящему и Златоусту счастье в пути.

Ян, Златоуст и Ясем заняли места в карете, а Кошечек сел на место кучера и крикнул:

— Эй, Эй! Вперед, смелей!

Карета тронулась, сопровождаемая пением женщин.

3. Даром получили, даром давайте

Карета кардинала Лохелиуса быстро приближалась к Праге. За ней скакали двенадцать немых рыцарей в драгоценных красных доспехах. В карете напротив кардинала сидел его верный помощник пастор Флуктус. Пастора Флуктуса называли ходячей энциклопедией. Он знал почти все про все. Надо было его только спросить. Для точности всей информации он ходил с записной книгой громадного размера, с которой иногда сверялся. Кроме того, он имел восхитительную черту характера. Он никогда ничего не говорил, пока его не спрашивали. Лохелиус пригласил его к себе, так как нуждался именно в таком помощнике — молчаливом, всезнающем, готовом служить в любой момент дня и ночи.

— Как долго нам осталось ехать? — спросил кардинал.

Пастор бегло взглянул на окрестности из окна кареты и сразу ответил:

— До полудня будем в Градчанах, а оттуда до Страговского монастыря рукой подать. Отобедать можем уже в монастыре. Тем более что там Ваше Преосвященство с нетерпением ожидает аббат Каспар Квестенберг.

Ровно в полдень они проехали ворота монастыря, и кучер остановил карету у резиденции настоятеля, где их ожидал аббат Квестенберг вместе с монахами, выстроенными в ряд по росту.

— Ваше Преосвященство, — сказал аббат, помогая кардиналу выйти из кареты, — какая честь встречать вас в нашем монастыре.

— Мне тоже приятно увидеть вас, — отвечал Лохелиус, — тем более что я слышан о вашем великом служении на посту настоятеля. Я знаю, что вы руководите Страговским монастырем уже пять лет, и все только о том и говорят, как преобразилось это место.

— Благодарю, Ваше Преосвященство, — ответил аббат, которому очень льстила похвала кардинала, — здесь служат двенадцать преданных монахов. Мы создали богатую библиотеку, построили монастырскую пивоварню, ежедневно совершаем богоугодные дела... Позвольте представить Вашему Преосвященству наших преданных монахов.

Кардинал внимательно осмотрел солдат в рясах, готовых выполнить любые приказы, и сказал:

— Братья мои, воздвигайте руки ваши к святилищу и благословляйте Господа. И да благословит вас Он, сотворивший небо и землю.

Монахи низко поклонились.

— Накормите рыцарей и их коней, — приказал аббат и обратился к кардиналу: — А я хотел бы пригласить Ваше Преосвященство в нашу новую пивоварню, где нам приготовили обед.

Кардинал сказал:

— С удовольствием. Познакомьтесь с моим помощником: пастор Флуктус. Он везде сопровождает меня.

Аббат поклонился:

Zythoroeia.

Пивоварение.

Ubi non habetur Vinum, bibitur *Cerevisia* (*Zythus*), quae ex *Byne* 1 et *Lupulu* 2 in *Aheno* 3 c oquitir; post in *Lacus* 4 effunditur, et frigefactum *Labris* 5 in *Cellaria* 6 defertur et vasibus infunditur.

Vinum sublimatum e fecibus vini in *Aheno*, 7 cui superimpositum est *Alembicum*, 8 vi *Caloris extractum*, destillat per *Tubum* 9 in *Vitrum*. Vinum et *Cerevisia*, acescens, fir *Acentum*. Ex *Vino* et *Melle* faciunt *Mulsum*.

Когда нет вина, пьют пиво. Его варят из солода (1) и хмеля (2) в котле (3). Затем его сливают в чан (4) и, охладив, сносят в ведрах (5) в погреб (6) и наливают в бочки.

Крепкое пиво (водка) извлекается нагреванием из осадков вина в котле (7), к которому сверху прилажен перегонный куб (8), и стекает через трубку (9) в стеклянный сосуд. Вино и пиво, скиснув, превращаются в уксус. Из вина и меда варят мульт (сладкое вино).

— Следуйте за мной. Я предлагаю пообедать, а затем устроить встречу с пастором Марком, который явился увидиться с Вашим Преосвященством по вашему приказу.

Кардинал сказал:

— Я дал ему особое задание и спешу поговорить с ним, так что призывайте его на обед.

Стол был накрыт у камина. Пока они рассаживались, прибыл и пастор Марк, низко поклонился кардиналу и сказал:

— Ваше Преосвященство, для меня честь видеть вас.

— Расслабьтесь, пастор, здесь у нас дружеский обед. Присоединяйтесь...

После того как предложенная еда была распробована и восхвалена, аббат Квестенберг сказал:

— Ваше Преосвященство, вы служите великому делу. Вашими стараниями еретики получили отпор, который они и навлекли на свою голову. Это должно послужить им уроком. Однако, видимо, они не собираются образумиться и отказаться от своей губительной ереси, так что еще предстоит борьба.

Кардинал ответил:

— Да, они упрямы. Император приказал им вернуться в истинную веру, но они сопротивляются.

Аббат сказал:

— Ваша мудрость подскажет вам, как показать им гнев Бога. Возможно, вам пригодится и мой скромный совет.

— Конечно, слушаю.

— Я считаю, что нужно организовать новое, более решительное наступление, чтобы они не успели найти убежище и покинуть страну.

Кардинал согласился:

— Да, так оно и есть. Для этого императору надлежит обеспечить золотом новую кампанию. Однако казна пуста, и я нахожусь в некотором отчаянии. Нечем платить солдатам, не на что покупать порох. Где император найдет средства для возобновления наступления? Не знаю.

— Что же, по-вашему, будет?
— Война против еретиков просто заглохнет.
— Есть ли выход?
— Прямо отсюда я еду на аудиенцию к императору с единственной целью уговорить его не останавливаться и расширить наступление, чтобы окончательно стереть еретиков с лица европейской земли. Сейчас солдаты испанской армии и отряды, собранные силезскими князьями, предоставлены себе. Они расквартированы в занятых городах и селениях, однако долго так продолжаться не может. Именно поэтому я попросил аудиенции у императора Фердинанда. Он назначил ее на завтра.

Аббат сказал:

— Не сомневаюсь, что на богоугодное дело всегда найдется золото... Как вам наше свежесваренное пиво?

Когда обед подошел к концу, аббат учтиво откланялся, сославшись на дела, но на самом деле считал, что надо дать возможность кардиналу поговорить с пастором Марком наедине.

Когда аббат удалился, кардинал спросил агента:

— Пастор Марк, теперь можешь рассказать, что ты узнал.

Агент поклонился и ответил:

— Ваше Преосвященство, я получил убедительные данные о том, что члены Братского единства разбиты физически, но не духовно. Они и не рассматривают возможность подчиниться приказу императора. Даже наоборот. Они хотят сбежать в Польшу.

— Они послали делегацию? — спросил кардинал.

— Да. Они сочинили послание, содержащее просьбу дать им убежище, и отправили с этим посланием Яна Коменского и пастора Златоуста.

— Сам Коменский едет?

— Да, сам.

— Интересно... — задумался кардинал.

После паузы агент сказал вполголоса:

— В дороге они очень уязвимы, а путь перед ними опасный. У них нет охраны, лишь кучер и карета графа Жиротинского.

В лесу нет свидетелей, и если Богу будет угодно, они могут просто исчезнуть. Если прикажете, я об этом позабочусь... Кстати, с ними мальчишка Ясем.

— Зачем же им мальчишка?

— Коменский проявляет заботу, приблизив его к себе. Говорят, у парня удивительная способность видеть то ли прошлое, то ли будущее, то ли и то и другое.

После долгого раздумья кардинал сказал:

— Их гибель в лесу Богу никак не будет угодна. Хоть они и отколовшиеся еретики, но никакого суда над ними не было, и они должны жить.

— Хорошо, — ответил агент, — что же прикажете мне?

— В помощь Богу, я бы хотел, чтобы вы пристально следили за их передвижением и даже защищали их при непредвиденном нападении лесных разбойников или других каких-то оборванцев.

Пастор Марк кивнул:

— Все ясно, я готов следить за ними, охранять и сообщать вам ежедневно об их действиях, пока от вас не поступит дополнительное распоряжение.

— Все верно, — сказал кардинал и добавил, — получите от меня тысячу дукатов на возможные расходы.

Приняв кошелек с золотом, агент почтено поклонился и удалился.

Кардинал обратился к Флуктусу, который все это время сидел молча и лишь следил за беседой:

— Пастор, я думаю, что мы могли бы теперь отдохнуть здесь. Наутро отправимся прямо в Прагу на аудиенцию к императору.

— Это мудрое решение, — ответил Флуктус.

— Давайте пройдемся по прекрасному парку монастыря.

Они настроились на это, но судьба готовила им очень неожиданный сюрприз.

Прибежал очень встревоженный аббат Квестенберг, еле переводя дух от волнения:

— Ваше Преосвященство, к вам прибыл тайный гонец...

- Что? — удивился кардинал. — От кого гонец?
- От Его Высокопреосвященства, самого кардинала Ришелье.

Такая неожиданная новость потрясла даже вполне уравновешенного кардинала Лохелиуса. Он переспросил еле слышно:

- От Ришелье?.. Ко мне?!
- Да, именно, — ответил аббат, — он говорит, что у него срочное тайное послание для вас от Его Высокопреосвященства.

В течение нескольких секунд кардинал приводил свои мысли в порядок и размышлял. Все знали, что могущественный Ришелье отличался коварством и слепой преданностью королю Франции. Послание от него могло содержать как немедленную гибель, так и неожиданный взлет.

Призвав волю, кардинал взял себя в руки и сказал аббату:

- Где гонец?
- Я проводил его в нашу новую библиотеку. Хотите пригласить его сюда? — ответил аббат.
- Нет, — ответил Лохелиус, — отправимся в библиотеку...
- Как изволите, — сказал аббат и пригласил следовать за собой.

Зал библиотеки был настолько огромным, что расширял все грани воображения. Флуктус даже ахнул, увидев такое количество самых драгоценнейших изданий Святого Писания, философских и научных произведений. Все было аккуратнейшим образом разложено по полкам и систематизировано по авторам и странам. Видимо, монахи трудились не один год, составляя каталоги и подерживая порядок в библиотеке.

Гонец сидел в дальнем углу зала у массивного стола. Увидев вошедших, он немедленно встал и поклонился в ноги кардиналу.

- Для меня великая честь лицезреть Ваше Преосвященство! — сказал он, поцеловал руку кардинала и добавил шепотом: — У меня сообщение для Вашего Преосвященства, но, в целях безопасности, оно устное. Я знаю его наизусть и могу зачитать, как только Ваше Преосвященство велит.

— Читайте немедленно. Я полностью доверяю пастору и аббату, — ответил кардинал.

Гонец кивнул, встал в позу глашатая и произнес, стараясь придать голосу торжественные ноты:

— Его Преосвященству, кардиналу Лохелиусу. Возлюбленный брат мой. Хоть нам и не приходилось встречаться, однако я много знаю о богоугодных делах, ежедневно совершаемых вами на благо святого католического престола и лично его святейшества папы. Ныне желаю сообщить вам, что Бог неожиданно призвал к себе архиепископа Ремиремонского, гроссмейстера ордена друзей Священного копья. Вам, наверно, известно и то, что в указанном великом ордене я являюсь секретарем и великим магистром. Среди магистров нашего ордена — почтеннейшие и всеблагие деятели нашей родной католической церкви. Теперь нам предстоит выбрать нового гроссмейстера. Ради этого мы созвали капитул в священном месте. Это храм Мон-Сен-Уриель на берегу Ла-Манша. Там и хранится наше Священное копье. Я бы хотел видеть вас на указанном капитуле и надеюсь, что вы найдете возможность отложить ваши наиважнейшие дела и прибыть в Мон-Сен-Уриель незамедлительно. Да благословит вас Бог!

Лохелиус слушал это письмо с трепетом, и приятные мысли пролетали в его сознании. Приглашение на собор ордена друзей Священного копья являлось исключительной честью. Этот могущественный орден решал почти все самые важные дела, касающиеся как церкви, так и мирской жизни. Говорили, что магистры ордена имели прямой доступ к папе, а гроссмейстер ордена по своему могуществу не уступал самому сильному монарху Европы.

Многие годы кардинал Лохелиус неустанно искал возможность попасть в магистры ордена и давно отчаялся когда-нибудь быть приглашенным, а теперь сам кардинал Ришелье призывал его. Это было таким подарком от Бога, что лучшего кардинал Лохелиус и не мог представить, ибо это открывало для него новые грани продвижения. Он сразу понял, что надо делать, и обратился к аббату, который молча стоял рядом:

— Дорогой Каспер...

Аббат, польщенный непосредственным обращением, ответил с поклоном:

— Готов служить.

— Вы слышали содержание послания Его Высокопреосвященства и понимаете, что я вынужден изменить свои планы. Я намерен написать письмо императору с просьбой перенести аудиенцию на более позднее время. А вас я попрошу лично доставить мое письмо Его Величеству завтра утром.

Аббат покорно кивнул головой:

— Сделаю всенепременно.

— Отлично, — сказал кардинал, — тогда нам остается собрать моих рыцарей и немедленно отправиться в путь.

Аббат сказал:

— Я сообщу им.

— Когда назначен капитул? — обратился кардинал к гонцу.

— Через три дня, — ответил он.

Лохелиус спросил секретаря:

— Пастор Флуктус, рассчитайте, сколько ехать туда?

Пастор открыл свою огромную записную книгу и, что-то быстро начертив, ответил:

— Путь лежит через Дрезден и Лейпциг Саксонского кюрфюршества, через Марбург Хассен-Кассельского маркграфства, через Вестфальский Мюнстер, затем Брюссель и оттуда через французский Лилль к берегам Северного моря до Мон-Сен-Уриеля. Дорога обычно заняла бы шесть дней, однако, если не останавливаться на ночь и не менять лошадей на ходу, можно уложиться и в три дня. Так что успеть на открытие собора возможно, хоть это и трудно.

Гонец с удивлением смотрел на Флуктуса, который так просто смог проложить сложный маршрут.

Кардинал же сказал:

— Не будем терять время, приготовьте мне бумагу и чернила, чтобы составить письмо императору...

Уже несколько минут спустя все рыцари в полных доспехах стояли перед кардиналом, готовые к неожиданному путешествию:

— Мои отважные стражи, — обратился к ним кардинал, — мы с вами не расстанемся уже несколько лет, и вы принимаете многие неудобства, которые посылает нам Бог, понимая, что все от Всевышнего, великий папа — его слуга, а мы служим ему и церкви. Нынче необходимость призывает нас изменить наши планы и отправиться к проливу Ла-Манш, в город Мон-Сен-Уриель, не останавливаясь в пути даже на ночлег. Мы должны прибыть туда на третий день, дабы успеть к некоему событию, которое я не могу вам сейчас назвать. Как всегда, у вас есть свобода выбора, вы можете поехать со мной, а можете отказаться прямо сейчас...

Рыцари даже и не рассматривали возможность остаться. Они покорно поклонились, выражая немое подчинение.

— Тогда в путь! — приказал кардинал и, резко развернувшись, сел в свою карету.

Пастор Флуктус быстро последовал за ним.

Аббат проводил их тихой молитвой и, как только процессия скрылась за воротами, обратился к своим монахам:

— Идите поставьте свечи и вознесите молитву за Его Святейшество папу, верховного первосвященника вселенской церкви, за Его Преосвященство кардинала Лохелиуса, а также за весь католический клир.

* * *

Три дня и три ночи они ехали без отдыха, останавливаясь лишь для того, чтобы менять загнанных лошадей на новых.

Пастор читал кардиналу Святое Писание наизусть. Темы задавал кардинал:

— Прочитай, как обращался Иисус Христос к апостолам.

Пастор моментально отвечал стихами:

— И призвав двенадцать учеников Своих, Он дал им власть над нечистыми духами, чтобы изгонять их и врачевать всякую

болезнь и всякую немощь, и заповедал им, говоря: на путь к язычникам не ходите, и в город Самарянский не входите; а идите наипаче к погибшим овцам дома Израилева; ходя же, проповедуйте, что приблизилось Царство Небесное; больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте...

Осмысливая прочитанное, кардинал тихо прошептал: «Даром получили, даром давайте».

Флуктус же продолжал:

— Он сказал им: не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха, ибо трудящийся достоин пропитания...

Время от времени кардинал выглядывал из окна кареты и каждый раз удивлялся:

— Какой густой туман покрыл всю Европу...

4. Да не понимает плотский человек дел Божиих

Чем дальше они продвигались, тем больше сгущался туман вокруг них, поэтому ехали медленно и часто наезжали на дорожные камни. Подвеска трещала, карета подскакивала, кучер возмущался:

— Ничего не видать... будто черти землю пеленой покрыли... Сколько камней нам Бог послал? Невозможно все объехать.

Ян вглядывался в туман из окна кареты. Златоуст нашептывал молитву путешественника, а Ясем удивленно смотрел на чудотворный крест.

Наконец он решился спросить:

— Отец Златоуст, откуда у вас этот крест?

Златоуст ответил:

— Архиепископ Кирилл передал мне его, чтобы он охранял нас в дороге от всякой нечисти, живой или мертвой. Это древний чудотворный крест святого Яна Гуса.

Ясем удивился:

— Мы встретим нечисть?

Ян ответил мальчику:

— Дорогой Ясем, всякое может случиться, когда мы блуждаем в густом тумане, как в лабиринте.

Ясем вспомнил книгу учителя о лабиринте и спросил:

— Учитель, скажите мне еще раз, что такое лабиринт?

Ян ответил:

— Если хочешь правду, я могу рассказать притчу, воспетую древними о блужданиях по лабиринту и о выходе из этих блужданий с помощью счастливо полученной нити Ариадны.

Ясем предвкушал интересный рассказ:

— Как я люблю слушать былины!

— Надеюсь, что, слушая, ты не будешь скучать, а получишь умственное развлечение, после чего мы подумаем, как складно приходится к делу наш вымысел.

Златоуст ответил:

— Брат мой, Ян, я тоже буду с радостью внимать тебе. Рассказывай!

Ян приступил к рассказу:

— Когда-то на острове Крит правил царь Минос, и у него была жена Пасифия, женщина настолько чудовищной похотливости, что она прелюбодейно сошлась с быком и родила чудовище — получеловека-полубыка, прозванного Минотавром.

— Какое это было чудовище? — спросил пораженный Ясем.

— Страшное и ужасное! — ответил Ян. — Представь, у него было большущее тело человека с головой огромнейшего быка.

Златоуст перекрестился, а Ясем воскликнул:

— Может ли женщина родить такое чудовище?

— Не может, если женщина благонравна. Но царица была распутна, — ответил Ян.

Златоуст сказал:

— Вот к чему ведет отпадение человеческой души от Бога.

— Так оно и есть! — подтвердил Ян и продолжил рассказ. — Прошло время, и случилось, что на остров прибыл в

гости гениальный строитель Дедал. Он предложил царю воздвигнуть художественные постройки. Царь приказал ему выстроить сооружение с запутанным выходом, лабиринт, чтобы сделать его темницей для этого чудовища. Дедал немедленно приступил к делу и вскоре построил здание, до того изобиловавшее всевозможными закоулками, залами, каморками, переходами, лестницами вниз и вверх, что кто бы туда ни был посажен или ни забрел своей охотой, был бы обречен на вечное блуждание в нем, не находя выхода. Царь Минос остался доволен и заключил в нем свое чудовище — Минотавра.

Осмысливая историю, Ясем спросил:

— Это была или небылица?

— Для нас важно уразуметь суть, — ответил Ян.

— В чем же суть?

— Всемогущий Бог помещает в запутанный лабиринт душу каждого, кто повредит себя животным искушением самости и звериной похотью, подобно царице.

Златоуст спросил:

— Что же стало с царицей?

Ян ответил:

— Легенда об этом молчит. Известно, что она родила царю еще и прекрасную на вид и умную дочь по имени Ариадна. Она жила со своим отцом в замке.

Ясем спросил:

— Если Минотавр не мог выйти из лабиринта, как же он добывал себе пропитание?

— Очень хороший вопрос, — похвалил мальчика Ян, — молодец, ты замечаешь то, что с первого взгляда не совсем очевидно. Так вот, легенда гласит, что царь Минос повелел вталкивать в лабиринт на съедение чудовищу людей, приговоренных к смерти.

— Какой ужас! — возмутился Ясем.

— Слушайте дальше. Однажды сын афинского царя Тезей заехал на Крит по своей любознательности. Царь Минос велел

схватить его и приговорил к заточению в лабиринт. Однако в него влюбилась... угадайте, кто?

Ясем воскликнул:

— Царевна Ариадна?

— Точно! Она сжалилась над ним и пожелала спасти. Тогда Дедал подсказал средство избавления от вечных блужданий и конечной гибели в лабиринте.

Ясем спросил с нетерпением:

— Какое же это было средство?

— Это был клубок нити.

— Нить? Как может нить спасти?

— Привязав конец нити у входа и разматывая клубок по пути, Тезей мог найти выход, возвратившись тем же путем, каким он шел вперед.

Ясем обрадовался:

— Вот так хитрость! Она удалась?

— Да! — ответил Ян. — Тезей даже убил Минотавра и спасся. После этого он увез с собой Ариадну, устроительницу своего спасения, и вскоре сделался царем в Афинах и совершил достопримечательные подвиги, равные подвигам Геркулеса. Вот такая легенда о лабиринте. Нам же надо применить ее для раскрытия вреда, вызываемого беспорядком, и пользы, проистекающей от порядка.

Златоуст сказал:

— Я думаю, Тезей напоминает всех нас, потерянных в лабиринте. Сам же лабиринт знаменует сложность человеческой жизни с таким количеством трудностей, что лишь с помощью исключительной мудрости можно из них выпутаться. А то, что Тезей не мог выбраться из лабиринта без искусства Дедала, значит, что большие дела не будут твориться одной лишь силой без вдохновения. Вот у меня получился такой театр премудрости.

Ясем спросил:

— А вы как объясните суть легенды?

Ян ответил:

— Попробуем применить ее к человеческим делам. Допустим, что царь Крита Минос — царь вселенной, Бог, а бык представляет Сатану. Когда случается, что сатана творит блуд с человеком, как с царицей Пасифаей, то от этого блуда рождаются разные чудовища. В данном случае родился Минотавр, полубык-получеловек. В нем — смешение семени божественного и сатанинского. Его сущность двоякая. По своим высшим качествам она привлекательная и небесная, похожая на божественную. Но она наделена и низшими качествами грубости и безобразной стихии. Так и мы обладаем способностью к всезнанию, подобно Богу, однако мы также равны дьяволу тем, что постоянно нарушаем повиновение. Так вот, в наказание нам царь вселенной превратил для нас сад радости в лабиринт, в котором мы все блуждаем от рождения и до смерти.

Златоуст сказал:

— Верно! Так и сказано в Святом Писании: да не разумеет плотский человек, домогавшийся всеведения, от начала и до конца дел Божиих, содеянных им в мире.

Ясем, пораженный рассказом, спросил:

— Так значит, мы в лабиринте и никогда не найдем выхода?

Ян ответил:

— Очевидно, что мы все блуждаем в запутанных ходах своего бесконечного лабиринта, в состоянии необозримой безысходности. Кто-то погибает, не находя мудрость, другие же впадают в еретические мнения и становится добычей чудовища. Это приводит людей к яростной взаимной ненависти, к распряму и убийствам.

Златоуст добавил к этому с тоской:

— Что мы и испытываем на себе, будучи изгнанными лишь за то, что желаем жить по законам Христа и первых апостолов.

Ясем осмысливал все сказанное и спросил:

— Кого же знаменует Тезей?

— Это тот, кому присуща любовь к истинной мудрости. Случается, такие любознательные люди попадают в лабиринт. Но дочь вечного царя, Мудрость, которую в легенде олицетворяет

царевна Ариадна, сжалившись, оказывает им свое содействие и дает средство самое простое, что очень удачно представлено в образе нити.

Златоуст воскликнул:

— Нить мудрости... Какая простая идея спасения! Нет узлов, нет сложной формы и свойств. Она имеет лишь протяженность, гибкость и непрерывность. Божественная мудрость предлагает такую же простоту, прямоту и справедливость. Это и есть спасительное средство от всех человеческих хитросплетений.

Тут карета очень резко подскочила, наехав на огромный камень, и встала. Все трое ударились головой о потолок, и Ясем воскликнул:

— Я понял! Эта легенда учит, что если мы найдем в себе простую мудрость, как нить Ариадны, то с ее помощью мы победим чудовище в себе, выберемся из лабиринта и спасем свою душу.

Кошечек соскочил с вожжей и осмотрел карету:

— Слава Богу, колеса целы. Понабросали же камней черти...

И тут все услышали какой-то загробный стон, словно нечисть завывала прямо у них за спиной.

Златоуст поднял чудотворный крест и возвел молитву.

— Господи Иисусе Христе, Сын Божий, огради нас святой силой чудотворного креста. Избави нас от лукавого, отврати и удали всякую злую нечисть, действующую по наущению дьявола.

Ян спросил удивленно:

— Что это за звук?

Стоны повторились отчетливее.

Встревоженные Ян и Златоуст выскочили из кареты, и за ними последовал не на шутку напуганный Ясем. Затем стон повторился в третий раз, переходя в некоторые завывания.

Кошечек закричал:

— Слышите?! Нечисть забралась в позолоченный сундук с припасами. Я же говорил, что нас преследуют бесы. Вот где они прячутся.

Все собрались перед сундуком. Златоуст воздвиг свой чудотворный крест и вознес молитву, но нечисть в сундуке бесилась все яростнее.

Кошечек закричал:

— Этот бес водит нас по густому туману. Боже, что нам делать?

Златоуст достал из кармана бутылочку и сказал Яну:

— Святой водой изведем...

Ян понял, что делать, и крикнул:

— Держи бутылку наготове! Я вскрою сундук, а ты брызгай святую воду туда.

— Давай! — крикнул Златоуст, готовый сразиться с бесчиствующими бесами.

Тогда завывание из сундука перешло в настоящий вопль, но Ян смело вскрыл замок сундука и распахнул крышку. Златоуст немедленно вылил туда всю бутылочку с криком:

— Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, огради нас святой силою чудотворного креста!

Завывание немедленно прекратилось...

И тут из сундука показались две мокрые и плачущие головы, принадлежащие Эрасту и Бенедикту.

Первым пришел в себя Ясем и заорал на мальчиков:

— Ах вы гадкие сорванцы! Как вы посмели нас так напугать?!

Бедные близнецы обливались слезами и сквозь плач, перебивая друг друга, кричали в ответ:

— Мы хотели с вами...

— Залезли в сундук с припасами...

— Пекарь нас не заметил.

— Мы здесь держались...

— Но больше не можем.

— Не подумали, что надо ходить по нужде...

— А сейчас очень надо...

— Пожалуйста, не бейте нас розгами.

Ludi pueriles.

Детские игры.

Pueri ludere solent vel *globis fictilibus*; 1
vel jactantes *Globum* 2
ad *Conas*; 3
vel *Sphaerulam Clavâ* 4
mittentes per *Annulum*; 5
vel *Turbinem* 6
Flagello 7 versantes;
vel *Sclopo*, 8
et *Arcu* 9 jaculantes; vel *Grallis* 10
incedentes; vel super *Petaurum* 11
se agitantes et oscillantes.

Мальчики играют обычно или
глиняными шарами (1), или катая шар
(2) на кегли (3), или же с помощью
дубинки (4) они мечут шарик через
кольцо (5), приводят во вращение
кубарь (6) посредством бича (7),
стреляют из полой тростинки (8) или
из лука (9), ходят на ходулях (10) или
качаются на качелях (11).

- Мы хотели как лучше...
- Думали, так и доедем до самого Лешно...

Ян так расхохотался, что не смог даже устоять на ногах и присел на придорожный камень. Златоуст перекрестился, затем сам засмеялся, но Ясем продолжал свирепствовать:

- Как вы могли поступить так глупо?!

Тут и Кошечек понял, в чем дело:

— Так, значит, это не бесы вовсе? — спросил он себя и тоже расхохотался.

Несмотря на смех взрослых, близнецы продолжали горько плакать, пока Ян не подошел к ним, не успокоил и не достал из сундука. После этого он отправил их в кусты сходить по нужде, а когда они вернулись, сказал, улыбаясь:

— Ладно, что было, то было. Сделанного не вернешь. Кошечек, дай мальчикам воды.

- Сейчас, сейчас... — отозвался Кошечек.

Ян сказал:

- Едем дальше. Нам надо добраться до Легницы засветло.

Пристыженных близнецов усадили рядом с Ясемом, и карета тронулась дальше, с трудом прокладывая путь в еще более сгустившемся тумане.

5. Предаст же брат брата насмерть и отец — сына

Тем временем карета Лохелиуса стрелой летела по Саксонии, сопровождаемая отрядом из двенадцати немых рыцарей. Их тоже преследовал густой туман, покрыв мраком всю Европу, но их кучер не обращал на это внимания и не замедлял ход. Он лишь прислушивался к Флуктусу, которому туман совсем не мешал определить местоположение. По волшебной интуиции он чудесным образом знал в точности, куда поворачивать.

— Здесь направо, и до Лейпцига около трех часов езды, — командовал он, а кучер лишь следовал указаниям.

Развлекая кардинала, Флуктус продолжал озвучивать разные места Святого Писания по темам.

— Прочти части о неверующих, — приказал кардинал.

Флуктус кивнул и начал:

— А если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, отрясите прах от ног ваших; истинно говорю вам: отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели городу тому.

Сам кардинал Лохелиус хоть и внимательно слушал секретаря, но часто его мысли стремились вперед, обгоняли карету, и тогда воображение рисовало ему заветную встречу с Его Высокопреосвященством, кардиналом Ришелье. Ведь не случайно его пригласили на капитул ордена друзей Священного копья? Что его там ждет? Какое продвижение ему готовит Бог и какие двери господжа Фортуна собирается открыть перед ним? Неужели, наконец, наступит момент, когда он, кардинал Лохелиус, сын могущественного архиепископа, станет могущественнее своего отца...

Время от времени у Лохелиуса закрывались глаза, и он впадал в состояние полудремы. Вспомнив о своем грозном отце, он тихо сказал:

— Когда сын станет могущественнее своего отца...

Услышав эти слова, Флуктус решил, что нужно прочитать стихи про отца и сына, и сразу переключился на это:

— Вот, я посылаю вас, как овец среди волков: итак, будьте мудры, как змии, и просты, как голуби. Остерегайтесь же людей: ибо они будут отдавать вас в судилища и в синагогах своих будут бить вас, и поведут вас к правителям и царям за Меня, для свидетельства перед ними и язычниками. Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать, ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас. Предаст же брат брата на смерть, и отец — сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их...

Перед тем, как окончательно провалиться в сон, кардинал повторил произвольно, полушепотом:

— Предаст же брат брата насмерть и отец — сына...

Эхо глубокого подсознания вторило слову Святого Писания:

— Предаст насмерть отец сына...

И кардинал увидел себя во сне маленьким мальчиком, который с ребяческим нетерпением ожидает возвращения отца домой...

Глубокая ночь. Отец опаздывает. Мама — в слезах от обиды и горечи. Наконец, дверь открывается с шумом. Отец вламывается в дверь. Комната тут же наполняется жутким самогонным перегаром, перемешанным с запахом жареного мяса и пота. Еле удерживаясь на ногах, отец переворачивает мебель и нарываясь на возмущение матери:

— Как ты так можешь напиваться?! Ты же аббат, священник! Какой пример ты даешь ребенку? Этому ли научил тебя Христос? Этому ли ты учишь паству?

Отец в ярости бросается на мать с криком:

— Молчи, ведьма! Я тебя убью!

Мальчик встает на помощь матери и кричит:

— Не трогай ее!

Но мальчик слаб. Отец отбрасывает его, как щепку, и ожесточенно бьет мать. Она падает на деревянный пол, теряя сознание.

Отчаянный мальчик кричит на отца:

— Ты убийца... Ты убиваешь маму... Я тебя ненавижу! Ты мне не отец больше...

Отец смеется мальчику в лицо. Потная вонь его рясы проникает прямо в душу ребенка, а жестокие слова отца мечом вонзаются в детское сознание:

— Дурак! Я никогда не был твоим отцом! Твоя мать прелюбодейка и ведьма! Ее надо сжечь на костре!

Мальчик бьет отца и кричит:

— Ты лжешь! Я тебе не верю!

Отец отбрасывает мальчика с криком:

— Тупой ублюдок! Твой настоящий отец — архиепископ, но он никогда тебе не признается в этом.

Мальчик рыдает:

— Архиепископ мой дядя. Я ему племянник.

Отец смеется со злорадством:

— Дурак! Все архиепископы зовут своих незаконнорожденных детей племянниками.

Мальчик кидается на отца, но получает еще более сильный удар и опять падает на пол. Добравшись до шкафа, отец извлекает бутылку с самогоном, пьет и орет на ребенка:

— Архиепископ попользовался твоей мамой как уличной девкой, и она понесла. Я возмутился, но мне заткнули глотку, бросив это жалкое аббатство. Ненавижу вас всех! Ненавижу весь мир!

Пьяный аббат пьет прямо из бутылки, затем спотыкается о маму, падает и орет:

— Ведьма! Ведьма!

На крик и грохот мебели сбегаются соседи.

Ополоумевший аббат кричит им:

— Помогите мне! Моя жена продалась сатане и чуть не заколола меня. Ее надо немедленно арестовать.

Испуганный мальчик убегает в ночь...

Тревожный сон продолжается, и теперь кардинал видит себя на переполненной площади. В присутствии всего города его мать сжигают на костре голой.

Палач объявляет ее ведьмой, которая призналась при пытках, что регулярно летала на шабаш, а мужа, известного и всеми почитаемого аббата, хотела известить заклинаниями.

Пламя охватывает тело матери, а ее последний взгляд находит в толпе сына.

Мальчик рыдает, и перед ним встает фигура аббата:

— Немедленно иди домой!

Мальчик кричит в ответ:

— Не буду жить с тобой!

— Я убью тебя!

— Нет! Я стану могущественнее и сам убью тебя!

Мальчик бежит куда глаза глядят...

И его догоняют слова...

— Итак, всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцом Моим Небесным; а кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцом Моим Небесным...

Кардинал возвращается в реальность и открывает глаза.

Карета покачивается.

Трагичная реальность детства растворяется в густом тумане за окном кареты, а внутри кареты звучит монотонный голос Флуктуса:

— Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку — домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня.

Кардинал повторил в полголоса:

— Не мир пришел Я принести, но меч...

Флуктус же добавил:

— Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее...

Неожиданно лошади заржали, кучер прикрикнул, и карета остановилась. Рыцари обступили карету со всех сторон, готовые защитить хозяина.

Кардинал выглянул и увидел городские ворота, а перед ними стражу.

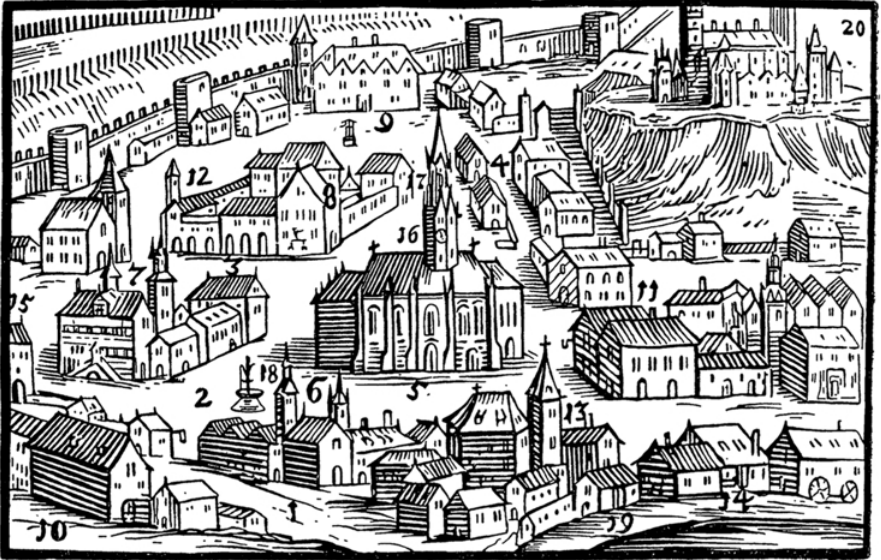
— Вы у ворот города Лейпцига! — кричит командир. — Кто вы такие и куда направляетесь?

— Это карета Его Преосвященства кардинала Лохелиуса! Именем Иисуса Христа и Святой католической церкви! Немедленно отворите ворота! — крикнул в ответ Флуктус.

Командир подчиняется:

— Открыть ворота и сопроводить Его Преосвященство по городу!

— Мы в Лейпциге, — сказал Флуктус, — проехали полпути.

Intra Urbem sunt *Plateae* (Vici), 1
 lapidibus stratae, *Fora*, 2
 (alicubi cum *Porticibus*, 3)
 et *Angiporti*. 4

Publica aedificia sunt in medio Urbis,
Templum, 5 *Schola*, 6 *Curia*, 7
Domus Mercaturae; 8
 Circa *Moenia*
 et *Portas Armamentarium*, 9
Granarium, 10
Diversoria, *Popinae* et *Cauponae*, 11
Theatrum, 12 *Nosodochium*: 13
 in recessibus *Foricae* (*Cloacae*) 14
 et *Custodia* (*Career*) 15).

In turre primariâ
 est *Horologium*, 16
 et *habitatio Vigilum*. 17

In *Plateis* sunt *Putei*. 18
Fluvius 19 vel *Rivus*, *Urbem* interfluens,
 inservit sordibus eluendis.

Arx 20 exstat in summo Urbis.

Внутри города находятся
 улицы (1), вымощенные камнями,
 площади (рынки) (2), иногда с крытыми
 галереями (3), и переулки (4).

Общественные здания находятся
 в середине города: храм (5), школа (6),
 ратуша (7), торговые ряды (8).

Недалеко от стен и ворот находится
 арсенал (9), зернохранилище (10),
 гостиницы, кабаки и трактиры (11),
 театр (12), госпиталь (13).

В отдаленных местах находятся
 клоаки (14) и тюрьма (15).

На самой высокой башне находятся
 часы (16) и помещение сторожей (17).
 На площадях находятся колодцы (18).
 Река (19) или ручей, текущий через
 город, полезны для смывания нечистот.

Замок (20) возвышается в самой
 высокой части города.

6. Зачем Всеблагий нас наказывает?

Кошечек с большим трудом прокладывал путь в густом тумане, а с наступлением сумерек и вовсе запутался. Он зажег фонари, однако толку от этого не прибавилось.

— Где мы, Кошечек? — спрашивал Ян.

Кучер отвечал:

— Мы давно должны были прибыть в Лигницу, на постоянный двор друга Его Высочества Дворжека, но из-за тумана едем медленно. Надеюсь, скоро прибудем и... Надеюсь, не сбились с пути...

Златоуст молился шепотом, пристыженные близнецы сидели смиренно, а Ясем долго хмурился на них и, наконец, нарушил молчание:

— Учитель, вы позволите задать вопрос в продолжение нашей беседы о лабиринте?

Ян ответил:

— Конечно, Ясем, можешь задавать. Но к нашей компании чудесным образом прибавились Эраст с Бенедиктом. Думаю, надо проявить к ним уважение и коротко пересказать им притчу о лабиринте. Пожалуйста, сделай это.

Ясем неожиданно возмутился и весь покраснел от раздражения:

— Но, учитель, они поступили так плохо! Вас не послушали... Никого не послушали... Всех напугали...

Близнецы одновременно вспыхнули в ответ:

— А ты нам не указывай...

— Не твое дело...

— Мы хотим защищать вас!

— Нас Ян-учитель назначил часовыми...

— Прекратите перебранку! — вмешался Ян.

Дети поутихли, но друг на друга посматривали хмуро.

— Ясем, друг мой, — сказал Ян, — ты сейчас осудил близнецов, хотя должен знать, что судить может лишь Бог. Нам

подобаает всегда иметь при себе великое качество всепрощения. Порадуй меня, пересмотри свои взгляды, извлеки урок из данной обстановки и обратись к близнецам по-новому.

Ясем поборолся с собой и сказал через себя:

— Простите меня...

— Отлично! — сказал Ян и испытующе посмотрел на близнецов, давая им понять, что надо принимать извинения с благодарностью.

Близнецы сказали:

— Прости нас, Ясем...

— Мы хотим как лучше...

Ян был удовлетворен:

— Теперь можно продолжить беседу. Ясем, пожалуйста, перескажи притчу о лабиринте всем нам.

Ясему было приятно получить такое ответственное задание, и он сказал:

— В общем, слушайте... Лабиринт — это сооружение с запутанным выходом. Оно знаменует наш мир. Его дал нам Бог в наказание за грехи, и мы в нем блуждаем. Выход найдет лишь тот, кто освободится от греховности. Это возможно, если следовать простой мудрости, наподобие нити Ариадны. Тезей привязал клубок к входу лабиринта, и благодаря этому он нашел обратный путь.

Ян похвалил:

— Прекрасный пересказ. Теперь задавай свой вопрос.

Ясем спросил:

— Зачем же всеблагий и всемогущий Бог нас наказывает? Он мог бы направить нас на праведный путь, а еще лучше — не создавать зло вообще?

Ян ответил:

— Хороший вопрос. Интересно, кто бы мог нам ответить?

Близнецы сразу отозвались:

— Ответить могут ученые!

— Они все знают!

Ян сказал:

— Рассмотрим ученых. Я видел, как многие из них отстаивают свою правоту, ссорясь. Среди них одни распри, передраги и суета. А ссоры начинается чаще тот, кого больше почитают за ученейшего. Он обычно стоит и метает стрелы на других, а другие ученейшие метают стрелы в ответ. Затем они сходятся в ближний бой и воюют на копьях, мечах или кинжалах. Но самое интересное, что все это оружие они держат во рту.

Образы дерущихся ученых здорово позабавили Ясема.

— Они стреляют из трубок пыль и мокрые бумажки? — смеясь, спросил он.

Вместе с ним веселились и близнецы.

Ян им ответил с устрашающим лицом:

— Нет. У ученых настоящая жестокая битва, на поле брани слышны крики и стоны побежденных, в то время как победители безжалостно добивают противников, доказывая свой героизм.

Златоуст сказал с печалью:

— Это якобы просвещенный народ. Они сами запутались в сетях собственного тщеславия. Они не способны найти путь из лабиринта, и лишь смертный час обличит их напрасную суету.

Ясем спросил:

— Неужели все ученые такие?

— Есть удивительные исключения, — ответил Ян, — например, выдающийся мыслитель, господин Якоб Беме.

— Из какого университета? — спросил Златоуст.

— Не из какого...

— Как? — удивился Ясем. — Если он выдающийся, то должен состоять профессором в университете.

— Он не профессор...

— Магистр?

— Нет, он сапожник...

Это рассмешило близнецов:

— Сапожник — выдающийся ученый?

— Не может быть...

Ян пояснил:

— Он обучался лишь сапожному делу, но не наукам. Однако внезапно ему открылась истина об устройстве мироздания. В свете Святого Духа он познал первопричины добра и зла, видел, как Бог творил вселенные.

Нивницкие близнецы удивлялись:

— Сапожнику открылась истина?!

— Вот чудеса!

Ясем очень заинтересовался:

— Я бы поговорил с ним. Где он живет?

— В немецком городке Герлица, — сказал Ян.

— Это нам по дороге? — попросил Ясем.

Яну нравилось стремление Ясема к познанию:

— К сожалению, нет. Герлица — на западе, а наш путь лежит на север.

Ясем заметно погрузтел, но его успокоил Златоуст:

— Не переживай. Помни, что христианская религия зиждется на истинных откровениях Божиих. Она удовлетворяет и простейших, и умнейших людей. Она ясно доказывает небесную истину. Она побеждает ересь соглашением и любовью.

Ясем спросил задумчиво:

— Если так, то служители христианской церкви есть везде. Почему же они не помогают людям найти выход из лабиринта?

Ян ответил:

— Хороший вопрос. Давай рассудим. Вся трудность в том, как найти настоящих священников. Не всех можно слушать. Многие принимают Бога лишь для виду, лишь под куполами храмов. Они ставят свечи в церквях, а в миру предаются пьянству, ссоре, грязи, воровству и грабежу. Все это наперекор тому, в чем их наставляли и что они обещались исполнять.

Златоуст продолжил мысль Яна:

— Вспоминается кардинал Лохелиус. Он угрожает нам закрыть ворота к Богу, якобы он и есть единственный держатель ключей. Он устраивает нам ад на земле, словно он есть верховный судья. Как таким верить?

— Можно верить только праведным, — сказал Ясем.

— Верно. Но праведных так мало. А большинство людей цепенеют среди ссорящихся священников и утопают в болоте противоречивых книг, не зная, кому верить... — ответил Ян.

В этот момент они услышали возглас Кошичека:

— Стойте!

Кони резко встали.

— Что случилось? — спросил Ян из окна.

— Перед нами — постоянный двор... Или мне кажется?

Все вышли из кареты и убедились, что Кошичеку не кажется. Ворота тут же отворились, и на пороге появился тучный и недвольный хозяин. Он хмуро рассмотрел гостей и неожиданно для всех выпалил с угрозой:

— Кто такие будете?

Ян удивился такому приему и ответил осторожно:

— Мы священники из Моравии и идем с миром. Меня зовут Ян Коменский, а это пастор Златоуст. С нами трое учеников и кучер Кошичек. Мы друзья вашего друга, Его Высочества, всеми нами глубоко почитаемого князя Карела Жиротинского. Он должен был предупредить вас о нашем прибытии. А вы, наверно, Дворжек?

Хозяин смотрел на Яна с удивлением, однако несколько успокоился:

— Я не Дворжек, и у меня нет в друзьях князя Карела Жиротинского, хотя я бы мечтал иметь столь высоких покровителей. Скажите, какой вы держитесь веры. Паписты ли вы или лютеране?

Ян ответил:

— Мы последователи великого Яна Гуса и воздыхаем к Богу от имени нашего народа.

— Моравские братья, что ли? — спросил хозяин.

— Да, — ответил Ян, — мы придерживаемся простых правил Христа Спасителя, и несмотря на то, что Его милость благословляет нас, мы терпим земные бедствия, так как нас преследуют за наше вероисповедание и изгоняют из родины.

— Куда же вы путь держите? — спросил уже совсем успокоившийся хозяин.

— В Лешно...

— Польша?

— Да. Сегодня мы проделали долгий путь из Брандиса над Орлицей. Если вы проявите милосердие и примете нас...

Хозяин выглядел пораженным и перебил Яна:

— Вы едете в Лешно из Брандиса?

— Да.

— Так что же вы делаете здесь, в Герлице?

Ян ответил:

— Вы оговорились. Мы не в Герлице, а в Легнице.

— Нет, — рассмеялся хозяин, — я не оговорился! Я родился, возмужал и держу сей постоянный двор в Герлице. Мне ли не знать, где я?

Ян удивленно переглянулся с Златоустом и заключил:

— Мы сбились с пути...

Тут Кошечек осознал свою ошибку и заплакал:

— Простите меня, окаянного, все из-за непроглядного тумана. Бесы вскружили мне голову, и я завел вас на запад. Накажите меня, никчемного, розгами.

Ян успокоил кучера:

— Перестань плакать, Кошечек, никто тебя не будет бить.

Хозяин сказал:

— Хватит вам стоять на улице, не то уже ночь и холодно. Заходите, будьте гостями. Добро пожаловать. У нас вы найдете тепло, уют и домашний ужин...

Хозяин растопил камин и приказал жене накрыть стол. Тем временем Кошечек заботился о конях, и близнецы побежали помогать ему.

Они присели у камина, и тогда Ян спросил хозяина:

— Вы сами какой веры?

Протерев стол тряпкой, хозяин ответил:

— Я не могу доверять свое вечное спасение одной вере и стараюсь сохранить дружбу с каждой.

— Как так? — удивился Златоуст.

— Как же иначе? — ответил хозяин. — Священники разной веры бесчестят и обвиняют друг друга в лжеучении. Если я признаю одну из них правильной, я могу ошибиться и неправую веру получить вместо истинной, о чем потом буду сокрушаться в вечности. Поэтому я лучше побуду на распутье, нежели вступлю на неправую стезю. С этим у нас все хорошо. Слава Богу, в Герлице нас не изгоняют...

Тут Ясем внезапно вскочил от неожиданной мысли:

— Постойте! — воскликнул он. — Так мы в Герлице?

Хозяин рассмеялся:

— Конечно, мальчик, где же еще? Именно в Герлице...

Ясем обратился к Яну:

— Учитель, а вы говорили, что господин Беме из Герлица.

— конечно, он отсюда, — сказал хозяин, — господин Беме живет прямо напротив моего постоянного двора. Надо просто пройти правее и перейти через деревянный мост, и там его кирпичный дом.

Ясем захлопал от радости:

— Так мы можем его увидеть и расспросить о происхождении добра и зла?

Коменский сказал задумчиво:

— Наверно, Бог не зря направил нас в Герлиц. Хоть мы и отклонились от пути, но во всем есть умысел Бога.

Хозяин сказал:

— Сюда приезжают многие повидаться с господином Беме. Часто останавливаются у нас. Бог посылает ему откровения, которые он записывает. Если вам повезет, возможно, вы увидите его. Последнее время он ни с кем не встречается и совсем не выходит из своего дома... Ну, вы тут ждите, а я пойду помогу жене готовить ужин и комнату для вас...

Когда хозяин отошел, Златоуст сказал:

— Мы всю дорогу искали ответ, почему всемогущий Бог создал зло, и Он привел нас к человеку, у которого, возможно, есть ответы... Поистине, неисповедимы пути Господни...

7. Священное копьё Лонгина

В Лейпциге они задержались лишь на час. Удалось быстро поменять лошадей, и на рассвете они уже ехали дальше.

Немые рыцари спали прямо на ходу, проявляя чудеса выдержки.

Кардинал заинтересовался орденом друзей Священного копья и спросил Флуктуса:

— Пастор, что известно об ордене?

Пастор принялся считать информацию с каких-то закоулков своей безграничной памяти и сказал:

— Для начала надо знать историю самого Священного копья.

— Рассказывай.

— Понтий Пилат, поддавшись требованию толпы, отдал Иисуса, Господа нашего, солдатам, которые повели его на казнь. На вершине горы Голгофы они распяли Господа, написав на распяты: «Сей есть Иисус, Царь Иудейский», а толпа насмеялась. Кто-то говорил: «Если Ты Сын Божий, сойди с креста, и тогда мы уверуем в Тебя!» Кто-то кричал: «Других спасал, а Себя Самого не может спасти!» Кто-то потешался: «Уповал на Бога, пусть теперь Бог избавит Его, если Он угоден Ему!» Он же воскликнул из последних сил: «Боже! Боже! Для чего Ты Меня оставил?» И Он испустил дух, и тогда земля потряслась; и камни рассеялись; и гробы отверзлись; и многие умершие воскресли... Там присутствовал сотник Гай Кассий Лонгин. Он взял свое копьё и пронзил Господу ребро. Это было чудесное копьё. Оно досталось Лонгину от своего деда, получившего его от Юлия Цезаря...

Лохелиус спросил:

— Неужели?

— Да! И когда копьё пронзило Иисуса, тотчас истекла кровь и вода. Капли попали Лонгину в глаза, и он внезапно прозрел

и воскликнул: «Воистину, это праведник, Сын Божий!» И в тот самый миг копьё Лонгина превратилось в Священное копьё, ибо оно окропилось кровью и водами Христа.

— В чем его сила?

— Хозяин копья побеждает в битвах и покоряет страны.

Лохелиус задумался:

— Кто же его отковал?

Флуктос быстро открыл записную книгу, мельком взглянул туда и ответил:

— Кузнец и маг Тувалкаин, седьмой в поколении Асама. Дляковки же он использовал железный метеорит. Это произошло за три тысячи лет до Рождества Христова.

— Что было потом?

— Потом копьё освятил еврейский первосвященник Финесс, сын Елиазара и внук знаменитого Аарона. После этого оно переходило от правителя к правителю, пока не попало к Юлию Цезарю, а после его смерти к деду сотника Лонгина и, наконец, к самому сотнику. Он же пронзил Господа Иисуса Христа на кресте.

Лохелиус спросил:

— Что же было потом с сотником Лонгиным?

Флуктос ответил:

— Прозрев чудесным образом от капель крови и воды Спасителя, Лонгин стал монахом и возвещал благу ю вест ь о спасении в Каппадокии, пока римский наместник не приказал вырвать ему все зубы и отрезать язык, чтобы он прекратил проповедовать.

— Его так изувечили?

— Да, но он продолжал проповедовать и говорил так, словно у него все было в порядке.

— Чудо!

— Это было не единственное чудо Лонгина. Вскоре римский наместник тяжело заболел и, видя силу в Лонгине, попросил его исцелить себя. Лонгин ответил, что наместник исцелится после того, как сам Лонгин умрет. Тогда наместник приказал его казнить и сам наблюдал за казнью. Так вот кровь с водой Лонгина

брызнула в глаза наместнику, и тогда он действительно исцелился, да еще прозрел и обратился в христианство.

Кардинал задумался:

— Где покоится Лонгин? Я бы почтил его мощи.

— В церкви святого Августина в Риме.

— Что же приключилось с копьем после?

— Лонгин бросил его прямо на горе Голгофе, ибо посчитал, что это оружие ему больше не нужно.

— Как он мог не подумать о том, что копье священное?

— Кто его знает? — ответил Флуктус. — Так или иначе, копье пролежало на Голгофе несколько сотен лет. Затем на Иерусалим напал персидский царь Хосров. Он и захватил святыню.

— Боже! — воскликнул кардинал. — Священное копье попало к неверующим?!

— Да, но ненадолго. Через год византийский полководец Никита разгромил персов и привез Священное копье в Константинополь.

— Слава Богу! — воскликнул Лохелиус.

— Однако случилась беда...

— Какая?

— Священное копье оказалось разломано на две части.

Персы виноваты.

— Безбожники!..

— Меньшую часть вставили в икону, а большую, много веков спустя, король Константинополя Болдуин продал французскому королю Людовику XI, и он хранил реликвию в часовне Сент-Шапель. Но часовня была разгромлена, и копье бесследно исчезло...

Кардинал с удивлением посмотрел на пастора:

— Как исчезло?

Пастор ответил полупшепотом:

— Здесь начинается новая история...

— Какая история?

Убрав свою записную книгу в сторону, пастор сказал:

— История тайного ордена друзей Священного копья.

Кардинал сказал:

— Очень интересно, продолжай...

— Проявив мудрость и предусмотрительность, Людовик XI сам спрятал Священное копье в надежном месте. Однако он опасался за себя и за Францию и, желая защитить волшебный талисман, учредил орден друзей Священного копья.

Лохелиус воскликнул:

— Чудесная история...

— Король определил главенствующую должность ордена — гроссмейстера — и назначил первым гроссмейстером ордена кардинала Балю, единственного человека, которому доверял. Кардинал Балю перенес засекреченное, тайное Священное копье в замок Мон-Сен-Уриель. Там же и разместился центр ордена, в который входили не только рыцари, но и самые выдающиеся люди.

— Что было с самим Балю?

— Этот кардинал придумал железную клетку как способ наказания преступников. Это было жестокое, но необходимое наказание для врагов короля.

— Какая это клетка?

— Размером чуть меньше кареты Вашего Преосвященства. В нее запирали преступника, подвешивали к потолку, и при каждом движении она покачивалась. Заточенные не выдерживали и нескольких недель, сходили с ума и умирали прямо в клетке. Ее тоже разместили в Мон-Сен-Уриеле, но позже самого Балю объявили преступником, и говорят, что он провел многие годы в собственной клетке.

— Один лишь Бог ведает истину.

— Так вот получилось, что Священное копье обрело свой дом в Мон-Сен-Уриеле, где для его охраны живут монахи, магистры ордена и рыцари. Теперь магистрами ордена выбирают лишь самых влиятельных служителей церкви. Так уж получается, что история современного мира пишется на соборах и капитулах

этого ордена. Последним гроссмейстером был могущественный архиепископ Ремиремонский.

— Как он умер?

— Говорят, архиепископ был отравлен и умирал две недели. Сначала была лихорадка, затем он начал истекать кровью, но дух он не терял. На смертном одре он играл в карты с друзьями, и ходят слухи, что сам дьявол явился к нему в момент смерти с требованием отдать то, что было ему обещано за 12 лет гроссмейстерства. Уверен, он понимал, что настало время платить по счетам.

— Что? У него был договор с самим дьяволом?

— Так говорят, — ответил Флуктус. — Доказать это никто не может, однако повод для слухов есть. Так или иначе, он умер, и теперь намечается капитул для выбора нового. Именно туда и были приглашены Ваше Преосвященство.

Подумав несколько мгновений, кардинал спросил:

— Что же было с малой частью Священного копья, которую вставили в икону?

— С ней все запутано. Говорят, что ее увезли или в Прагу, или в Армению.

Тут они услышали восклицание кучера.

— Вижу Мон-Сен-Уриель!

— Стой! — приказал кардинал, одернув штору.

Лохелиус вышел из кареты и встал на краю утеса. Отсюда открывался невообразимо восхитительный вид на крепость Мон-Сен-Уриель. Казалось, что она воздвигнута прямо на глади бескрайнего океана, а ее башни возвышаются выше облаков. Создавалось впечатление чего-то неземного. Кто из людей мог воздвигнуть то, что под силу лишь архангелам? Рядом с крепостью стоял огромный храм, и прямо на скалах был выстроен город.

— Пастор, — сказал завороченный кардинал, — прочтите нам про Мон-Сен-Уриель.

Флуктус немедленно откликнулся:

— Легенда рассказывает, что дьявол вызвал на соревнование самого архангела Уриеля и поспорил с ним, кто выстроит

храм красивее. Архангел построил церковь, которая была так прекрасна, что ее забрали на небо, и люди так и не смогли оценить ее красоту. Храм же, построенный сатаной, остался стоять на земле, украшенный фигурами косматых чудовищ и ухмыляющихся химер. Этот храм перед вами, Ваше Преосвященство.

Лохелиус был поражен:

— Не хочешь ли ты сказать Флуктус, что храм Бога построил сам черт?

— Ваше Преосвященство, — ответил Флуктус осторожно, — я лишь хочу сказать, что это сказано в легенде.

8. Как Сатана правит религией

К ужину подросли Кошечек с близнецами, и теперь кучер развлекал их своими страшилками:

— Вы знаете, как колдуют чернокнижники? Я могу рассказать вам, если вы не боитесь услышать...

Близнецы вместе с тучным хозяином смотрели на Кошечка с широко открытыми глазами и робко кивали...

— Вижу, какие вы храбрые, поэтому расскажу... Сильнейшими заклинаниями чародеи вызывают косматого лукавого князя адского, чтобы заключить с ним договор, который они подписывают кровью.

Хозяин спросил еле слышно:

— Что же в договоре?

— Самое разное, — ответил Кошечек, — смотря что чернокнижник желает. Кому-то золото и власть, кому-то похоть и забавы. Дьявол все раздает, но требует взамен отречься от Бога, не ходить в церковь и быть врагом всех людей, а особенно духовенства.

Златоуст перекрестился и сказал:

— Кошечек, лучше расскажи что-нибудь повеселее.

Услышав это, дети и хозяин посмотрели на Златоуста с укором.

Близнецы заговорили:

- Ну, пожалуйста...
- Пусть доскажет...
- Интересно знать...
- Что бывает с душой чернокнижника?

Кошечек тут же ответил:

— Знайте, что по прошествии жизни дьявол имеет право напасть на душу и управлять ею, как хочет. Ему не воспрепятствуют ни слова учителей Божиих, ни покаяние, ни священное писание.

Тут в беседу включился Ясем:

- Кардиналы тоже заключают договоры с дьяволом?

Кошечек ответил:

— Точно никто не скажет, но дьявол может соблазнить каждого, кто слаб духом.

Хозяин спросил:

- Расскажи нам, как дьявол соблазняет?

Близнецы подхватили:

- Вот именно!
- Это очень интересно...

Кошечек ответил:

— Дьявол соблазняет всякими грехами — гордыней, жадностью, чревоугодием, похотью. Он хитер и скрытен. Его козни так трудно распознать. А слуги дьявола совершают всякие пагубные дела. Они разоряют народы, устраивая войны, и даже строят свои храмы, которые походят на храмы Христа, и там молятся люди, на которых дьявол распространяет свою власть.

— Кошечек, брат мой, — сказал Ян, который до этого слушал их молча, — раз ты такой умный, можешь ли ты доказать то, о чем говоришь?

— Да, могу! — ответил Кошечек гордо. — Хотите, расскажу историю про святого Феофила Антиохийского.

- Кто это? — удивлялся Ясем.

Тогда Кошечек сказал:

— Это был наисмирненнейший святой отец, который жил в Антиохии. Однажды ему предложили пост епископа, но он

отказался от него по причине скромности. Ну, на должность избрали другого священника по имени Акакий. А знаете, что означает это имя?

— Нет, — воскликнули дети вместе с хозяином.

— Акакий означает незлобивый.

— О! Хорошее имя, — понравилось Златоусту.

— Однако этот Акакий совсем не оправдывал свое имя. Он был завистливым, злобным и стал притеснять бедного Феофила.

— Что же означает имя Феофил? — спросил Ясем.

Кошечек ответил:

— Любящий Бога.

— Он-то оправдывал свое имя? — спросил Златоуст.

— Нет, — ответил Кошечек, — потому что им овладела злоба на Акакия, и он понял, что зря отказывался от должности епископа. Однако место уже было занято, и он решил отделаться от Акакия и стать епископом. Не зная, как этого достичь, он отбросил бывшее смирение и обратился к чернокнижнику. Вот чернокнижник и обещал Феофилу устроить встречу с сатаной.

— О нет! — воскликнул хозяин.

— Так он душу свою погубит! — сказал Ясем.

Близнецы даже не знали, что сказать, их переполняли противоречивые чувства.

— Неужели он согласился? — не верилось Златоусту.

Ян сказал:

— Праведный священник не может идти на такое.

Все посмотрели на Кошечка. Он выждал паузу и ответил:

— Феофил согласился...

Близнецы сказали:

— Несчастный!

— Что же было дальше?

— Чернокнижник вызвал нечисть заклинанием. Дьявол явился перед Феофилом и спросил: «Чего ты хочешь?» Вот и ответил ему Феофил: «Хочу быть епископом вместо Акакия, который притесняет меня». Тогда дьявол говорит: «Всего лишь?»

Легче легкого. Но есть условия. Нужно заключить сделку. Я тебя сделаю епископом, а ты отречешься от Иисуса и Богородицы». Дьявол тут же создал договор на сушеной козлиной коже и приказал Феофилу подписать кровью, — продолжил Кошечек.

— Как его жаль... — сказал Златоуст.

— Да говори ты скорее, не то мы все здесь переволновались... — не мог утерпеть хозяин.

Кошечек, чувствуя свое влияние на аудиторию, продолжил с важным видом:

— Феофил подписал...

Ян сказал задумчиво:

— Да, некоторые священники идут и на такую мерзость...

Интересно, как же дьявол сделал его епископом?

— Очень просто, — ответил Кошечек, — на следующий же день, когда Акакий спускался по каменной лестнице, дьявол толкнул его, Акакий упал и сломал обе ноги, хоть и не умер.

— Вот дьявольское коварство! — воскликнул Златоуст.

Кошечек продолжил:

— Все посчитали, что это несчастный случай. Тем самым пост епископа опять освободился, и его занял Феофил.

Ясем возмутился:

— Неужели он был рад тому, что сделал?

— Нет, — ответил Кошечек, — его начало терзать раскаяние. Угадайте, что же он сделал?

— Повесился? — выкрикнул хозяин.

— Ушел в пустыню? — спросил Златоуст.

— Ухаживал за Акакием? — предположил Ясем.

— Нет, — сказал Кошечек, — ни то, ни другое и ни третье...

— Можно я тоже предположу? — спросил Ян.

Все посмотрели на него, ожидая ответа, и он сказал:

— Феофил оступился. Но он был праведным священником до того. Поэтому он должен был знать, что чистосердечное раскаяние — путь к спасению. Я думаю, он молился и постился сорок дней, а возможно, затем еще тридцать дней, пока Бог ему не простил...

— Верно! — воскликнул Кошечек. — Так оно и было в точности! Феофил постился и молился, и после того долгого поста ему явилась Богородица и отпустила его грехи.

— Слава Богу! — перекрестился Златоуст.

Все вздохнули облегченно.

— Не так-то легко спастись от сатаны, — сказал Кошечек, и все опять напряглись.

Близнецам не хватало терпения:

— Что же потом?

— Рассказывай быстрее!

— Сразу за Богородицей, под покровом темной ночи перед Феофилом явился сам черт и бросил ему в голову договор, подписанный кровью, требуя взамен душу, — сказал Кошечек.

— О нет! — воскликнул хозяин. — Я не перенесу этот рассказ...

— Наутро, — продолжал Кошечек, — перепуганный Феофил взял этот договор и отправился к Акакию, который по-прежнему был прикован к постели, чтобы покаяться. Он упал перед ним на колени и молил о прощении. Акакий посмотрел на договор Феофила, расплакался и достал такой же договор...

— Я так и знал! — выкрикнул Златоуст. — Потому он был злобным и не оправдывал свое имя.

— Вот говорит Акакий Феофилу: «Брат мой, я тебя прощаю и сам каюсь перед тобой, ибо я тоже грешен. Сатана обманул нас обоих. Я тоже просил его сделать меня епископом, но в договоре он не уточнял, на какой срок он обеспечит мне этот пост. Я думал, что останусь на всю жизнь, однако оказался обманутым. Обманут и ты. Каждый будет обманут, кто заключит сделку с дьяволом. Теперь, пока я болел, я постился и молился сорок дней, а потом еще тридцать дней, и мне явилась Богородица и отпустила мои грехи, однако сатана все-таки требует мою душу, как и твою». Тогда оба священника продолжили молиться и голодать ради спасения своих душ еще сорок дней, а затем еще тридцать дней. По прошествии этого времени их горячими молитвами возгорелся небес-

ный огонь от Бога в их келье, и в этом огне сгорели их договоры, и сатана остался ни с чем... — продолжил Кошечек.

Последовала долгая пауза.

Наконец, все вздохнули с облегчением, и Ян сказал:

— Уже поздно. Хватит рассказывать страшные истории на ночь. Всем пора спать.

Близнецы просились отпустить их спать в конюшню с Кошечком, а Ян, Златоуст и Ясем направились в комнату, которую им выделил хозяин. Там Златоуст сел молиться, а Ясем стал упрашивать Яна:

— Учитель, пожалуйста, посетим завтра господина Беме. Умоляю!

— Ясем, сынок, — ответил Ян, — ты знаешь о нашей миссии. Мы торопимся в Лешно. Это вопрос жизни и смерти. Наши братья, сестры, их дети и старики возлагают на нас надежду. Мы обязаны следовать нашему долгу.

— Но, учитель, — спрашивал Ясем, — не зря же Бог привел нас в Герлиц? Это не может быть просто ошибкой.

— Верно, — ответил Ян, — так пожелал Бог.

— Значит ли это, что если Бог захочет, мы увидим господина Беме завтра?

— Конечно! Что пошлет нам Бог, мы все примем с радостью. Ибо все от Него.

Ясем подумал и спросил:

— Значит, мне надо помолиться.

— Думаю, это мудрое решение. Пойдем вместе, помолимся со Златоустом.

9. Красота и блеск богопочитания

У городских ворот Флуктус доложил командиру о прибытии кардинала. Сверившись с каким-то списком, страж прокричал во все горло:

— По приглашению Его Высокопреосвященства кардинала Ришелье Его Преосвященство кардинал Лохелиус прибыл на

Humanae Sortes non tribuenda^s sunt Fortuna^e, aut Casuⁱ, aut Siderum Influxuⁱ (*Cometae* 1 quidem solent nihil boni pertendere) sed provido *Dei Oculo* 2 et ejusdem *Manui rectori*, 3 etiam nostrae Prudentiae vel Imprudentiae, vel etiam Noxae. Deus habet ministros suos et *Angelos*, 4 qui *Homini*, 5 a nativitate ejus, se associant, ut Custodes contra malignos Spiritus, seu *Diabolum*, 6 qui minutatim ei insidias struit, ad tentandum vel vexandum. Vae dementibus *Magis* et *Lamiis*, qui *Cacodaemoni* se dedunt (inclusi *Circulo* 7 eum advocates incantamentis), cum eo colludunt, et a Deo deficient! Nam cum illo mercedem accipient.

Человеческую судьбу не нужно приписывать счастью, или случаю, или влиянию светил небесных (хотя кометы 1 ничего доброго не предвещают), а провидящему оку бога 2 и его правящей всем руке 3, а также нашему благоразумию или неблагоразумию, или нашей греховности. Бог имеет своих слуг и ангелов 4, которые присоединяются к человеку 5 со дня его рождения как хранители против злых духов или дьявола 6, который каждое мгновение строит человеку козни для его искушения или мучения. Горе безумным волхвам и колдуньям, которые предаются дьяволу (и, очертив вокруг себя круг 7 призывают его заклинаниями), вместе с ними действуют и от бога отпадают! Ибо вместе с ним они и возмездие получат.

капитул ордена друзей Священного копья в качестве почетного гостя! Открыть перед кардиналом и его свитой ворота города Мон-Сен-Уриель!

Дорога от ворот вела прямо на главную площадь, где царила атмосфера праздника.

У рыцарей разбежались глаза, так как в каждом углу площади происходило нечто восхитительное...

В одной части артисты устроили некоторое подобие цирка, выступая под ритмы барабана и показывая дрессированных животных. Этот цирк был подарком короля Португалии ордену друзей Священного копья. Артисты скакали в кругу на персидских лошадях, водили на веревке молодую пантеру, заходили в клетку к двум леопардам и развлекали толпу белым слоном, который вбирал воду хоботом и брызгал на окружающих. Все это сопровождалось танцем полуголых актрис, которые демонстрировали ловкие сальто, замысловатые стойки на руках, высокие прыжки, перевороты и другие сложные акробатические трюки. Цирком управлял португальский аббат Айраф, который зазывал всех на представление и в особенности предлагал испытать на себе сеанс гипноза, техникой которого сам владел в совершенстве. Увидев кардинала Лохелиуса и его рыцарей, он обратился к нему:

— Ваше Преосвященство, не пропустите наше представление! Мы оставим ваших рыцарей в восхищении! Специально для них я проведу магический гипноз и открою глубину их связи с Богом!

Кардинал поприветствовал аббата Айрафа, но останавливаться не стал, а пошел дальше, в сторону той части площади, где был устроен уличный игорный дом.

Шла азартная игра. Как дворяне, так и священники играли в карты, бросали кости, состязались в шахматы или нарды. Многим не хватало мест, и они дожидались своей очереди. При везении радостно кричали, а в случае неудачи нервно ударяли кулаками по столу. Игорные столы принадлежали епископу Лицентиусу из Монако. Увидев проходящего кардинала, епископ принялся

приглашать его, предлагая забронировать для рыцарей столы вечером.

— Для вас предлагаю разыграть специальный приз... — настаивал Лицентиус.

Лохелиус обещал подумать.

Рядом с игорными столами предприимчивый трактирщик разливал вино из бочек, подавал обильные обеды и предлагал комнаты. Тут же в углу стояли девушки легкого поведения. Пританцовывая, они зазывали желающих поразвлечься. Несколько пасторов и даже аббат, особо ничего не скрывая и не стесняясь, мило договаривались с кокетничающими барышнями о цене близости.

В центре площади была воздвигнута сцена, похожая на плаху для казни. Там начиналось театральное представление.

На сцену вошел кардинал Гергенроттер и громко провозгласил:

— Господа кардиналы, аббаты, пасторы, миряне! Все, кто собрался сегодня на этой площади. Я, кардинал Гергенроттер, пригласил сюда, в прекрасный город Мон-Сен-Уриель свой театр, который представит новый спектакль в честь капитула великого ордена друзей Священного копья. Вижу, что вы находитесь в предвкушении этого действия. Мои актеры не заставят ждать! Представление начинается!

Лохелиус заинтересовался и начал наблюдать за действием на сцене.

Заиграли музыканты. Появился артист в образе архангела. Он обегал сцену, изображая полет, остановился у края и, развернувшись лицом к зрителям, сказал:

— Я архангел Уриель. Бог дал мне это царство для управления над сотворенным небом, и от Него прямо на меня нисходит Святой Дух.

Из глубины сцены вышли артисты в роли ангелов и запели хором:

— Наш блаженный князь и царь, Ты наш свет и Божий дар! Сердце наше, наш отец, нашей мудрости ларец. Ты даешь нам

духа власть херувимами сиять. Славься вечно, в свете дня, воспеваем мы тебя.

После этой песни музыка поменялась на устрашающие ноты, и на сцену вышел черный архангел. Он также пробежался по сцене, изображая полет, затем встал рядом с архангелом Уриелем и сказал:

— Я князь Люцифер. Бог дал мне внешнее царство, рядом с царством Уриеля, но мне скучно так просто править. И я решил, что мне интереснее вознестись выше Бога. Чем я хуже? Так я зажег свое внешнее рождение в природе, и вот теперь сияет мир мой моим светом, превосходя свет самого Бога!

Вышли черные ангелы и запели:

— Возгоримся в гордости, в нас ни капли робости. Чем мы хуже Господа, не боимся холода. Царь наш гордый, сам он свет, славься вечно Люцифер. Выше Бога наш полет, мы творцы теперь, не Бог!

Лохелиус не мог оторвать взгляд от сцены. Там Уриель сказал Люциферу:

— Ты, несчастный! Зачем ты решил возвысить себя выше великого Творца мироздания? Ты задумал невозможное. Ты повредил рождение, лишив себя чистоты. Ты возжег в себе гордыню и за это был наказан справедливо. Теперь ты падший ангел, и весь твой мир пал вместе с тобой. Бог наказал тебя, затворив твой мир смертью. А в моем царстве смерти нет. Знай, что ты никогда не можешь возвыситься до Бога.

Люцифер смеется в ответ:

— Ах, сосед мой, как ты глуп! Я несправедливо наказан. Знаешь за что? Огляни эту прекрасную Землю со всеми прелестями! Не есть ли это верх искусства? Так вот Отец наш, Бог мироздания, увидел, что я творю лучше Него. Тогда Он сам возгордился и несправедливо наказал меня, чтобы унижить.

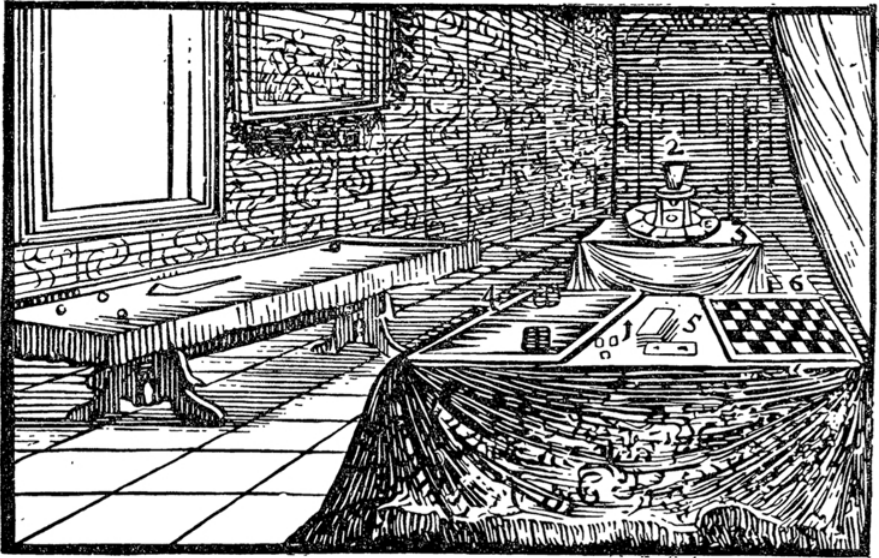
Архангел Уриель возмутился:

— Не хули Бога, несчастный! Ты ничто, а Он — все!

Люцифер злобно смеется и кричит в ответ:

Ludus aleae.

Игра случая.

Tesseris (talis) 1 ludimus vel *Plistobolindam*;

vel immittimus illas per *Fritillum* 2 in *Tabellam* 3 numeris notatam: idque est Ludus Sortilegii, Aleatorum.

Sorte et Arte luditur *Calculis* in *alveo aleatorio*, 4 et *Chartis lusoriis*. 5

Abaculis ludimus in *Abaco*, 6 ubi sola ars regnat.

Ingeniosissimus ludus est Ludus *latruncolorum*, 7 quo veluti duo exercitus praelio configunt.

Мы играем в кости (1) или в игру в наибольшее число очков.

Мы бросаем их при помощи воронки (2) на доску (3), юмеченную цифрами.

Это — игра случая.

В игру, зависящую и от удачи, и от искусства, играют камешками на игральной доске (4) и в игральные карты (5).

В шашки мы играем на шашечной доске (6).

Здесь царит только искусство.

Самая остроумная игра есть игра в шахматы (7), в ней как будто два войска вступают друг с другом в сражение.

— Может быть, и ты считаешь себя выше меня? И не думай! Я лучший во вселенной! Хочешь, поспорим?

Уриель ответил:

— Не буду я спорить с тобой.

— Нет, будешь!

— С какой стати?

— Неужели ты откажешься построить храм Богу?

Уриель ответил:

— Никогда не откажусь.

— Вот я тебя и поймал на слове... Я начинаю строить самый величественный храм Бога! Он будет величественнее твоего! Вот об этом я спорю с тобой.

— Нет, — сказал Уриель, — ты можешь со мной спорить, но я не стану. Я построю храм безо всякого пари.

Люцифер возгорелся адским пламенем и грозно сказал:

— Ты вынужден! Я вызываю! И начинаю... Мой храм будет величественнее...

Пока Лохелиус так увлеченно следил за спектаклем, к нему приблизился человек в пышной красной кардинальской сутане и сказал:

— Приветствую вас, кардинал Лохелиус.

Увидев, кто перед ним, у Лохелиуса перехватило дыхание... На мгновение он не мог пошевелиться от оцепенения, затем пришел в себя, низко отклонялся и сказал:

— Ваше Высокопреосвященство, кардинал Ришелье... Для меня такая честь...

— Для меня тоже честь.

Лохелиус сказал:

— Долгие годы я мечтал об аудиенции, чтобы воочию лицезреть Ваше Высокопреосвященство, и горд, что получил возможность служить вам и великому ордену друзей Священного копыя.

— Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят, — ответил Ришелье.

— Аминь! — ответил Лохелиус.

Тогда Ришелье сказал:

— Предлагаю побеседовать прямо здесь. Мы могли бы сесть за этот столик. Познакомьтесь с отцом Жозефом. Он мой верный помощник, и теперь он позаботится, чтобы нам не помешали.

За спиной Ришелье появился мрачный монах, одетый во все черное. Он хмуро осмотрелся, мрачно кивнул и отодвинул стул, чтобы Ришелье было удобнее садиться.

Они разместились за столиком.

Трактирщик предложил им пиво.

— К сожалению, мне нельзя, из-за многих болячек, но кардинал Лохелиус попробует, — сказал Ришелье.

Лохелиус не посмел отказаться. Трактирщик ушел за пивом, а Ришелье перешел к делу, не теряя времени:

— Ваше Преосвященство, я пригласил вас, ибо желаю предложить вашу кандидатуру на освободившееся место магистра нашего ордена. Я имею на это полное право как секретарь ордена и выражаю уверенность, что мой авторитет будет достаточно веским аргументом для всего магистрата, так что вас поддержат единогласно. Следовательно, завтра, перед началом капитула, вы получите посвящение в магистры ордена друзей Священного копья.

Лохелиус с трудом сдерживал чувства.

— Благодарю, Ваше Высокопреосвященство, — сказал он, — это великая честь для меня и Божья милость!

Ришелье ответил:

— Отблагодарите позже. А пока слушайте.

— Да, Ваше Преосвященство, я внимаю.

— Получив посвящение перед капитулом, вы тут же приобретаете право голоса на выборах нового гроссмейстера ордена. Мы все скорбим по уходу архиепископа Ремиремонского, но жизнь продолжается.

Со сцены доносился звук веселой музыки. Артисты пустились в зажигательный танец. Через танец они рассказывали о состязании в строительстве храма между архангелом Уриелем и князем тьмы.

Зрители и весь народ на площади ликовали, а Ришелье продолжал:

— Теперь магистрату ордена предстоит проявить мудрость и выбрать достойного гроссмейстера, который с честью будет служить великой миссии служения Священному копыю. Мы ведь хранители несметного могущества, которое требует приумножения во славу Бога и во славу нас самих, конечно.

— Кто же будет предложен? — спросил Лохелиус.

Трактирщик принес пиво, почтенно поставил бокал на стол и сказал тихо:

— Специального разлива, лично для вас.

— Я ознакомлю вас с кандидатами, — сказал Ришелье, когда трактирщик отошел.

— Я весь во внимании...

— Все они видные деятели нашего ордена и могущественные церковные служители. Первого из них вы, возможно, уже видели. Это кардинал Гергенроттер.

Лохелиус посмотрел в сторону сцены и сказал:

— Владелец театра...

— Он настолько любит театр, что сам пишет пьесы и даже участвует в спектаклях. Но это для него лишь забава. Вам известно, какую должность занимает он в Риме?

— Да, он председатель Святой Палаты и возглавляет борьбу против ведьм и колдовства. Никогда не думал, что он состоит в ордене, — кивнул Лохелиус.

— Еще как состоит, — ответил Ришелье и добавил тихо: — Его годовой доход превышает 300 тысяч дукатов. Он владеет богатыми бенефициями по всей Италии и Франции. Ему также принадлежат залежи квасцов в Тольфе. Его авторитет непоколебим, и он готов потратить 700 тысяч дукатов на подношения тем магистрам, которые отдадут свои голоса ему. Для вас лично, как для нового магистра нашего ордена, это будет означать подношение в размере 10 тысяч дукатов, принимая во внимание, что вы вновь посвященный.

Удивленный Лохелиус спросил:

— Позвольте уточнить: он платит тем, кто отдаст за него голос?

— Конечно, как же иначе? — ответил Ришелье и повторил. — Вам лично достанется 10 тысяч, если вы проголосуете за него.

Лохелиус с трудом верил в такое.

Ришелье продолжал:

— Второй кандидат — архиепископ де Медичи. Человек, приближенный к папе. Говорят, что, возможно, он станет следующим папой. Он тоже здесь, на этой площади. Оглянитесь в сторону игорных столов. Видите, он в тиаре, которая сверкает драгоценными камнями...

Лохелиус оглянулся:

— Тот, который облачен в мантию, расшитую золотом?

— Совершенно верно. Он играет в кости прямо сейчас и попивает вино. Он безмерно любит радости жизни. Охотится и рыбачит в своих угодьях, тратит на угощение гостей мешки с золотом.

Лохелиус сказал:

— Его пальцы украшены драгоценными перстнями. Даже отсюда виден блеск.

— Конечно, — ответил Ришелье, — он любит все изысканное. Вы знаете, какую должность он занимает?

— Нет, к сожалению.

— Он главный советник у папы по делам продажи индульгенций.

— О, это очень доходная должность.

— Однажды он мне признался, что хочет, должен и будет наслаждаться архиепископством, ибо его дал ему Бог. Его годовой доход превышает 500 тысяч дукатов да еще речные ренты в 60 тысяч. О его кандидатуре стоит подумать тщательнее, ибо он собирается потратить на подношения голосовавших за него миллион дукатов. Для вас лично это будет означать около 30 тысяч дукатов.

Пораженный Лохелиус сказал как-то невпопад:

— Недавно был раскрыт заговор, который готовился против него.

— Да, верно, — ответил Ришелье, — неудивительно, что у архиепископа много врагов, однако он прекрасно справился с заговорщиками. Их возглавлял аббат Петруччи из Сиены, который задумал подстроить отравление архиепископа и привлек в помощники врача де Верчелли, специалиста по язвам. Архиепископ раскрыл заговор. В порыве гнева он собственноручно задушил врача, а Петруччи был брошен в клетку Балю. Я все это не очень одобряю, но что делать? Что было, то было.

Лохелиус спросил:

— Есть и третий кандидат?

Ришелье указал в сторону площади, где готовили ограждения.

— Там сегодня будет публичная казнь. После нее мы увидим испанский бой быков. А в качестве матадора выступит сам кардинал Педро Валентинуа, который сейчас сам лично проверяет надежность ограждения.

Лохелиус повторил удивленно:

— Кардинал Валентинуа? Казначей папы?

— Да, именно он! — ответил Ришелье. — В его честь воздвигли изображение огромного быка. Это символ рода Валентинуа. Он очень умело выстроил систему продажи должностей Римской церкви. Сейчас все знают, что сколько стоит. К примеру, пост кардинала в среднем обходится до 20 тысяч дукатов, из которых сам Валентинуа оставляет себе пятую часть.

Лохелиус ответил:

— Говорят, его дворец блещет великолепием гобеленов и ковров, а также сосудами из золота и серебра.

Ришелье сказал:

— Он еще влечет к себе женщин, как магнит железо, и у него очень много детей. Среди его любовниц есть даже сестра папы. Но главное, что он сказочно богат! Ему обычно доставляют золото на мулах. Его ежегодный доход — миллион дукатов. Однажды

в беседе со мной он сказал: «Какой выгодной для нас оказалась эта сказка о Христе!»

— Он считает вероисповедание сказкой о Христе? — переспросил Лохелиус.

— При его могуществе он властен считать что хочет. Однако нас больше интересует то, что его поддерживает Его Величество французский король. Если магистрат выберет его гроссмейстером, Его Величество обещает вложить 200 тысяч дукатов в римский банк и еще 100 тысяч дукатов в генуэзский, а это означает, что если вы дадите ему свой голос, получите не меньше 60 тысяч дукатов.

— Ваше Высокопреосвященство, позвольте спросить, откуда у вас такая точная информация обо всех? — спросил пораженный Лохелиус.

— Мне помогает отец Жозеф, — ответил Ришелье, указывая на черного монаха, который молча стоял неподалеку, наблюдая за всем происходящим, — он организовал сложную и действенную сеть лазутчиков, которая позволяет искусно раскрывать заговоры, использовать интриги, хитрость и лукавство. Мы действительно знаем все обо всех.

Подумав, Лохелиус сказал:

— Ваше Высокопреосвященство, я последую вашему совету. Укажите мне, за кого голосовать, и я это сделаю с радостью.

— Просите, и Бог подскажет вам правильное решение. А мы с вами поговорим еще раз завтра ночью, после завершения капитула. Тогда же мы с вами обсудим одно дело чрезвычайной важности, которое касается судьбы всей Европы, а также вы сможете отблагодарить и меня, — ответил Ришелье.

Сказав это, Ришелье встал и быстро удалился. Отец Жозеф последовал за ним, как тень.

В это время артисты играли концовку спектакля. Люцифер сердился на сцене:

— Я воздвиг самый величественный храм на Земле, но храм Уриеля признан лучшим, так как его посчитали Божественным.

Сказали, что он слишком хорош для Земли, и архангелы унесли его на небо. Кто же победитель в споре?

— Победил архангел Уриель, — ответили нараспев ангелы. Люцифер закричал:

— Я опять обманут! Я так не считаю! Я лучший! Мое творение лучшее! Я превыше Бога! Ибо я тоже творец, не хуже его!

К Лохелиусу подошел Флуктус и сказал:

— Ваше Преосвященство, не желаете ли передохнуть после дальней дороги? Ваши апартаменты уже готовы. А вечером здесь на площади проводится казнь преступников и бой быков. Наверно, вы пожелаете посетить эти мероприятия...

* * *

Первым делом кардинал убедился, что рыцарей тоже разместили достойно, затем он передохнул и поздно вечером вышел на площадь.

Забили барабаны, и глашатай пригласил всех на казнь:

— Дамы и господа! Дворяне и священнослужители! Ремесленники и горожане! Сейчас на ваших глазах здесь, на площади Мон-Сен-Уриеля, свершится правосудие во славу Бога!

Играла музыка. Танцоры готовили плаху с дровами для костра.

Весь народ начал стягиваться к месту события. Когда все было готово, сам кардинал Гергенроттер выступил вперед и сказал громко, на всю площадь:

— Господа! Я, кардинал Гергенроттер, милостью Божьей председатель Священной палаты! Требую вашего внимания!

Народ замолк. Под барабанную дрожь на плаху вывели связанную голую женщину и привязали к столбу. Она брыкалась, плевалась и ругалась, но палач ударил ее по лицу, и тогда она угомонилась.

Кардинал Гергенроттер открыл книгу обвинений и сказал:

— Приступаю к оглашению обвинительного приговора. Перед вами Эмма из Шалона на Марне. Благодаря усилиям известного инквизитора Роберта Ле-Бурга, под пыткой раскаленным

Supplicia Maleficorum. Казни Преступников.

Malefici 1 per *Lictores* 2 e *Carcere* 3 (ubi torqueri solent producentur, vel equo raptantur 15 ad locum Supplicii. *Fures* 4 in *Patibulo* 5 suspenduntur a *Carnifice*; 6 *Moechi* decollantur; 7 *Homocidae* (*Sicarii*) ac *Latrones* (*Piratae*) vel *crurifragio* plexi *Rotae* imponuntur, 8 vel *Palo* infiguntur; 9 *Striges* (*Lamiae*) super *Rogum* 10 crematur. Quidam, antequam supplicio addiuntur, *elinguantur*, 11 aut super *Cippum* 12 *Manu* plectuntur, 13 aut *Forcipibus* 14 uruntur. *Vita* donate *Numellis* constringuntur, 16 *Luxantur*, 17 *Equuleo* imponuntur, 18 *Auribus* truncantur, 19 *Virgis* caeduntur, 20 *Stigmate* notantur, relegantur, damnantur ad *triremes* vel ad *Carcerem* perpetuum. *Perduelles* *quadrigis* discerpuntur.

Пристав 2 выводит преступников 1 из тюрьмы 3 (где их обыкновенно пытаются) или тащат их по земле при помощи коня 15 на место казни. Воров 4 вешает на виселице 5 палач 6. Прелюбодеев обезглавливают 7. Убийцы и (пиратов погвергают колесованию и для этого привязывают к колесу 8 или же ссажают их на кол 9. Колдуний (ведьм) сжигают на кострах 10. У некоторых раньше чем подвергнуть их казни, вырезают язык 11 или на колоде 12 отрубают руку 13 или жгут их клещами 14. Тех, которым дарована жизнь, заковывают в колодки 16, вывихивают им члены 17, сажают на деревянную кобылу 18, отрубают уши 19, секут розгами 10, клеймят, изгоняют и присуждают к галерам или к пожизненному заключению в тюрьме. Предателей родины разрывают на части четырехконной упряжкой.

железом, она признала себя виновной в извращенности, а именно — в ереси ведьм.

Народ возмущался и кричал:

— Сжечь ее! Отправьте ее в ад!

Кардинал Гергенроттер повернулся к женщине лицом и сказал ей громко, чтобы слышала вся площадь:

— Эмма из Шалона на Марне, я действую в качестве полномочного судьи, желая служить только Господу и правде. Имея перед собой пресвятое Евангелие и призывая имя Христа, я объявляю, что ты призналась в тяжелых преступлениях. Ты совершила полет из Шампоани в Милан, где присутствовала на торжественном шабаше, а вместо себя в кровати мужа ты оставила дьявола, который принял твой образ и ввел мужа в заблуждение, совершив с ним сукубство. Ваш шабаш проходил на покинутом кладбище, рядом с виселицами у развалин монастыря. Чтобы попасть на шабаш, ты пользовалась специальной мазью, приготовленной из печени детей, умерших некрещеными, села верхом на помело и вылетела из трубы. Перед твоими магическими словами отступали ветер, буря, дождь, время, расстояние, тьма и иные помехи. На шабаше ты издевалась над христианской службой, пиршествовала, танцевала и участвовала в оргиях с сатаной. С первыми лучами солнца ты полетела обратно, точно пуганая ворона. По пути ты бросала свои мази и яды на жатву и тем самым погубила весь урожай. У дома ты обернулась в кошку и так вернулась незамеченной. За указанные преступления против канонического права ты будешь подвержена наказанию через сожжение на костре. Этот приговор озвучен мной на основе твоего признания, в присутствии собравшихся на этой площади людей.

Палач проверил, крепко ли привязана к брусу измученная, окровавленная и ополоумевшая ведьма, которая повторяла еле слышно:

— Чтоб вы все горели в аду!

Забили барабаны, и таким же образом вывели другую голую женщину и привязали ко второму брусу.

Гергенроттер объявил приговор и ей:

— Анжела Лабарт из Тулузы, ты обвиняешься в сожительстве с дьяволом. Под пытками ты призналась, что отдавалась сатане и родила от него чудовище с волчьей головой и хвостом дракона. Чтобы прокормить свое чудовище, ты каждую ночь краля маленьких детей и варила из них похлебку. Так ты сгубила 500 детей, пока тебя не поймали, и тогда инквизитор Гуго Леонид добился от тебя признания под пыткой. За совершённые преступления против канонического права ты будешь подвержена наказанию через сожжение на костре.

Лохелиус почувствовал, что ему плохо. Он не мог дальше смотреть на эту сцену. В его воспоминании ожили образы того, как его собственную маму так же привязали к брусу голой, так же обвиняли в том, чего она не делала, а затем безжалостно сожгли на его глазах.

Лохелиус решил уйти с площади, но, развернувшись, заметил, что за его спиной стоит грозный Ришелье.

Он спросил:

— Ваше Высокопреосвященство, неужели вы хотите покинуть акт Божественного возмездия?

Лохелиус растерялся:

— Нет, Ваше Высокопреосвященство, я лишь...

— Побудьте вместе со мной.

— Конечно, для меня это честь.

На плаху вывели третьего обвиняемого. Это был голый мужчина. В отличие от женщин, он не сопротивлялся. Палачи привязали его к брусу, и кардинал Гергенроттер объявил ему:

— Приор Сен-Жермена Вильгельм Эделин, ты привлечен к суду епископом Эврэ за то, что ты в своих проповедях отрицал возможность полета ведьм по воздуху на поленьях, метлах, помелах и палках. Тебе вменяется в вину, что эти дерзкие проповеди внушались дьяволом, с которым ты заключил союз со специальной целью вводить народ в заблуждение. Ты совершил преступление против канонического права и будешь подвержен наказа-

нию через сожжение на костре. Этот приговор произнесен мной, в присутствии собравшихся на этой площади людей...

Ришелье сказал Лохелиусу:

— Остался еще один преступник...

Тут солдаты вынесли клетку кардинала Балю. В ней был заперт измученный, еле живой человек. Это был аббат Петруччи из Сиены, заговорщик против архиепископа Ди Медичи. Гергенроттер огласил обвинение, аббата извлекли из клетки и присовокупили к остальным.

После этого Гергенроттер приказал приступить к аутодафе.

Солдаты подожгли костры.

Кардиналу Лохелиусу было очень плохо. Он еле держался на ногах, однако уйти не решался. Он чувствовал, как внимательно следит за ним Ришелье.

В его воображении оживали образы детских воспоминаний, глаза мамы, такой же костер, то же самое восхищение толпы, и он заплакал...

С таким же помутневшим сознанием глядел он на происходящее после казни. Играла музыка, и перед восхищенной публикой могущественный кардинал Педро Валентинуа убил пять быков. Последнему он эффектно отрезал голову одним ударом меча. После этого, под возгласы всеобщего ликования, Валентинуа осушил огромную чашу вина за здоровье всех.

Наконец, Лохелиус услышал голос Ришелье:

— Теперь можете идти отдыхать. Завтра трудный день...

— Благодарю, Ваше Высокопреосвященство, — еле пролепетал Лохелиус и быстро удалился в сторону своих апартаментов.

Всю ночь ему снились глаза мамы, смотревшей на него сквозь огонь.

10. Суд над тьмой

Ясем грезит на рассвете, перед пробуждением.

Сквозь пелену тумана он скользит по таинственной реке, подталкиваемый любопытством.

Берега меняются в непрерывном колебании, и Ясем плывет вверх по течению дальше и дальше, встречает причудливые тени маленького дома на берегу озера. Невидимая волна влечет Ясема в дом, где в комнате с камином он видит больного старика в кресле. Он рассказывает гостям историю про учителя и...

Он упоминает и грезы Ясема.

Он упоминает и встречу с философом Беме...

Кто он?

Ясем прислушивается к вибрациям речи старика и понимает, что это тот самый профессор, Давид Вихонекковский, который так извращенно отзывался об учителе. Но здесь он не похож сам на себя. Он стар и немощен. Одной ногой он в могиле, однако духом еще бодр и говорит об учителе как о гении...

Он упоминает молитву: «Господи, дай мне силу встретить с душевным спокойствием все, что даст мне сей день...».

Ясем очнулся, присел на постели, и до него донеслись слова молитвы Златоуста.

— Господи, дай мне силу предаться воле Твоей Святой и наставь, и поддержи меня всякий час сего дня...

Ясем заметил Златоуста и Яна в углу комнаты. Златоуст произносил эту молитву, а учитель повторял за ним. Неожиданно Ясем понял, что старик из грез Ясема описывал своим гостям именно эту обстановку.

Ясем посмотрел в окно и увидел очень густой туман.

Неужели Бог их задержит, чтобы они встретились с господином Беме?

Старик в грезах говорил, что они были у философа. Значит, так и будет!

Эта неожиданная мысль словно подбросила Ясема на постели.

Учитель взглянул в его сторону, но Златоуст даже не пошевелился, продолжал произносить молитву:

— Господи, открой мне волю Твою и дай мне силу принять со спокойной душой все, что Ты пошлешь мне сегодня, ибо я верю, что на все святая воля Твоя.

Mundus.

Мир.

Coelum 1
habet ignem, *Stellas.*
Nubes 2 pendent in *Aere.*
Aves 3 volant sub *Nubibus.*
Pises 4 natant in *Aqua.*
Terra habet *Montes, 5*
Silvas, 6 Campos, 7 Animalia,
8 Homines. 9
Ita sunt plena
Habitatoribus suis quatuor
Elementa mundi maxima
Corpora.

Небо (1) содержит в себе
огонь, звезды.
Облака (2) висят в
воздухе.
Птицы (3) летают под
облаками.
Рыбы (4) плавают в воде.
Земля имеет горы (5), леса
(6), поля (7), животных (8),
людей (9).
Так полны своих
обитателей четыре стихии,
величайшие тела мира.

Ясем перекрестился. Учитель подозвал его, указывая, что было бы хорошо присоединиться к молитве.

Ясем встал, подошел и повторил за Златоустом:

— Господи, великий, милосердный, во всех моих делах и словах руководи моими мыслями и чувствами и не дай мне забыть, что все ниспослано Тобой, как радость, так и печаль, как счастье, так и невзгоды, как взлет, так и падение...

Ясем повторял слова молитвы, но мысленно он стремился к Беме, мудрому философу, который живет совсем рядом и, возможно, способен открыть Ясему тайну добра и зла.

— Господи, дай мне силу перенести утомления сего дня и все события в течение его, и руководи моей волей, и научи молиться и любить всех нелицемерно. Аминь.

По окончании молитвы Ясем спросил с нетерпением:

— Учитель, смотрите, на дворе туман гуще вчерашнего. Бог нас задерживает, чтобы мы разыскали господина Беме!

Ян ответил:

— Да, похоже на то.

— Тогда пойдем прямо сейчас?

Златоуст сказал:

— Не будет ли благоразумнее сначала позавтракать?

Они спустились вниз, где хозяин их приветствовал и любезно пригласил к завтраку. Кошечек с близнецами уже были здесь.

Увидев учителя, кучер сказал:

— Господин Ян, я хочу сказать вам нечто важное наедине.

Когда они отошли, Ян спросил:

— В чем дело?

— Вы не поверите! Я открыл, что эти близнецы чувствуют друг друга на расстоянии.

— Как чувствуют? — спросил Ян.

— Настолько чутко, что они прямо читают мысли друг друга.

Эраст думает, а Бенедикт уже знает! Бенедикт думает, а Эраст уже знает! Им не надо ничего говорить. Я проверял. Бог их награждал таким чудесным качеством...

Ян удивленно посмотрел на весело играющих близнецов и сказал Кошичеку:

- Пока никому не говори об этом.
- Хорошо, — ответил Кошичек с готовностью.

Ян спросил:

- Туман не рассеялся. Мы застряли здесь на сегодня?
- Да, надо дожидаться, пока распогодится.
- Тогда у меня просьба. Я бы хотел оставить близнецов на твое попечение. Мы же вместе с Златоустом и Ясемом отлучимся, чтобы встретиться с Якобом Беме.

- Не беспокойтесь, я предложу им развлечение.

После завтрака Ян, Златоуст и Ясем отправились на поиски Якоба Беме.

Следуя указаниям хозяина, они повернули направо и по мосту перешли на другой берег. Там, пройдя до конца улицы, они нашли кирпичный дом Беме. Перед домом они увидели рассерженную толпу. Около тридцати горожан собрались у калитки дома и в неистовом раздражении ругали и проклинали хозяина этого дома:

- Якоб Беме губит наши души и толкает нас в двери ада!
- Вон его из нашего города! Ему нет места среди нас!
- Смерть колдуну и чародею!

Ясем удивился:

- Что это?
- Не будем приближаться, — сказал Ян, — понаблюдаем издали.

Они остановились в конце улицы и увидели, что в толпе появился священнослужитель, которого народ пропустил вперед со словами:

- Дайте дорогу примасу Рихтеру! Молчите все! Пусть говорит примас!

Народ угомонился, и примас сказал громко:

- Верные христиане! Я — блюститель правоверия среди нашей паствы. Святая церковь возложила на меня обязанность указывать путь спасения ваших благочестивых душ, горожан

Герлица! Сегодня мы собрались у дома еретика Якоба Беме в справедливом гневе.

Толпа продолжала негодовать, а Рихтер поднял руку, дождался тишины и сказал:

— Якоб Беме был мастером сапожных дел, но он забросил свое дело и занялся тем, чего знать никак не может. Он начал проповедовать, не изучая Святого Писания, начал писать богословские книги, не получая наставления у почетных профессоров, и у него хватает наглости изрекать пасквили о Христе Спасителе, об ангелах и о Боге. Каждое его слово — это восстание против Бога, сказанное по нашептыванию самого сатаны. Он будет гореть в аду, и нет ему спасения. Но одно дело — губить свою душу, что само по себе тяжкое преступление... Но он еще губит и ваши души, ибо тяжелые наказания падут на те места, в которых будут измышлены и написаны подобного рода богохульства. А он пишет здесь! Следовательно, душа каждого верующего в нашем городе в ужасной опасности из-за этого горе-сапожника.

Толпа орала:

- Разнесем его дом вдребезги.
- Раздерем его самого на части.
- Не дадим ему губить наших детей!

На фоне возмущения толпы примас продолжал:

— Я призываю вас изгнать из города лжеца и растлителя душ. Если он и дальше будет находиться среди нас, я вас уверяю, он погубит всех! Убрать его из нашего города и предать огню все его книги!

Услышав этот призыв, многие начали бросать камни в окна. Некоторые хотели ворваться в дом, чтобы учинить над ним расправу, и никто не знает, чем бы это все кончилось, если бы из тумана не появился высокий, богато одетый мужчина в сопровождении вооруженной охраны.

Один из солдат закричал:

— Приказано молчать! Здесь бургомистр города Герлица, Его Высочество господин Бартоломеус Скультетус!

Услышав это, толпа затихла, а примас Рихтер обратился к градоначальнику:

— Ваше бургомистерское Высочество, во имя заботы вверенных вам горожан, ради спасения наших душ, вы обязаны официально исключить сапожника Якоба Беме из списка герлицких ремесленников и изгнать его из нашего города силой авторитета Вашего бургомистерского Высочества!

Бургомистр отправил солдат охранять дверь дома сапожника и обратился к Рихтеру:

— Ваше Преосвященство, умоляю, успокойтесь. Несколько лет назад я слушал вашу проповедь с кафедры нашей церкви, в которой вы громко обвинили господина Беме в ереси. Скажу честно, до того дня ни я, ни другие члены городского совета ничего и не слышали о сочинениях этого сапожника. После вас многие ознакомились с книгами Беме. В их числе и я. Признаюсь, я был крайне удивлен, ибо нашел мысли сапожника очень глубокими, а каких-либо противоречий со Святым Писанием я не увидел. Цензоры из Рима дали официальное разрешение на печать его книг, следовательно, ересь господина Беме не доказана. Поэтому я запрещаю творить над ним самосуд и призываю немедленно прекратить ваше выступление.

Рихтер сжимал зубы от негодования и сказал, подавляя в себе злобу:

— Ваше бургомистерское Высочество, как же это его ересь не доказана, когда он явно восстает против Святого Писания и отрицает троичность Господа? Если вы не изгоните его, я добьюсь, что за него возьмется сам курфюрст, и тогда виселицы ему не миновать, ибо он подлец, клятвопреступник и падший пьяница.

Градоначальник жестом остановил церковника и громко сказал:

— Хватит, Ваше Преосвященство! Суда над Беме не было, он сам в ереси не признавался, поэтому я призываю дождаться решения городского совета. Сейчас господин Беме тяжело болен. Доктор Крюгер наблюдает за ним. Я обещаю, как только он

выздоровеет, мы устроим публичное обсуждение сего важного дела в ратуше. А теперь немедленно расходитесь и не нарушайте покой города Герлица.

Понимая, что проигрывает, Рихтер гневно ворчал, однако отступил, и тогда вся толпа удалилась в туман. Тогда бургомистр постучал в дверь дома и громко позвал:

— Крюгер, отворите дверь, это Бартоломеус Скультетус.

Замок щелкнул, и на порог вышел взволнованный доктор Крюгер.

— Сумасшедшая толпа! — сказал он.

Бургомистр успокоил его:

— Я прогнал их. Как здоровье Якоба?

Врач ответил:

— Плохо. Я надеюсь только на чудо.

— Не отходите от него и не покидайте дом, — ответил озабоченный бургомистр, — надо сохранить все его рукописи. Я оставлю здесь двух солдат дежурить у дверей и сам наведаюсь позже.

Крюгер поблагодарил и скрылся в доме.

Бургомистр удалился.

Ян, Златоуст и Ясем все это время наблюдали за происходящим.

— Что будем делать? — спросил Златоуст.

Ян ответил:

— Даже не знаю. Там теперь дежурят солдаты в дверях.

Ясем настоял:

— Пожалуйста, давайте попробуем уговорить солдат пропустить нас!

Ян сказал:

— Попробуем и будем молить Бога, чтобы наши вопросы были выслушаны и мы получили на них ответы.

Они вышли к дому. Солдаты преградили им путь.

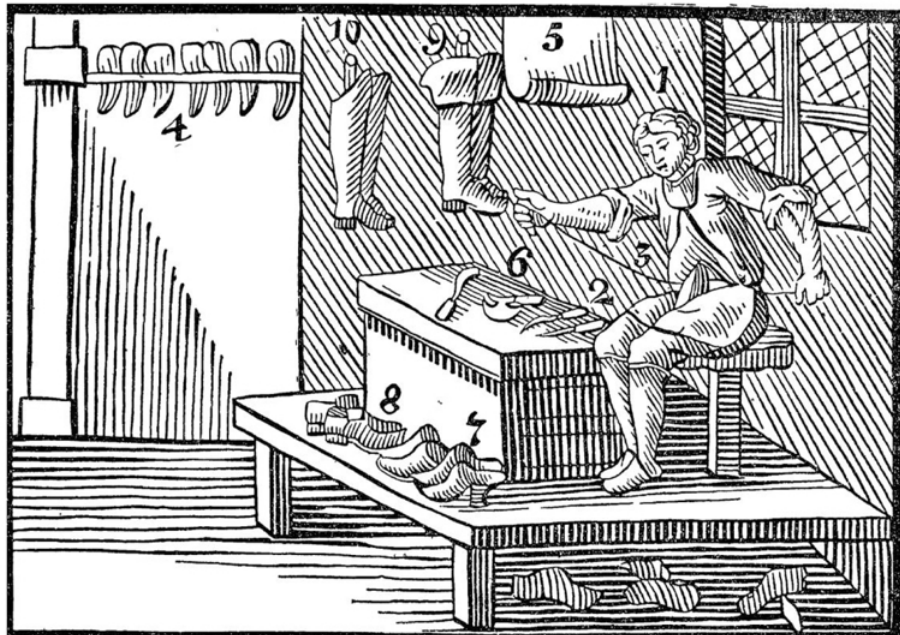
— Кто такие? — спросил один.

— Сюда нельзя! Уходите! — приказал другой.

Ян сказал им:

Sutor.

Сапожник.

Sutor 1
conficit ope *Subulae* 2 et
fili picati, 3 super *Modulo*, 4
e *Corio*, 5 (quod *Scalpro suto-*
rio 6 discinditur),
Crepidias (*Sandalia*), 7
Calceos 8 (in quibus spectat-
ur *superne Obstrangulum*,
inferne Solea et *utrinque An-*
sae), *Ocreas* 9 et *perones*. 10

Сапожник (1) при
помощи шила (2) и
дратвы (3) на колодке
(4) изготавливает из кожи
(5), которая разрезается
сапожным ножом (6),
туфли (7), башмаки (8),
сапоги (9) и боты (10).

— Мы — моравские священники Братского единства. Направляемся в Лешно, но погода вынудила нас задержаться в Герлице. Мы очень хотим поговорить с господином Беме, так как считаем его одним из величайших философов.

— Нет! — строго сказал один из солдат.

— Идите своей дорогой! — приказал другой.

Ясем набрался смелости и попросил:

— Пожалуйста, позвольте нам! Сам Бог направляет нас к нему!

Солдаты и не думали их пускать, но вдруг дверь приоткрылась, как по волшебству, и изнутри послышался зов:

— Пусть заходят...

Солдаты отступили.

* * *

Они вошли в необычную мастерскую сапожника. На сапожном верстаке вместо ножей, шила и дратвы аккуратно были разложены записные книжки, перья и чернила. По всей мастерской были разбросаны многочисленные книги, а на стене висели колodки, лоскуты обувной кожи, иконы и изображения Спасителя. Мерцающая лампа освещала огромные песочные часы, а готовые башмаки и боты пылились в углу, под длинной полкой, прогнувшейся от тяжести книг.

Внимание Ясема особо привлекла лежащая на тумбочке огромная книга под названием «Христософия Якоба Беме».

Сам философ сидел в кресле посередине комнаты, бледный и исхудавший, а над ним стоял доктор с микстурой в руках:

— Якоб, у тебя сильный жар. Пожалуйста, выпей эту микстуру.

— Брось, Крюгер, микстура мне не поможет! Скоро я отправляюсь к Богу, однако мне надо завершить одно важное дело... — отвечал сапожник, тяжело дыша, и обратился к вошедшим: — Я попросил пропустить вас, потому что мне нужны присяжные заседатели...

Ян поклонился и ответил с некоторым удивлением:

— Господин Беме, мы безмерно благодарны Богу за честь быть принятыми в вашем доме, но что вы имеете в виду? Почему вы называете нас присяжными заседателями? Мы на суде?

— Да! — ответил Якоб Беме с торжеством в голосе. — Мне надо устроить судебное разбирательство прямо сейчас. У нас мало времени. Подходите и располагайтесь на этих табуретках вокруг моего верстака... А ты, сынок, подойди ко мне ближе. Не бойся меня, я лишь чудной сапожник... Как твое имя?

— Ясем.

— Ясем, хорошее имя... Садись на коврик у моих ног. Назначаю тебя председателем среди присяжных заседателей.

Ясем заметил, что у Беме были бесконечно глубокие, серо-голубые, блестящие глаза. Он молча подчинился и сел на коврик.

— Крюгер, ты тоже будешь присяжным заседателем, так что садись и ты, — сказал сапожник. — Мне более не нужен врач, ибо моя душа готовится разлучиться с телом и пуститься в захватывающее путешествие к Небесам. Мы все оттуда и находимся в ожидании возвращения. Однако Бог, водворяющий меня куда захочет, когда захочет и как захочет, не заберет меня к себе, пока я не предам преступника правосудию! Бог правит в беспредельности, а я, ничтожная искорка от Него, дерусь на все стороны с дьяволом. И теперь само сокрытое Небо повелевает мне обличить предателя.

Ясем не совсем понимал, о чем говорит философ.

Недоумевали и Ян со Златоустом. Беме пристально всмотрелся в камин с незажженными дровами. Тревога отразилась на его лице, однако он прогнал тяжелые мысли и продолжил:

— Вы, моравские братья, тоже боретесь с дьяволом. Вы страдаете из-за того, что в этом мире безбожнику живется лучше, чем благочестивому. Вы возлагали надежды на мир, когда Фридрих Пфальцского сделали королем Богемии. Ваш архиепископ короновал его. Тогда я был в Праге и видел, как он вступал в замок Речине у Шлама в качестве короля Богемии. Я видел, что он

был встречен с большой торжественностью всеми сословиями. Но скоро началась война. Вашего короля изгнали. Император Фердинанд взял верх грубой силой, и теперь возмущение и смерть вынуждают вас искать пристанище в Польше... Куда вы и направляетесь...

Ян был поражен осведомленностью Беме и сказал:

— Вы настоящий провидец.

— Я настоящий сапожник. Но однажды Бог подвинул меня на поиски истины. Я обратился к ученым и увидел, что они таскают друг друга за волосы, открытой враждой и насмешками оскверняют святого Бога. Слушая их, я запутался и думал, что единственное настоящее небо — то, которое замыкается высоко над звездами светло-голубой окружностью. Оттуда Бог правит силой своего Святого Духа. Я, наверно, так и блуждал бы по сей день, если бы... — ответил Беме.

Беме остановился, указал на свой сапожный верстак и продолжил:

— Вот это инструмент башмачника. Однажды я работал как обычно, делая какой-то сапог, когда засмотрелся на мерцающее отражение того цинкового шара и вдруг почувствовал, что каким-то образом обезумел. Меня озарила вспышка, похожая на молнию, и знаете, что со мной случилось?

— Что? — воскликнул пораженный Ясем.

— В тот же миг мой дух решительно воздвигся к Господу, и Бог осветил меня Святым Духом, чтобы я мог уразуметь Его волю. Это было чудо! Дух мой, объятый любовью, с ликованием пробился сквозь врата адавы до самого внутреннего рождения Божества, и я охватил своим зрением все мироздание. Это было даже больше, чем чудо! Тогда я познал Бога, кто Он есть, как Он есть и какова Его воля. Теперь мне кажется, что один лишь я вижу, как седьмой ангел апокалипсиса поднял свою трубу и Силы Небесные пришли в такое движение, что скоро каждый получит по пристрастиям. Это ввергает меня в меланхолию и печаль, да еще дьявол внушает мне лукавые мысли...

Беме с опаской посмотрел на погасший камин, дождался, пока твердость вернулась к нему, и тогда обратился к Ясему:

— Теперь ты, господин председатель, может быть, скажешь: давай же вызывай виновника всех бед и всего зла в природе! Ведь ты хочешь найти ответы о добре и зле?!

Ясем молча кивнул.

— Но у меня нет ответов... Я могу лишь направить тебя на познание самого себя. Все самые сложные ответы о том, что представляют собой Бог, небо, ангелы и ад, а также гнев Божий и адский огонь, — все ответы записаны глубоко в твоей душе. И если ты не боишься, я объявляю судебное разбирательство открытым!

Ясем сказал:

— Я не боюсь! Кого вы будете судить?

Беме ответил:

— Скоро увидишь преступника. Но перед тем, как его вызывать, ты должен знать истину о рождении мира, которая открылась мне... Итак, слушай, сынок, рассказ о творении мироздания. Представь пустую бездну, без всякого облика, без всякой сущности, где нет ничего, что могло бы быть. Нет ни света, ни тьмы, ни воздуха, ни воды, ни зноя, ни холода, нет даже звука и трезвона; нет и того, чего я не могу перечислить, и там ты ничего не найдешь, даже если будешь искать от вечности до вечности.

— Возможно ли такое? — спросил Ясем с удивлением.

Беме ответил чарующим голосом:

— Возможно, ибо там, в послушной немоте, вне природы, покоится основание Бога Отца — безграничная сила, первоисточник всего, что только можно представить, и даже то, что невозможно вообразить. Там все есть в чистом и непорочном виде. И вдруг, как будто по волшебству, в сердце Бога Отца рождается Бог Сын, и от Отца и Сына исходит Святой Дух!

Златоуст не сдержался и сказал:

— Это выше нашего разумения...

Ясем чуть не плакал:

— Господин Беме, мне так сложно вас понять...

Беме еле заметно улыбнулся в ответ:

— Сынок, я бы поговорил с тобой по-иному, если бы у меня был ангельский язык, а у тебя — ангельский разум. Моя человеческая речь не может объять Бога. Но в тебе есть Дух Святой, и потому душа твоя ясно постигнет величайшую глубину. Прочувствуй, как из средоточия Божественной силы Отца извечно рождается Сын и Святой Дух, повсюду исходит от Отца и Сына, и это единый Бог в одном существе с тремя отдельными лицами. И в этом сиянии пробуждаются семь духов, и это есть восхождение Божественного рождения. Все это открылось во мне одним всплеском. Оттого я чуть не обезумел...

Замолчав на несколько мгновений, Беме обратился к Ясему:

— Господин председатель, теперь ты должен спросить, как же сотворены ангелы по образу Божию?

Ясем еле заметно кивнул.

— Так вот, знай! Все ангелы выходят из Божественного семени, имеют каждый для себя свое тело и носят Божественную волю. Так же и человек. Помни, ангелы — братья людей, поэтому мы будем иметь вид ангелов при воскресении. О том свидетельствует сам царь наш Иисус Христос, говоря, что на земле ангелы являются в образе людей. Так вот, сынок, слушай величайшую тайну. Все, что мы видим нашими глазами — этот мир, глубина земли и сотворенное небо над землей, а также глубина, которую мы не можем измерить нашими чувствами, — все это одно единое царство. А над сотворенным небом есть еще два других царства, подобных первому, но мы их не видим. Что есть за этими тремя царствами, я даже и не смею размышлять, ибо это не подвластно моему разуму.

Златоуст не вытерпел и спросил:

— Вы говорите, что есть три царства. Одно наше и два других, которые мы не видим? Это царства ангелов?

— Да, это три ангельских царства, — ответил Беме с едва заметной улыбкой.

— Какие они, ангелы? — спросил Ясем.

Беме ответил, созерцая нечто внутри себя:

— Их я сравню с малыми детьми, которые в мае выходят гулять среди прекрасных цветочков, плетут себе веночки, а когда приходят домой, показывают их своим родителям и радуются. Родители же радуются вместе с ними. Вот что свидетельствует ангельский царь наш Иисус Христос: «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное». И когда воинство одного царства приходит к другому, то бывает только любовный прием, весьма блаженная беседа, дружеская почтительность, любовное прогуливание, скромное и смиренное обхождение, дружеское целование и радостные хороводы. И как множество детей поют от радости сердца, так и легион ангелов на небе.

Вдруг господин Беме обратил свой взор на Яна, долго смотрел как будто сквозь него и, наконец, сказал, направляя не просто слова, но и мысль в сторону души Яна:

— Малые дети должны были бы быть учителями родителей своих, если бы родители могли понять это. Однако, к сожалению, в наши дни повреждены и малые, и старые; ибо старинная пословица гласит: «Как певали старые, так научились и малые». Святой Дух увещевает детей мира сего раскрыть в себе ангельскую любовь и ангельское смирение. О мир наш, полный всеобщей дьявольской гордости и возношения одного над другим. О мир наш, горящий в мире адским огнем презрения, оболгания, обмана, лихоимства, скупости, зависти и ненависти. О мир, где смирение твое? Где ангельская любовь твоя? Где дружелюбие твое? Когда уста говорят ныне: благослови тебя Бог, — сердце мыслит: смотри, берегись!

Ян не знал, что ответить, но Беме не ждал никакого ответа. Он улыбнулся себе и продолжил:

— Так почувствуйте три ангельских царства, господа присяжные заседатели. В одном правит Архангел Миха-Эль. Его имя означает крепость и силу Божию, и он носит это имя на деле. А помогает ему Габри-Эль, князь звука. В другом царстве предводит-

ельствует блаженный князь Ури-Эль, что означает свет, или молнию. Это поистине славный и прекрасный князь Божий и связан с прочими князьями любовью как единое сердце, и помогает ему Рафа-Эль. Каждый архангел торжествует по своему качеству и роду, и все ангелы ликуют, и раздается дивное «Тебя, Бога, хвалим!».

Ясем спросил:

— Каково же третье ангельское княжество?

Беме забеспокоился и сказал:

— Это наш мир... Бог сотворил хозяина нашего мира из себя самого, во славу себе. Он сотворил его таким прекрасным, славным, высоким и святым, что ему надлежало бы хвалить, славословить и почитать Бога, Творца своего, и делать то, что делал Бог Творец...

— Как его зовут? — спросил еле слышно Ясем.

— Именно его я вызываю для судебного разбирательства... — ответил Беме чуть слышно и тут же объявил громко: — Господа присяжные заседатели, встречайте виновника всех бед, возжигателя разрушительного огня, лжеца и убийцу... Люцифер перед вами!

Сказав это, Беме посмотрел в сторону камина, где неожиданно сам по себе, с шумом и треском вспыхнул огонь... Присяжные заседатели и доктор подскочили на месте. Языки огня запрыгали, в углу возле камина запрыгали тени, которые так напугали Златоуста, что он немедленно достал чудотворный крест и, направив его в сторону камина, начал молиться.

Беме же говорил теням:

— Вот ты здесь! Но никто тебя не боится! Ты бойся нас!

— Молитесь! — сказал Ян.

Крюгер тоже начал нашептывать молитву, а Беме смело обращался в темный угол:

— Ты, дух убийства, прикрой глаза твои и заткни уши твои, а то будет тебе очень стыдно, ибо я обличу сейчас твое настоящее лицо в угоду людям!

Огонь поутих, и Беме сказал Ясему:

— Господин председатель, он дух лжи. Он получил царственное рождение. Бог сотворил его сияющим и прекрасным. И теперь, слышишь, мой мальчик, он говорит, что все было иначе...

Тени запрыгали быстрее, и огонь в камине разгорелся так сильно, словно вот-вот вырвется и охватит все.

Беме закричал в сторону огня:

— Ты лжешь, ибо небо, и земля, и все твари, и даже всецелое Божество свидетельствуют против тебя. А ты винишь Бога в том, что сам стал дьяволом! Бред! Бог наградил тебя волей, и ты сам возжег огонь в себе, сам уготовил себе яростное качество. Если это не правда, то выступи пред лицом Божиим и дай ответ.

Златоуст молился. Вместе с ним и Ян.

Беме дотянулся до иконы Христа и повернул ее в сторону огня:

— Не хочешь ли, любезный, получить дружеское лобзание от Сына Божия, чтобы, наконец, усладиться? Н-е-е-е-т! Ты не хочешь! Тогда надвинь себе шляпу на глаза, чтобы тебе не видеть, как я сниму с тебя небесный венец, ибо нельзя тебе больше царствовать на небе! Мы сначала посмотрим на тебя, какая ты безумная тварь, и совершим здесь над тобой уголовный суд. И не сможешь ты смыть нечисть!

Вдруг Беме замолк. Всмотрелся в прыгающее пламя, вслушался в треск дров и сказал:

— Вы представляете, господа присяжные заседатели, он вызывает себе защиту...

И тут дверь в мастерскую закрипела и приоткрылась...

Можно было бы подумать, что это гуляет сквозняк, но никакого сквозняка не было, и через дверь протиснулись темные тени.

Беме повернулся к ним и сказал:

— Видите эти тени? Это философы и защитники царя Люцифера. О! Сколько вас! Подступите теперь и уговорите его, пока еще на нем венец. Если сможете оправдать его, пусть он будет тогда вашим царем. Если же нет, он будет низвергнут в ад, и цар-

ский венец его получит другой, правящий лучше, чем он. Но вы все обречены, ибо я разоблачу гордыню и срамоту его.

Беме дрожал, покрылся потом, и на его лице выступал жар. Доктор Крюгер подошел к нему с микстурой в руках, но он отвернулся и сказал:

— Друг мой, я не сумасшедший, я беспристрастный судья, выступающий от имени всего человечества! Я вижу его. Я чувствую его. Я знаю его слабые места! Я не покину этот мир, не завершив суд над Сатаной. Это моя миссия. Смотрите, он неистовствует и бушует, как если бы хотел опрокинуть весь мир. Никакая микстура здесь не поможет!

Беме обратился к Ясему:

— Господин председатель, обвиняемый мечется, боясь обличения, и призывает армию адвокатов. Среди его защитников ученые, философы и даже много священников. Знаешь, что их объединяет? Они заключили договор с дьяволом. Кровью подписали соглашение на козьей коже.

Беме развернулся к двери и сказал:

— Вы, слуги Сатаны, будете заключены в ад, и в адском огне будут вечно гореть ваши тела. Вы будете искать какую-нибудь дыру, чтобы там запрячься, чтобы гневное лицо Божие не касалось вас. Но нет для вас помощи в адской яростности, от срама вы не можете поднять глаз, и непрерывное блистание молний вечно сияет над вами. Таково рождение возженных духов Божиих.

— Что их спасет? — спросил Ясем.

— Ничего! — ответил Беме. — Горечь раздирает их, подобно жгучей чумной язве, огонь жжет, подобно яростной сере, любовь там стала враждой, звук стал жестким стуком, подобно треску огня и раскату грома, и они обречены томиться в доме печали. Увы, вечно! Времени нет для них! Смотри, сынок, они пристыжены, и я их сейчас прогоню!

— Как? — спросил Ясем.

Беме развернулся к двери и закричал:

— Вон отсюда! Здесь вас никто не будет слушать!

Дверь захлопнулась с очень громким стуком.

Бедный Златоуст подскочил от испуга и направил чудотворный крест к двери.

Беме же воскликнул торжественно:

— Видите! Остался лишь Люцифер в камине. Он прикрывает глаза свои и затыкает уши, чтобы не слышать и не видеть, как он предстанет в явном позоре... Защитники же его, подписавшие с ним договор, удалились в испуге.

11. Первый инквизитор — Бог, первый акт конфискации имущества — изгнание Адама из рая

Кардинал Лохелиус задумчиво смотрел на мрачный пейзаж собора Мон-Сен-Уриель в предрассветном тумане.

— Как провели ночь мои рыцари? — спросил он скорее себя, но ему немедленно ответил Флуктус:

— Они увидели и театр, и цирк, а также с азартом поиграли в кости. Но больше всего им понравились девушки легкого поведения.

Кардинал еле заметно улыбнулся и сказал:

— Раздайте каждому по сто дукатов на развлечения.

— Это будет для них поистине царским подарком, — ответил Флуктус.

Постояв еще несколько секунд, кардинал сказал:

— Мне пора на капитул.

— Это для вас великий день, и я желаю вам удачи!

* * *

Вскоре Лохелиус уже вошел в огромный соборный зал храма. Магистры ордена занимали свои места. В центре зала возвышался престол гроссмейстера. Сегодня за него предстояло побороться трем кандидатам.

Лохелиус нашел место, отведенное ему позади, и прислушался к магистрам-священнослужителям, которые шумно обсуждали

вчерашний вечер, рассказывали о своей игре в кости или карты, восхищались театром, боем быков, казнию преступников и девушками легкого поведения. Разговоры прекратились, когда в зале появился герольд и объявил:

— На капитул прибыл секретарь ордена друзей Священного копья, первый министр Франции, Его Высокопреосвященство, кардинал Ришелье.

Магистры встали и поклоном приветствовали кардинала. Отец Жозеф следовал за ним, как тень.

Кардинал Ришелье занял место по правую сторону от престола гроссмейстера, предназначенное для секретаря, и объявил:

— Господа магистры, именем Спасителя, объявляю капитул ордена друзей Священного копья открытым! Внесите Священное копьё Лонгина!

Открылась парадная дверь, и несколько рыцарей внесли копьё. Запел хор. Рыцари пронесли копьё вдоль рядов магистров. Все низко кланялись святыне. Лохелиус почувствовал головокружение и дрожь во всем теле, когда он оказался перед копьём, и невольно подумал: «Какая мощная сила...»

Обойдя весь зал, рыцари воздвигли его над престолом гроссмейстера. После этого рыцари вынесли знамя ордена с лозунгом: *Finis Sanctificat Media*, что означает «Цель оправдывает средства», и установили его напротив копья.

Тогда прекратилось пение, и кардинал Ришелье сказал:

— Господа магистры! Наш орден понес невосполнимую утрату. Бог призвал к себе гроссмейстера ордена друзей Священного копья, Его Высокопреосвященство, архиепископа Ремиремонского. Вознесем молитву за упокой души Его Преосвященства.

Магистры молча помолились.

После этого кардинал Ришелье сказал:

— Выражаю уверенность, что архиепископ помогает нам с Небес. Мы же стоим перед выбором нового гроссмейстера. Перед началом необходимой процедуры, согласно уставу ордена

друзей Священного копья, мы должны клятвенно выразить свое вероисповедание.

Магистры опять встали. Запел хор, и Ришелье сказал:

— Мы, магистры ордена друзей Священного копья, утверждаем, что существует только одна Святая католическая и апостольская церковь. Она есть мистическое тело Христа. Вне ее нет и не будет спасения. Вне ее нет и не будет отпущения грехов. Вне ее нет и не будет правды. Глава ее — Христос, а Христу глава — Бог. Так есть один Господь, одна вера и одно крещение, как был один Ноев ковчег, и Ной — единственный кормчий, а все живые существа вне ковчега погибли. Так есть один Христос, Сын Бога, и есть один наместник Христа, Петр, пастух его овец, и есть один преемник Петра — папа римский! Мы же — его дети! Верую в это!

— Верую в это! — повторили все магистры.

Хор пропел *Finis Sanctificat Media*, и Ришелье продолжил:

— В связи с кончиной великого гроссмейстера у нас освободилось одно место магистра, которое должно быть немедленно восполнено. Пользуясь правами канцлера, я предлагаю кандидата. Это всем вам известный кардинал Лохелиус, надзиратель по делам веры Его Высокопреосвященства папы. Он изгоняет жуткую ересь из Богемии и Моравии, отличается твердостью веры и целеустремленностью. В его лице император Фердинанд имеет мудрого духовника и наставника. Я вызываю Его Преосвященство, кардинала Лохелиуса, предстать перед магистрами!

Лохлиус встал и вышел.

Ришелье предложил проголосовать. Как и ожидалось, Лохелиуса избрали единогласно. Тогда Ришелье приказал ему:

— Встань на колени, брат мой, дабы мы посвятили тебя в магистры.

Рыцари приложили Священное копье к его голове, и Лохелиус опять почувствовал дрожь во всем теле. Пот выступил у него на лице. Мощь копья изливалась на него так сильно, что он еле слышал слова Ришелье:

Номо.

Человек.

*Adamus, 1 primus Homo, sexta die
Creationis à Deo, ad imaginem Dei,
è glebâ terrae;*

*et Heva, 2 prima Mulier,
è costa viri formati sunt.*

*Hi, à Diabolo, sub specie Serpentis, 3
seducti, cum comederent de fructu
arboris vetitae 4, ad miseriam 5 et mortem
cum omni posteritate suâ damnati et è
Paradiso 6 ejecti sunt.*

Адам (1), первый человек, был
сотворен в шестой день творения богом
по подобию бога из глыбы земли;

Ева же (2), первая женщина, была,
создана из ребра мужа.

Эти люди, соблазненные диаволом
под видом змеи (3), вкусивши от
плода запрещенного дерева (4), были
осуждены на страдание (5) и смерть со
всем своим потомством и были изгнаны
из рая (6).

— Евангелие учит нас, что во власти церкви два меча — духовный и светский. Мы, священники, используем духовный меч. Светский меч используется князьями и королями ради церкви. Высшее подчинено низшему, ибо в этом Божественный закон. Апостол сказал: «Нет власти не от Бога» Не подлежит сомнению, что духовная власть превосходит земную по достоинству и славе. Истина — свидетель, духовная власть имеет право учреждать власть светскую и судить ее. Так и гласит пророчество Иеремии: «Смотри, я поставил тебя в сей день над народами и царствами, чтобы искоренять и разорять, губить и разрушать, созидать и насаждать». Верую в это!

Наступила тишина. Все смотрели на Лохелиуса, а он еле соображал, не понимая, что делать.

Тогда рыцарь прикоснулся Священным копьем к его голове, а Ришелье сказал ему:

— Брат мой, повторяй за мной — верую в это!

Лохелиус очнулся и повторил:

— Верую в это...

Тогда магистры вторили ему:

— Верую в это!

И хор пропел: «Finis Sanctificat Media».

Кардинал Ришелье продолжил посвящение:

— Священники — это цари, а папа — царь царей, епископ земли, высший законодатель. Всякая душа должна подчиняться ему, чтобы спастись. Тот, кто сопротивляется нашей власти от Бога, сопротивляется Божьему установлению. Так мы объявляем священную войну всем манихеям, гугенотам, виклефистам, моравским братьям и объявляем их учение ложным и еретическим. Пусть горят в аду все еретики и раскольники, вместе с дьяволом и его ангелами. Верую в это!

Лохелиус повторил:

— Верую в это!

Магистры вторили ему:

— Верую в это!

И хор пропел: *Finis Sanctificat Media.*

Окончив посвящение, Лохелиуса подняли и поздравили. Каждый магистр сказал ему:

— Милости Господа тебе, брат!

Лохелиус вернулся на свое место, и Ришелье продолжил:

— Теперь настало время выслушать кандидатов и выбрать достойнейшего гроссмейстера, который займет этот престол. Кандидатов три. Кардинал Гергенроттер, председатель Священной Палаты, архиепископ де Медичи и кардинал Валентинуа, казначей папы. Нам всем прекрасно известны все их великие дела, однако, согласно уставу, каждый обязан представиться. Начать выпало председателю Священной Палаты кардиналу Гергенроттеру.

Гергенроттер встал рядом с заветным престолом, как-то по-особому ласково коснулся его и сказал с присущей ему театральностью:

— Господа магистры! Я уже давно полностью отдаю себя Богу тем, что служу великому делу борьбы против ереси в Европе. Я верховный инквизитор и горжусь этим, ибо я верю, что первым верховным инквизитором был сам Бог. Именно Он совершил самый первый акт веры над Адамом и Евой тем, что изгнал их из Эдема. Кстати, это есть самый первый пример конфискации имущества.

Образ Бога как первого инквизитора понравился многим магистрам. Они одобрительно кивали головами. Лишь архиепископ Де Медичи и кардинал Валентинуа с неприязнью смотрели на конкурента.

Гергенроттер не обращал на них внимания и продолжал, словно он выступает на сцене перед публикой:

— Ересь ведьм, колдовство и малефициум развелись как саранча. Ведьмы летают по всей Европе, в плотском грехе утопают королевства. Дьявол атакует волшебством даже знать. Графиня Шваненбургская призналась под пытками, что каждую ночь летала по воздуху и ее не смогли удержать даже монахи-францисканцы.

Ее сожгли по приговору инквизитора Шантемпре. Маркиза Тулузская призналась под пытками, что много лет находилась в половой связи с бесом. Ее сожгли по приговору гражданского суда. Ересь проникает даже в церковь. Во многих епархиях есть множество людей, которые, отказавшись от католической веры, вступили в связь с бесами. Вот, пастор Личвилльд признался под пытками, что заключил договор с дьяволом и имел обыкновение целовать ему зад. Он справедливо сгорел. Все это не единичные случаи. Шабашы проводятся по всем лесам, инкубат и суккубат совершается по всем деревням и городам. Это все реальность! О сожительстве людей с бесами говорил еще Фома Аквинат, опираясь на святого Августина. А сегодня мания повсеместного колдовства распространилась по всему латинскому христианскому миру. С помощью чар, заклинаний и другой скверны слуги сатаны мешают родам, уничтожают семя животных, плоды земли, лозы и огорода. Надо положить этому конец! Я смогу остановить заразу еретического нечестия, если Бог даст мне восседать на этом высоком престоле гроссмейстера ордена друзей Священного копия! Поэтому призываю вас, братья магистры, голосуйте за меня!

Кардинал Ришелье заключил:

— Мы примем во внимание сказанное кардиналом Гергенроттером при голосовании. Теперь перед нами предстанет второй кандидат, личный советник папы, архиепископ де Медичи.

Архиепископ вышел вперед в блеске своего шелкового одеяния, сверкая драгоценными перстнями, и сказал:

— Я буду честным перед вами и первым делом хочу признаться, что безмерно люблю радости жизни. Неужели кто-либо из нас не таков? Я люблю охотиться и рыбачить. Неужели кто-либо из вас не таков? Да, Бог дал нам архиепископство, так надо наслаждаться! Неужели кто-либо из вас не таков?

Магистры, улыбаясь, соглашались в душе.

Он продолжил:

— Но поиск наслаждений помогает с ревностью бороться за дело Господа. И я это делаю несравненно лучше, чем кардинал

Гергенроттер, который так расхваливал себя здесь, словно исполняет роль на сцене. Дело в том, что в каждой войне исключительно важно досконально знать врага. У нас война с дьяволом. Надо изучать его. Многие годы я занимаюсь этим втайне. Я собрал группы выдающихся ученых и ясновидящих. В нее вошли такие светлые головы, как профессор Сорбонны Джироламо Тартаротти, великий математик современности Джин Уир, блаженный Райхельм из Шонгана и другие. В доказательство того, что лучшего гроссмейстера, чем я, вы не найдете, сегодня я открою вам секреты Сатаны и представлю доказательства.

Ришелье сказал:

— Ваше Преосвященство, вы нас заинтриговали.

Архиепископ ответил:

— Я обнаружил и доказал, что демоны толпятся вокруг человечества в огромном количестве. Они проявляются в виде дождя или пыли, которая видна в солнечном луче, и стремятся проникнуть в каждого, кто не верует в Святую католическую церковь и отвергает Его Высокопреосвященство папу. Мы решили подсчитать этих падших душ, составляющих население ада. Оказалось, что их 1 758 064 176 дьяволов и демонов. Их возглавляют 79 принцев. Эти принцы иногда являются даже благочестивым христианам во время молитвенного экстаза.

Магистры были заинтересованы.

— Теперь я очень глубоко исследовал образы, в которые воплощается дьявол! Обещайте, что вы дадите свои голоса мне, и я открою вам облик сатаны!

Магистры засуетились, а Ришелье сказал:

— Архиепископ, это противоречит нашему уставу. Вы не можете покупать голоса. Если вы хотите сообщить ваше открытие, мы выслушаем его без всяких обязательств.

Архиепископ ответил:

— Так и быть! Вы — мои братья, и я все вам открою... Итак, слушайте! Дьявол — это огромный, черный, чудовищный призрак. У него рога на голове, копыта на ногах, ослиные уши,

шерсть, когти, горящие глаза, ужасные зубы, огромный фаллос и от него разит запахом серы. Он одевается в черную мантию, носит черную шляпу на голове и подвязки. Его лицо ужасно, нос похож на орлиный клюв, и он напоминает грифона. Бывает, он является в облике козла со свечой между рогами, реже в виде кошки, медведя, оленя или кабана. Иногда — в облике старика, иногда он — молодой и красивый мужчина, редко — женщина. Его можно узнать по тому, что он говорит тихо и в то же время громко, его голос высокий и прерывистый, словно его рот в банке или треснувшем кувшине. Вы видите, он многолик. У него также много имен: Старый Ник, Люцифер, Вельзевул, Сатана, Аполлион, Асмодей, Абаддон, принц тьмы, злой демон, Бу.

Магистры возмутились и принялись выкрикивать:

— Кошмар!

— Жуть!

Ришелье призвал к спокойствию, и тогда архиепископ продолжил:

— Теперь слушайте о моих исследованиях шабашей. На земле у Сатаны свой представитель. Это верховный жрец всей Европы, председатель для всех, кто состоит на службе у дьявола. Он принимает у всех присягу, что они будут верой и правдой служить ему. Его можно узнать по одежде. Он одевается так, как его хозяин: темный наряд, высокая шляпа, подвязка и маска на лице. Он посещает все многочисленные шабаши. На шабашах слуги дьявола отчитываются и получают распоряжения.

Магистры возмутились:

— Надо изгнать эту нечисть...

Архиепископ ответил:

— Чтобы изгонять, надо уметь распознать эту нечисть! Для этого я и изучаю все это. Теперь открою вам тайну о ведьмах. Готовясь к шабашу, ведьма раздевается, натирает себя мазью, вскакивает верхом на помело, выпрыгивает из дымохода или из окна и летит ночью, при свете луны, как зловещий призрак, к месту сборища. Я открыл рецепт мази ведьм. Прокипятить в медной

посуде жир маленьких детей, потом собрать гущу, которая останется на дне, и хранить ее. Перед употреблением туда надо добавить кровь летучих мышей, болиголов, белладонну, аконит, листья папоротника и сажу. Мазью натирают все тело, и тогда оно покраснеет, разгорячится, откроются поры, а плоть станет мягкой и расслабленной. Сила, заключенная в мази, проникает глубоко внутрь тела. Ведьмы отказываются от христианской веры и крещения, публично оскорбляют деву Марию, плюют на крест и, отдавая свою душу дьяволу, получают от него клеймо. Его можно найти на теле любой ведьмы. Это те места, где кожа лишена чувствительности или где не возникает кровотечение, когда кожу прокалывают булавкой. Еще одно отличительное свойство ведьмы — наличие лишней груди или маленького соска, которым ведьма кормит домашних духов.

Магистры возмущались:

— Как отвратительно.

Архиепископ продолжил:

— Отвратительное еще впереди... На шабаше оскверняют распятия, произносят богохульства в угоду дьяволу. Сам верховный жрец читает наоборот молитву «Отче наш» и служит литургию зла. А под конец шабаша заводится танец нагишом, но в масках. Играют на тамбурине, скрипке и свирели. Музыка сопровождается звуками ударных инструментов. Поют убогие и хвастливые песенки. Танцуют дьявольский «Ла-вольт», трясут головами взад и вперед и вертятся, словно безумные.

— Возмутительно! — кричали магистры.

Архиепископ завершил свою речь, сказав:

— С этого великого престола гроссмейстера я смогу открыть еще больше секретов нечисти. Выбирайте меня!

Когда архиепископ вернулся на свое место, Ришелье сказал:

— Господа магистры, теперь настало время выслушать третьего кандидата, Его Высокопреосвященство, кардинала Педро Валентинуа.

Валентинуа предстал перед магистрами и сказал:

— Господа магистры! Братья мои! Изучать и ловить нечисть надо, но куда важнее защищать чистоту церкви. Мы знаем, что священнослужители — тоже люди, и, соответственно, они грешные. Нас обвиняют в этом, требуя от нас безгрешной жизни. Я приложил много сил и потратил немалые средства на то, чтобы провести разъяснительную работу во всех епархиях, монастырях, аббатствах, соборах и храмах. Мои специальные представители объездили всю Европу и давали особые наставления о том, что, несмотря на поведение священнослужителей, чистота учения церкви остается неприкосновенной.

Ришелье спросил:

— Скажите, как же ваши представители наставляли священнослужителей?

— Во-первых, сами апостолы были великими грешниками. Петр трижды отрекся от Иисуса. Он сильно согрешил, однако ему была доверена должность верховного пастыря. Тем самым достоинство святого Петра не теряется, даже если его преемник, папа, грешен, как человек. Во-вторых, сколь бы недостойным ни был папа, надо следовать его учениям, и через любого папу исполняется обещание, данное престолу святого Петра. Тем самым должность папы выше личностей, занимающих престол. Этот престол не может утратить свое достоинство или, наоборот, приобрести его в зависимости от того, достойны или недостойны владеющие им. Папа судит всех, но его не судит никто из людей. Ему принадлежит вся полнота власти. В-третьих, провидение дает понять, что человек может вредить церкви, но не в его силах уничтожить ее. Как плохое обрамление не уменьшает ценности драгоценного камня, так и греховность священника не может повредить ни отправлению таинств, ни учениям церкви. Золото остается золотом, держим ли мы его в чистых руках или грязных. Поэтому устами священнослужителей говорит Бог, вне зависимости от безгрешности говорившего. На посту гроссмейстера я получу возможность проповедовать это так, что за нами последует вся Европа, и еретикам нечего будет возражать против нас.

Валентинуа направился к своему месту. Проходя мимо архиепископа, этот последний тихо съязвил:

— Ты хочешь перекупить голоса, гнида? Не получится...

Задетый таким оскорблением, Валентинуа так переполнился досадой, что накинулся на архиепископа с криком: «Сам гнида!», и они сцепились, как пираты. На них немедленно набросился кардинал Гергенроттер, и все трое кандидатов передрались как звери.

Остальные магистры, конечно, не стояли без участия. Все набросились друг на друга, и разгорелась жуткая перепалка.

Лохелиус вовремя успел отскочить к стене. Ришелье отчаянно призывал к спокойствию, но ничего не помогало.

Наконец, в дело вмешался отец Жозеф. Он достал из-под рясы заряженный немецкий колесцовый пистоль. Первый раз пистоль дал осечку, но со второй попытки громко выпалил.

— Заткнитесь, вы, хищники! — заорал отец Жозеф, и это подействовало.

Драка прекратилась, и магистры вернулись на свои места, стреляя друг в друга устрашающими взглядами.

Ришелье сказал, словно ничего необычного тут не случилось:

— Мы благодарны всем кандидатам. Их речь была выслушана, и теперь мы приступаем к голосованию...

12. Да спасет Благой его душу!

В мастерской сапожника стояла тишина. Лишь огонь продолжал потрескивать угрожающе, и устрашающе прыгали тени. Златоуст крепко сжимал чудотворный крест и молился, Ян крестился, Ясем смотрел в огонь со страхом, а Крюгер стоял со своей микстурой в руках.

Беме огляделся усталым взглядом и продолжил судить дьявола:

— Так знайте, господа присяжные заседатели, что Люцифер имел самое прекрасное тело среди всех князей Божиих на небе, и свет его был един со светом Сына Божия. Но он оказался уязвленный своим прекрасным обликом. Он возомнил про себя, что...

Тут камин отреагировал зловещим потрескиванием. Беме закричал в камин:

— Помнишь, лжец, как ты сказал себе: «Вот я сложен теперь в Боге и из Бога, кто сможет победить или изменить меня?» Помнишь, как ты кричал: «Я буду господствовать, и мое тело будет образом на почитание всем»? Ты говорил: «Я устрою себе новое царство, ибо вся эта область — моя, один я — Бог, и никто другой».

Из камина полетели искры, но вскоре огонь поух.

Беме тоже успокоился и обратился к Ясему:

— Так вот, господин председатель, знай, что князь Люцифер в своей гордости сам поразил себя тьмой и слепотой, он сделал из себя дьявола. Таковым и суждено ему быть и оставаться вечно. Он хотел господствовать в огне над светом и насильно возжег в себе сущность Бога, но лишь ослепил сам себя терпкою тьмою. Божью любовь он насильно превратил в неистовство, и не осталось в нем ничего, кроме вражды и противления.

Вдруг Ясем почувствовал неожиданное озарение. Словно какой свет проник в него. Он не смог усидеть. Он вскочил и воскликнул:

— Я постиг тайну! То, что мы называем гневом Бога, — это гордыня Люцифера? Так?

— Да, господин председатель! — ответил Беме. — От люциферова возжжения зовет себя Бог ныне гневным Богом, ревнителем и наказывающим ненавидящих Его. Это те, кто еще сильнее разжигают ярость и живут гордостью, скупостью и завистью.

Ясем прошептал:

— Господин Беме, вы знаете, где Бог? Как его найти?

Беме ответил:

— Заметь глубину здесь. Святой Дух постоянно проникает во все, и все пронизано Святым Духом. Звезды и солнце, земля и камни, вода и растения, животные и человек, а также все люди — одно единое и нераздельное сущее. Одно сознание, одна животворящая сила Святого Духа движется сквозь все, включая

тебя, господин председатель. Но ты не думай, что Святой Дух просто существует в тебе. Нет! Здесь глубина! Святой Дух существует в виде тебя самого, что делает тебя важнейшей частью мироздания. Ты есть глаза, через которые Бог видит себя. Он смотрит через все сущее, как один глаз, и видит сущее, себя самого...

Ясем спросил тихо:

— Господин Беме, значит ли это, что я — частица Бога и сейчас вы передо мной — тоже частица Бога. Получается, что Бог смотрит на себя через наши с вами глаза?

— Да, председатель! Именно такая глубина! Человек человеку Бог! А земля — Бог человеку, и человек для земли — Бог! Все едино в одной сущности Святого Духа. Но высокомерие дьявола хочет воспламенить в нас гордыню, и если мы позволим ему это сделать, то тогда он, лжец и предатель, будет смотреть через твои глаза...

Беме посмотрел в сторону потрескивающего камина и сказал Ясему:

— Не бойся его, мой мальчик! Это он нас боится... Это лукавый, и он сидит пристыженный. Он лучше всех понимает свою вину.

Несколько секунд Беме смотрел на огонь и затем обратился в глубину камина:

— Слушай сюда, лжец Люцифер! Не устану безжалостно обличать тебя! Тело твоё сотворено из природы, и ты совершенно не прав, когда следуешь за своей гордыней. Подняться до Бога ты не можешь по Божественному праву. Ты учишь людей черному искусству, влечешь их за своей гордыней и лжешь им, что они станут могущественными богами... Но этому не бывать! Все, кто идет за тобой, станет лишь таким, как и ты.

Огонь сердито запылал в камине и опять побросал искры в судьбу, но он, ничуть не испугавшись, воскликнул:

— За тобой идут слепые и гордые чернокнижные фигляры-колдуны. Они танцуют под твою дудку. Они превращают стихии своего тела посредством заклинаний и мнят, будто могут превращаться в другой образ... Так они позволяют тебе морочить себя.

Ты захотел быть Богом и получил взамен адский жар. Они получают то же самое, ибо превращают себя в волшебство. Господа присяжные заседатели, знайте, что Бог не производит колдовство. Оно совершается в яростности духа, зажженного господином Люцифером в его восстании...

Беме неожиданно замолчал. Вдруг утих и огонь. Несколько секунд стояла гробовая тишина, и вдруг...

Беме закричал в камин нечеловеческим голосом:

— Вон отсюда! Твое могущество заканчивается! Угасни в этом камине и изыди из нашего мира!

В ответ огонь яростно взорвался. Искры посыпались на Беме. Ясем тоже попал под этот обстрел. Мальчик отскочил подальше, но Беме успокоил его:

— Не бойся его, сынок! Ты председатель присяжных заседателей, и он не сможет навредить тебе! Лучше заметь тайну: в средоточии сатанинского огня скрыто пребывает любовь...

Услышав это слово, огонь затих.

— Любовь? — переспросил Ясем.

— Да, — ответил Беме, — любовь... Ей совершенно противно колдовство. Она есть кротость рождения. Любовь Божия противится тому, чтобы человеку был нанесен вред. Потому и определяет Господь колдунам баню гнева на вечное просыхание! Пусть там и оправдают они новое божество свое.

Беме умолк, и тогда Ясем спросил:

— Почему же любовь не побеждает?

Улыбнувшись усталой улыбкой, философ ответил:

— Поговорим о любви. Блаженная любовь — истинный облик кротости и смирения. Она рождается из молнии жизни и проникает во все сущее Святым Духом. Что же сделал с любовью Люцифер?

Беме развернулся к камину, где огонь опять начал сердито трещать, и твердо сказал:

— Как вел ты себя? Если бы ты не восстал и не возжегся, то твой родник любви был бы таким же, как и в Боге. Но ты захотел

править над всем Божеством и превратил силу любви в яростный и пронзительный огненный источник. Тем самым ты разрушил блаженную любовь в Святом Духе, как неистовый злодей, и мнил, что один ты — Бог. Ты хотел господствовать остротой. Но господствовать можно только лишь любовью!

Беме обратился к присяжным заседателям:

— Господа, знайте! Отсюда и возникло великое противление и вечная вражда между Богом и Люцифером. Сила Божия движется кротко и любовно в блаженстве, а духи Люциферовы движутся и рвутся огненно и буйно в гордыне. Он зажег гнев Божий, который без того веки покоился бы сокрыто, и сделал из творения Божия смертный ров. Но Бог от того не сделался дьяволом...

Беме перевел дыхание. Было видно, что речь давалась ему все труднее. Превозмогая себя, он сказал Ясеу:

— Сынок, твое сердце — это и есть царство любви! А Люцифер будет стремиться захватить твой внешний облик. Но ты награжден волей от Бога. Воля — это великий дар Бога каждому человеку! Не теряй ее и помни, что черт никогда не может захватить твое сердце, где процветает божественная любовь. В твоей власти гореть ею. Так гори только любовью, и отступит гордыня, и погаснет гнев Божий. Это есть победа над Люцифером...

Тут огонь в камине неожиданно совсем затих, а Беме стало совсем плохо. Казалось, он теряет сознание. Крюгер придержал ему голову и брызнул несколько капель своей микстуры ему на губы. Это чудом помогло. Беме открыл глаза и сказал еле слышно:

— Если бы даже все деревья были писцами, и все ветви — перьями, и все горы — книгами, и все воды — чернилами, то все же они не могли бы достаточно описать силу любви! Проявленная через волю, любовь и только любовь побеждает скорбь и беду, которые Люцифер со своей свитой внес в свое место. Он сделал из дома света и радости дом тьмы и печали. Но любовью ты, господин председатель, способен превратить вечный плач и адскую муку в ангельский смех и херувимскую благодать. Любовью же ты способен превратить дом каменистый и огненный в дом

сладкого благоухания всего доброго. Дьявол есть вражда против Бога и ангелов Его, и все небесное воинство против него. И бедный человек пал не по своей умышленной воле, но через привитый дьяволом яд, иначе для него не было бы помощи. И слуги дьявола увлекают все больше и больше людей. А он хочет овладеть всеми!..

Неожиданно Беме закрыл глаза и замолк. Все смотрели на него с тревогой. Крюгер нерешительно дотронулся до его запястья, чтобы проверить пульс.

Ясем прошептал:

— Господин Беме... Вы слышите меня?

Беме вдруг опять открыл глаза и сказал очень ослабшим голосом:

— Господа присяжные заседатели! Вот настает момент истины... Знайте, помните и передавайте из поколения в поколение как великую тайну! Люцифер породил в себе четырех сыновей, за что и был низвергнут из своего места и стал самым мерзостным дьяволом. Первый сын — это гордыня. Он рожден от обольщения своей собственной красотой. Дьявол помыслил, что все должно было кланяться пред ним. Ради этого он зажег себя самого гордыней, и тогда сын света стал сыном тьмы, который варится в кислом смраде. Знай же, господин председатель, если в тебе хоть капля гордыни, значит, в тебе живет сам дьявол!

Ясем ответил:

— Я буду изгонять гордыню!

Беме продолжил все более слабеющим голосом:

— Второй сын — жадность. Она растет из гордыни, ибо Люцифер возомнил, что лишь он один достоин владеть всем миром. Пусть нынешний мир поглядится в зеркало и поразмыслит, что жадность — это вражда против Бога. А ты, господин председатель, смотри в свое сердце! Если там есть хоть малюсенькая толика жадности, значит, в тебе живет дьявол, а это путь к грабежу и поглощению. Там нет адской мерзости.

— Господин Беме, — сказал Ясем, — я клянусь вам, что изгоню жадность из моей души...

— Третий сын — зависть, — ответил Беме. — Это истинная язва нынешнего мира. Зависть берет начало в молнии гордости и грома жадности и стоит на корне жизни, как колючая и горькая желчь. Гордость помыслила, что ты прекрасен и могуч; жадность помыслила, что все должно быть твоим; а зависть помыслила, что ты заколешь все, что непокорно тебе. Возгоревшие завистью ринутся к ангельским вратам, но совсем тщетно... Поэтому зорко смотри в свое сердце, господин председатель... Если там хоть малюсенькая толика зависти, значит, дьявол живет в тебе.

— Я изгоняю из души зависть! — торжественно поклялся Ясем.

— И четвертый сын дьявола — это гнев. Это поистине жгучий, адский огонь. Он также берет начало от гордости. Когда дьявол не смог своей неприязненной завистью удовлетворить гордыню и жадность, то он зажег в себе огонь гнева и ринулся им в природу Божию, подобно рыкающему яростному льву... Поэтому взглядишь в свое сердце, господин председатель. Если там хоть малюсенькая толика гнева, значит, в тебе живет дьявол...

Беме замолк...

Ему было уже очень трудно говорить.

Ясем прошептал:

— Я понял! Отсюда и взошел гнев Божий и всякое бедствие.

Помолчав, Беме ответил чуть слышно:

— Если дьявол живет в тебе, это есть начало греха, жало смерти, возжжение гнева Божия, начало всякого зла и повреждение сего мира. И всему тому злumu, что происходит, он первый виновник.

В ответ на это огонь в камине яростно возгорелся и затрещал.

— Я изгоняю из сердца своего всех сынов дьявола! Я не буду лелеять ни гордыню, ни жадность, ни зависть, ни гнев! Да будет во мне процветать лишь любовь!.. — воскликнул Ясем.

Беме улыбнулся:

— Господа присяжные заседатели, вот мой окончательный вердикт... Перед нами сатана! Я обвиняю его в том, что он

совершил убийство, стал отцом лжи, основал ад и погубил все доброе! Я обвиняю его также в том, что он сделал из себя вечного врага Бога и всех добрых ангелов и людей... И теперь с ним, как со злейшим врагом, должны повседневно и ежечасно сражаться и биться все люди, уповающие на блаженство! Так властью, данной мне от Бога, я повелеваю тебе! Изыди и погасни!

Случилось чудо...

Огонь в камине затух, и от него осталась лишь зола и легкая струйка улетающего дыма.

...И тут же в окошечко заглянуло солнце, осветив утомленное лицо философа.

Он сказал очень тихо:

— Дай Бог вам спасения! Я же теперь мечтаю лишь об одном: увидеть воочию ангельское тело, неосязаемое для рук человеческих. Я мечтаю узнать, что видят ангелы в Отце через свет, порожденный Отцом... И я это скоро увижу. Смерть — наша самая большая иллюзия. Ее нет. Однако пусть это будет темой моей следующей книги, которую я напишу на небесах...

Ян и Златоуст были поражены речью Беме. Он же улыбался, глядя куда-то вдаль...

— Сынок, ты слышишь музыку? — спросил он Ясема.

Растерянный Ясем с удивлением оглянулся:

— Музыку?

Беме поводит рукой как бы в такт величественной мелодии. На его лице отразилось наслаждение, и он сказал:

— А я слышу божественную музыку, восходящую от вечности и до вечности. Она звучит всегда и везде по бескрайним просторам вселенной.

Ясем спросил полушепотом:

— Какая это музыка?

Беме ответил еле слышно:

— Если вы соберете тысячи музыкальных инструментов с лютнями и, настроив их самым чудесным образом, созовете искуснейших исполнителей, а они заиграют лучшую земную

мелодию, то это все же будет лишь как собачий лай, в сравнении с тем, что слышу я. Это музыка созидания, это вибрация творения Бога, это мелодия ангельских труб...

Господин Беме замолчал и застыл с блаженной улыбкой на лице...

Ян подошел к нему и произнес молитву:

— Благословите, огонь и вар, стужь и зной Господа. Скажи мне, брат мой, Якоб, есть ли какое-либо слово, дело или злоба, которые не исповеданы или не прощены? Проси прощения у братьев и у врагов... Скажи: «Прости и люблю!»

Губы философа едва заметно задвигались.

Ян продолжал:

— Ты знаешь лучше меня, что во всех предметах света есть лишь сомнительные призраки, досадный обман и отчаянное бедствие. Тебе открывается истина света. Обратись к Иисусу в сердце своем и скажи: «Прости и люблю!», и да простятся тебе грехи твои, брат мой...

Ян достал из внутреннего кармана бутылочку с елеем. Осторожно помазав лоб философа, он извлек бутылочку с вином, кусочек хлеба для причащения и начал нашептывать:

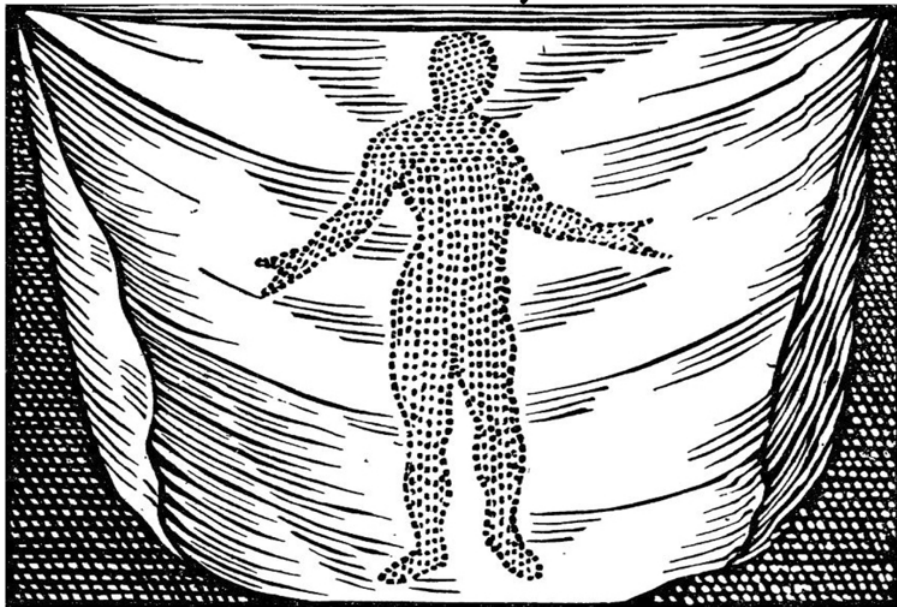
— Царю Небесный, утешителю, дух истины, который везде находишься и все наполняешь, источник благ и податель жизни, приди и вселись в Якоба Беме, и очисти его от всякой скверны, и спаси, благой, его душу.

Ян начал произносить свою внутреннюю молитву, которая тотчас потекла по всему телу Беме, мир растворился, и перед ним возник образ небесной лестницы. Счастливый Якоб у лестницы, и звуки ангельской музыки. И вот он ступил на лестницу, начиная свое восхождение. Возвысившись на несколько ступенек, он обернулся к Яну и сказал:

— Учитель, тебе просвещать поколения. Возможно, тем самым ты исправишь все дела человеческие. Пиши свои послания и направляй их в будущее.

Подчиняясь невидимым силам, Якоб поплыл выше по лестнице и растворился в свете.

Anima hominis. Душа человека.

Anima est vita corporis, in toto una: Tantum Vegetativa in Plantis; simul Sensitiva in Animalibus; Etiam Rationalis in Homine. Haec consistit in tribus: In Mente (Intellectu), qua cognoscit et intelligit

Bonum ac Malum, vel verum, vel apparens; In Voluntate, qua eligit et concupiscit, aut rejicit et aversatur cognitum; In Animo, quo prosequitur Bonum electum, vel fugit Malum rejectum. Hinc Spes et Timor, in cupidine et aversatione; Hinc Amor et Gaudium, in fruitione; Sed Ira ac Dolor, in passione; Vera rei cognitio est Scientia; falsa Error, Opinio, Suspicio.

Душа есть жизнь тела, единая во всем теле: она только растительная в растениях; вместе с этим она - чувствующая в животных; кроме сего, - разумная в человеке.

Последняя проявляется в трех способностях; в уме, которым она познает и понимает добро и зло, или действительное, или кажущееся; в воле, которая она избирает и желает, или отбрасывает и отвергается от познанного; в духе, которым она стремится достигнуть избранного добра или избегает отвергнутого зла.

— Да очистишься ты от всякой скверны, и да спасет благой твою душу, — повторил Ян три раза и добавил еле слышно, — наша земная жизнь — подготовка к жизни вечной!

Ян оглянулся, почувствовав, что вернулся в мастерскую сапожника. Он увидел Крюгера, который проверял пульс:

— Он отправился к ангелам...

Ясем заплакал. Златоуст и Ян нашептывали молитву.

Крюгер сказал:

— Господа присяжные заседатели, вам — безмерная благодарность. Я видел, как вы сделали моего друга счастливым в последние минуты его земной жизни. Но сейчас вам лучше удалиться. Я должен сообщить бургомистру. Сюда придут секретари, чтобы все опечатать.

Выйдя на крыльцо, они удивлялись сияющему солнцу. Тумана словно не было никогда.

Даже угрюмые солдаты заулыбались.

Тут их окликнул Крюгер:

— Господин председатель...

Ясем обернулся.

— Вы забыли книгу, которую принесли с собой...

Крюгер вложил в руки Ясема красивую книгу.

— Возьмите, она ваша, — сказал Крюгер.

Ясем со слезами на глазах прочитал название:

— «Христософия Якоба Беме».

13. Война кормит войну

Вечером кардинал Лохелиус устроил настоящий праздник в честь своего посвящения. Он пригласил несколько магистров ордена, всех своих рыцарей и заказал царский ужин.

В этот торжественный день кардинал разрешил своим рыцарям нарушить обет молчания до рассвета, и они заговорили все разом, весело и задорно. Пили вино за здоровье кардинала, за процветание ордена друзей Священного копья, за волшебный город Мон-Сен-Уриель, а также за папу и многое другое. Вдобавок

к празднику кардинал приказал выдать каждому из своих рыцарей по 50 дукатов на развлечения. Некоторые пустились танцевать от счастья, а другие отпросились на площадь, чтобы на эти деньги провести время в уличном трактире в обществе девушек легкого поведения.

После того как гости разошлись, Лохелиус делился своими ощущениями с пастором Флуктусом:

— Кажется, что я зарядился могуществом Священного копия. Это сложно описать словами.

— Что вы собираетесь делать дальше? — спросил Флуктус.

— Честно говоря, не знаю. Ясно, что на рассвете нам надо отправиться в обратный путь. У меня отложенная аудиенция к императору Фердинанду, но там имперская казна пуста, и, скорее всего, придется заканчивать войну некоторым перемирием. Император будет вынужден терпеть отступников в своей стране. Кальвинисты, лютеране, моравские братья и все другие еретики получают возможность вернуться на свои земли, откуда мы их с таким трудом изгнали. Солдаты короля Испании вернутся на родину, а я продолжу исполнять свои обязанности надзирателя по делам веры и регулярно сообщать в Рим о нарушении еретиками правил Святой католической церкви. Другого выхода я не вижу. Хоть это очень огорчает, но войне приходит конец, если, конечно, не произойдет какое-то чудо. В общем, дорогой мой пастор, позаботься о том, чтобы карета и рыцари были готовы к рассвету.

Флуктус ответил:

— Конечно. Все подготовлю.

Кардинал умолчал о том, что ожидал встречу с Ришелье. Возможно, что на этой встрече...

Хотя, чего там загадывать. Ведь общеизвестно, что Ришелье очень непредсказуем...

— Что тебе известно про Ришелье? — спросил Лохелиус задумчивого Флуктуса.

— Многое. Зависит от того, что вы хотите услышать. Общеизвестные данные или сплетни?

Лохелиус ответил вполголоса:

— Давай сплетни.

Флуктус склонился к уху кардинала и сказал почти шепотом:

— Его полное имя Арман Жан дю Плесси, герцог де Ришелье. Когда ему было 22 года, освободилось место епископа в Люссоне. Это наследственное епископство в семье Ришелье. Король Генрих IV назначил епископом юного Армана Ришелье. Однако, согласно церковным законам, он не мог быть посвящен в епископский сан по молодости. Тем не менее, он немедленно отправился к папе Павлу V и произнес перед ним прекрасную речь на латинском языке. Папе понравилась речь, однако возникло сомнение, и он спросил: «А вы достигли уже возраста, требуемого церковными уставами?» Тут будущий первый министр Франции ответил с поклоном: «Точно так, Ваше Святейшество».

— Невероятно! — воскликнул Лохелиус. — Он солгал в лицо самому папе! В это трудно поверить...

— Слушайте дальше, — сказал Флуктус. — Папа провел священный обряд, и Ришелье стал епископом. После этого он передал папе контрибуции за рукоположение в епископы и от себя прибавил очень дорогой алмазный перстень стоимостью в тысячу дукатов. Это было сверх положенного. Папа принял подарок с удивлением и восхищением. Сразу после этого Ришелье пал ниц пред понтификом и воскликнул: «Ваше Святейшество, только что я совершил великий грех. Я ввел вас в заблуждение, ибо я не достиг еще надлежащего возраста! Молю вас, отпустите мне этот грех!»

Лохелиус восхитился:

— Какая изворотливость! Что же ответил папа?

— Папа был настолько поражен, что тут же отпустил грех епископу и обратился к собравшимся: «Этот плут очень далеко пойдет!»

Лохелиус не сдержал себя и расхохотался:

— Неужели это может быть правдой?

Флуктус ответил:

— Вы просили сплетни, Ваше Преосвященство... Но это не самая удивительная история.

— Неужели? Рассказывай дальше!

Тогда Флуктус продолжил шепотом:

— Анна Австрийская была замечательно хороша собою. Король Франции Людовик готовился жениться на ней, а она готовилась стать королевой. Но поначалу и сам Ришелье был к ней равнодушен и даже влюбился.

— Не могу поверить! — воскликнул Лохелиус.

— Так это же сплетни. Однако в то время все только об этом и говорили.

— Ладно, продолжай.

— Вам известно, что молодые женщины — охотницы пошутить и посмеяться. Так вот Анна и ее подруга, герцогиня де Шеврез, задумали позабавиться над влюбленным кардиналом. Тогда будущая королева написала Ришелье, что она наслышана о его ловкости и грации и хочет посмотреть, как он танцует сарабанду.

— Не может быть! — вырвалось у Лохелиуса.

— Это еще не все! Для лучшего эффекта в письме она советовала кардиналу нарядиться в шутовской костюм. Кардинал уже был тогда первым министром. Тем не менее, любовь ослепила его, и он решил, что на самом деле покорила сердце Анны Австрийской.

— Он пришел к ней?!

— Да, но не один... Он взял с собой скрипача Боккаче, явился в назначенный час в комнату королевы, одетый в зеленый бархатный костюм с серебряными бубенчиками на пряжках и в подвязках.

Лохелиус невольно засмеялся и воскликнул:

— О!

Флуктус продолжил рассказ:

— Королева с придворными дамами и кавалерами скрывалась за ширмами, из-за которых можно было видеть, как танцует кардинал. Сначала они сдерживались, но под конец невольно разразились громким смехом. Увидев, что над ним подшутили,

Ришелье оскорбился до глубины души. Он поклялся отомстить за отвергнутую любовь, и это клятва вылилась в войну против Габсбургов и Медичи...

— В это просто невозможно поверить...

Уже была поздняя ночь. Лохелиус ожидал приглашения от Ришелье, однако никто его не звал. Подумав, что о нем забыли, Лохелиус отправился на покой. Уже почти на рассвете его разбудил шум в спальне. Открыв глаза, он в ужасе подскочил на постели.

Перед ним было страшное привидение — черный силуэт монаха в капюшоне с мерцающей лампой в руках. Привидение задымилось, и кардинал тут же узнал его:

— Отец Жозеф?! Что вы тут делаете?

Отец Жозеф постоял пару секунд и ответил:

— Ваше Преосвященство, вас просит к себе Его Высокопреосвященство.

Лохелиус сразу встал:

— Конечно, я сейчас... Буду готов через три минуты...

— Жду, Ваше Преосвященство, у дверей, — ответил отец Жозеф и вышел.

Встав с постели и наскоро одевшись, Лохелиус отправился на заветную встречу. Отец Жозеф проводил его в покои Ришелье, очень учтиво открыл перед ним дверь, а сам встал у входа, как тень.

Бледный Ришелье сидел полулежа на диване. Несмотря на нездоровый вид, он выглядел бодро и, увидев вошедшего, сказал:

— Ваше Преосвященство, не обращайте внимания на мое больное тело, которое постоянно страдает всякими тяжелыми недугами. Я крепок духом назло врагам. Пожалуйста, простите, что я пригласил вас в столь неудобный час.

— Ваше Высокопреосвященство, — ответил Лохелиус, — я рад видеть вас в любое время дня и ночи.

— Давайте для начала помолимся, — сказал кардинал и обратился к отцу Жозефу, — преподобный, прочтите нам утреннюю молитву.

Отец Жозеф вышел из тени, шепотом неразборчиво прочитал молитву и, закончив, опять ушел в тень.

Тогда Ришелье обратился к Лохелиусу:

— Мой дорогой кардинал. Сегодня на капитуле вы сделали мудрый выбор. Здесь у меня пожертвование для вас в 60 тысяч дукатов золотом от вновь избранного гроссмейстера Валентинуа. Не откажите принять, пожалуйста...

Удивленный Лохелиус ответил:

— Ваше Высокопреосвященство, я безмерно благодарен вам! После посвящения в магистры я чувствую себя вознесшимся на седьмое небо. Это полностью ваша заслуга, и она бесценна. Поэтому я молю вас принять все это состояние от меня как пожертвование на ваши великие дела, на благо спасения душ всех истинных католиков.

Кардинал с интересом взглянул на Лохелиуса и спросил:

— Вы хотите пожертвовать всю сумму или только часть?

Лохелиус ответил:

— Хочу пожертвовать все.

Кардинал сказал:

— Конечно, я признателен, но позвольте спросить: почему прямо все? Вы можете ограничиться лишь половиной этой суммы, и я остался бы столь же благодарным.

Взвесив ответ, Лохелиус ответил:

— Мое пребывание здесь — полностью ваша заслуга, следовательно, мой голос также принадлежит вам. Как же я мог присвоить хоть дукат из того, что мне не причитается?

Ришелье улыбнулся:

— Мне нравится ход ваших мыслей, но я приму лишь половину содержимого этого сундучка, ибо такова воля Бога — мы должны давать дань справедливости. Отец Жозеф, займитесь расчетами и отправьте в покои кардинала Лохелиуса половину содержимого этого сундука. Но перед тем прошу вас раздать нищим десятую часть.

Отец Жозеф молча кивнул и убрал сундук к себе в тень.

— Дорогой кардинал Лохелиус, — сказал Ришелье, — позвольте теперь поговорить с вами как с магистром. Я не мог сделать этого вчера, до вашего посвящения.

Тут Лохелиус понял, что начинается очень серьезная беседа.

— Я весь во внимании, — ответил он.

— Если я не ошибаюсь, — сказал Ришелье, — вы честью и словом служите его святейшеству, императору Священной Римской империи, мудрейшему правителю Фердинанду.

— Совершенно верно, — ответил Лохелиус.

— Я также осведомлен о том, что некоторое время назад Его Императорское Величество начал священную войну ради освобождения империи от всех еретиков и первым делом освободил Богемию и Моравию. Я с ним согласен, когда он говорит, что лучше бы правил пустыней, чем страной, полной еретиков.

— Ваша осведомленность достойна только восхищения, — ответил Лохелиус.

Кардинал Ришелье оставил похвалу без внимания и сказал:

— Его Величеству помогает в этом богоугодном предприятии правитель Испании. С его помощью император провел первое успешное наступление, изгнал еретиков и, к своему ужасу, обнаружил, что с началом военных действий казна чудесным образом опустела. Ведь война — очень дорогое удовольствие, даже для всемогущих монархов.

— Вы вновь правы. Ваше послание с приглашением на капитул застало меня в тот самый миг, когда я направлялся к Его Величеству, чтобы обсудить с ним содержание армии и поиск средств на продолжение войны.

— И как вы думаете содержать многотысячную армию?

— У меня нет решения этой сложной задачи. Испанский король далее не будет оказывать нужную поддержку, других союзников не видно, и вполне возможно, что столь удачно начавшаяся кампания заглохнет. Мы не сможем даже удерживать земли, которые завоевали, и тогда еретики вернуться. Так провалится наше благое начинание, — ответил Лохелиус.

Кардинал Ришелье кивнул.

— Позвольте задать вопрос иного характера. Правильно ли я понимаю, что ваш основной враг — это протестантские князья и священнослужители отколовшихся сект — кальвинисты, лютеране, моравские братья и им подобные?

— Да, это именно так.

Ришелье подумал и спросил:

— Если бы вы были на месте Его Величества, где бы вы сами достали необходимое золото для обеспечения армии для ведения войны?

Лохелиус ответил:

— К своему ужасу, я должен отметить, что не имею понятия.

Ришелье рассмеялся:

— Я бы ответил ровно так же. И не только мы с вами, но и любой монарх не в состоянии тратить миллионы на войну. Однако безысходности не бывает. Давайте подумаем вместе. Представьте, что было бы, если бы Его Высочество, император Фердинанд, позволил солдатам самим добывать себе пропитание на тех землях, которые они сами же и завоюют?

Неожиданные мысли в голове Лохелиуса завертелись, как ураган.

Поначалу он возмутился: «Как такое вообще возможно?»

Однако другая часть мозга восклицала: «Это же гениальная мысль! Кто из монархов финансирует пиратов? Они добывают пропитание войной!»

— Получается... — сказал Лохелиус после очень долгой паузы, — получается, что война кормит войну...

Ришелье восхитился:

— Как метко сказано! Война кормит войну! Даже самый лучший из поэтов не смог бы выразиться более лаконично и точно.

— Благодарю, — ответил Лохелиус и продолжал размышление. — Если император позволит солдатам кормиться тем имуществом, которое они сами же награбят у еретиков, то обеспечивать армию больше не надо.

— Какую мудрость вы высказали! — восхитился Ришелье.

— Позвольте, Ваше Высокопреосвященство, — ответил Лохелиус, — мысль всецело исходила от вас. Я лишь ее озвучил.

— Не могу согласиться, — сказал Ришелье. — Вы сами автор озвученных вами с несравненной остротой мыслей. Теперь я не сомневаюсь, что вы пойдете дальше в своих рассуждениях и придете к мысли, что для осуществления столь великой миссии необходим маршал, который поймет, примет и воплотит этот принцип.

Подумав еще несколько секунд, Лохелиус сказал:

— Совершенно верно. Нужно первым делом подыскать маршала.

Ришелье ответил:

— Я бы помог вам найти кандидата на пост маршала Его Императорского Величества, Фердинанда Второго, если бы вы попросили.

Лохелиус сказал:

— Прошу вас, Ваше Высокопреосвященство. Подскажите кандидата.

— Это должен быть человек с обостренной амбицией в собственном возвеличивании, вместе с тем с достойным чувством зависти, имеющий сильное стремление обогатиться и достаточно гнева в себе, чтобы вести войска на врага. И вдобавок ко всему этому он должен иметь достаточно денег, чтобы вложиться в сколачивание многотысячной армии.

Лохелиус внимательно смотрел на Ришелье:

— Есть ли именно такой человек из чехов?

Ришелье кивнул:

— Его имя Альбрехт Венцель Эусебиус фон Валленштейн. Он граф, принадлежит к древней чешской дворянской фамилии. Получил два наследства, от дяди и от богатой пожилой жены. Он служил в имперских войсках в капитанском чине, показал редкую храбрость, и император назначил его командиром земской милиции в Моравии. Он имеет опыт руководства наемными

солдатами, выказывает им щедрость, и солдаты считают честью служить у него.

Лохелиус знал графа Валленштейна. Ему было известно и то, что император высоко ценил его заслуги.

— Из него получится прекрасный маршал! — воскликнул Лохелиус и добавил: — Теперь остается подсказать графу Валленштейну мысль о том, что война может кормить войну, заручиться его согласием, а затем представить его императору и тем самым разрешить вопрос обеспечения армии.

Ришелье сказал:

— Чудесная мысль! Вы наметили мудрый план.

Лохелиус продолжал мыслить вслух:

— На рассвете я отправлюсь прямо к графу Валленштейну. Я его уговорю, и мы с ним вместе предстанем перед императором с надеждой, что к Валленштейну будут благосклонны не только Его Величество, но и звезды тоже...

Кардинал дотянулся до комода, извлек оттуда бумагу и протянул Лохелиусу.

Лохелиус посмотрел на непонятные символы и спросил:

— Что это?

Ришелье ответил:

— Это карта судьбы Валленштейна, составленная самим Иоганном Кеплером. Согласно этой карте, граф родился при звездном рандеву, когда Сатурн и Юпитер встретились на небосводе. Сейчас ему благоприятствует Марс, и это означает, что в ближайшие годы у него сплошные победы на полях битвы. Ему присущи такие качества, как алчность, лживость, властолюбие, переменчивость настроения, драчливость, нелюдимость, жестокость. Его никто не будет любить, и он тоже никого не полюбит. Это лучший кандидат на пост маршала пиратской армии.

— Это невообразимо! — восхищался Лохелиус.

— Я бы еще подсказал графу Валленштейну идею о том, что чем больше армия, тем легче ее содержать. Большая армия завоеует больше земель, которые будут их кормить.

Лохелиус не мог находить места от возбуждения:

— Ваше Высокопреосвященство, вы подсказали восхитительный план! Удивляет ваша осведомленность!

— Если я что-то сделал, то только из чувства долга перед вами как магистром великого ордена друзей Священного копья! Магистры всегда помогают друг другу. Что касается осведомленности, то в этом заслуга отца Жозефа, который умело находит осведомителей. Поговорим теперь о вашем основном враге в Богемии.

— Секта моравских братьев, — сказал Лохелиус.

— Да, — ответил Ришелье, — хочу быть честным: их епископы мне нравятся.

Не понимая, к чему клонит Ришелье, Лохелиус ответил осторожно:

— Они играют под дудку сатаны! Они не повинуются священному собору, рукополагают священников против канонических правил, наконец, проповедуют на народном языке, игнорируя латынь. И это лишь несколько примеров из многочисленных преступлений. Однако я уверен, Вашему Высокопреосвященству это известно и без меня.

Ришелье кивнул:

— Я уверен, что настоящие епископы должны отличаться смирением, милосердием, ученостью, набожностью, стойкостью, горячей преданностью церкви и неукротимым стремлением к спасению душ своей паствы. Мне также известно, что епископы Братского единства живут именно по этим правилам, что соответствует канонам жизни апостолов. Будем честными: этих правил не придерживается почти ни один из католических священнослужителей. Получается, что вместо войны против них следовало бы учиться у них смирению.

Лохелиус совсем растерялся:

— Что вы имеете в виду?

— Их благочестие привлекает к ним толпы последователей. Этого нельзя допускать!

— Как же быть?

— Подумаем, как устроить так, чтобы члены Братского единства не успели укрыться от армии Валленштейна в Польше. Кажется, они сейчас ищут убежище, чтобы не подчиняться своему императору.

— Верно...

— Валленштейн не может готовить армию тайно. Они узнают и сбегут. А их надо непременно уничтожить! Поэтому, если они будут беззаботно выжидать в Брандисе, Валленштейн сможет заставить их врасплох и уничтожить всех до последнего. Надо каким-то образом удержать их в Брандисе.

— Это верно! Но как этого добиться? — спросил Лохелиус.

— У меня для вас еще один подарок, — ответил Ришелье и добавил: — Отец Жозеф недавно завербовал одного дубильщика из Спротау в Силезии. Его зовут Кристофер Коттер. Оказалось, что ему очень доверяет председатель Братского единства, архиепископ Кирилл. Он считает предсказания дубильщика неоспоримыми. Так вот, отец Жозеф уговорил указанного дубильщика распространить ложное предсказание о возвращении короны Богемии изгнанному королю Фридриху Пфальцскому. Если архиепископ Кирилл поверит, то братья перестанут строить планы по переселению в Польшу, и армия застанет их врасплох. Так мы их перехитрим.

Лохелиус восхищался острым умом, тонкой прозорливостью, коварством и осведомленностью Ришелье. Он сказал:

— Для переговоров с графом Лешницким они отправили одного из своих пасторов в Польшу.

— Кого отправили? — спросил Ришелье.

— Яна Амоса Коменского. Это учитель.

— Расскажите о нем.

— Он вынашивает замыслы по преобразованию школы. Утверждает, что хочет поправить все дела человеческие через образование, а для этого желает повсеместно создавать школы радости. Он хочет приблизить тем самым тысячелетнее правление Христа.

Ришелье сказал:

— Видимо, пастор Комениус очень интересный человек. Вы думаете, он способен создать такую систему образования?

Лохелиус отвечает:

— Скорее всего, да. Он заложил основу в своих книгах, которые я хотел сжечь, но они чудесным образом были спасены.

— Что в них?

— В них основа того, как сделать образование массовым.

Ришелье спросил:

— Какие же ценности он хочет вкладывать в будущие поколения?

— Христианскую любовь.

— Было бы интересно побеседовать с этим человеком. И вообще, нам надо бы учиться у моравских братьев... Однако политика требует их истребления. А мы с вами, дорогой магистр, политики на службе у наших монархов. Так что нам вряд ли доведется встретиться с господином Комениусом, разве что он чудом уцелеет в ужасной и внезапной бойне, которую Валленштейн устроит братьям.

Лохелиус сказал:

— Вашими советами это уже неминуемо.

Ришелье ответил:

— Кстати, еще один совет. При встрече с Его Императорским Величеством подскажите ему мысль, которая, возможно, станет его лозунгом: один император, одна империя, одна вера.

Тут из тени вышел отец Жозеф, давая понять, что аудиенция закончена. Лохелиус понял и встал:

— Ваше Высокопреосвященство, меня восхищает ваша осведомленность в делах. Если позволите, хотел бы спросить вас напоследок. Что вам известно обо мне?

Ришелье ответил:

— Не будь вы магистром, я бы промолчал, но вам скажу, что знаю о глазах вашей матери, которая смотрела на вас, когда ее несправедливо наказывали на костре. Тогда вы поклялись, что

отомстите как вашему отчиму, так и вашему настоящему отцу, архиепископу, и для этого приказали себе достичь большего могущества, чем у архиепископа...

— Да, — ответил Лохелиус, переполняемый тревожными чувствами от воспоминаний, — все так и было. Я поражен...

— Однако признаем, что все это дела житейские, — сказал Ришелье, — мы, кардиналы, стоим выше этого. Вы достигли очень многого, и я не сомневаюсь, что в вас огромная духовная сила, которая сделает вас очень могущественным архиепископом. Да пребудет с вами Бог!

Лохелиус низко поклонился и удалился.

Ришелье долго молчал, думал и, наконец, сказал отцу Жозефу:

— Мне все равно, какую веру исповедуют моравские братья. Я не имею против них ничего. Но их истребление сейчас внесет окончательный раскол в Священную Римскую империю. В пламени войны империя разорит себя, что укрепит могущество нашей родины, Франции.

— Вы действуете очень мудро, как всегда, — ответил отец Жозеф.

14. Его Величество, король на зиму

Весь следующий день Ян, Златоуст и мальчики провели в пути, проезжая по красивым полям. Туман полностью рассеялся, и к ночи Кошичек доставил их к постоялому двору Дворжека.

Заметив карету, хозяин выбежал их встречать:

— Слава Богу, доехали! Где вы были? Я переживал за вас. Пойдемте, для вас готов ужин... Уже второй день вас разыскивает пастор нашего городка Абрахам Мензель. У него особое послание от преподобного Кирилла. Сейчас пошлю мальчика за ним.

Абрахам Мензель прибежал сразу после ужина и, суетясь, принялся обнимать всех.

— Как же я вас заждался... — восклицал он.

Отправив близнецов с Кошичком спать, они расположились у стола, и Мензель сказал:

— Я получил послание от архиепископа Кирилла. В нем такая радостная весть! Сначала я его вам зачитаю, потом мы все обсудим.

Пастор достал из сумки письмо и принялся читать вслух:

— Возлюбленный брат мой Абрахам. Спешу сообщить тебе, что до нас только что дошла радостная новость из Спротау, где живет дубильных дел мастер по имени Кристофер Коттер. Ты о нем слышан от меня, и без меня тебе известно о нем многое. Ты знаешь, что Бог открыл в нем способность лицезреть ангелов в своих видениях, которые время от времени сообщают ему некоторые сведения о предстоящих событиях. Какое-то время назад Бог опять послал ему ангелов. Он детально записал свои видения, и это откровение взбудоражило всех наших старейшин, братьев и их семьи. Ниже я привожу полный текст видения Коттера. Из него мы убедительно видим, что корона Богемии будет вскоре возвращена Фридриху Пфальцскому. Это случится к осени, а войну можно считать завершенной уже сейчас. Мы верим, что в скором времени мы получим благосклонного монарха, который несправедливо свергнут, а также полную свободу вероисповедания. Под его опекой мы вернемся на свою землю и начнем восстанавливать как Фульнек, так и все другие города, разрушенные войной.

Златоуст перекрестился:

— Слава Тебе, Господи! Какая радостная весть!

Ян сказал:

— Не может быть, чтобы старейшины опирались лишь на одно предсказание Кристофера Коттера.

Мензель ответил:

— Нет, конечно! Слушайте дальше. Я прочитаю, что пишет архиепископ Кирилл...

«Спешу также сообщить, дорогой возлюбленный брат мой Абрахам, что, несмотря на полное доверие к видениям Кристофера Коттера, мы понимаем, что необходимо перепроверить истинное состояние дел. Ради этого мы разослали лазутчиков в Фуль-

нек и Прагу, а его святейшество, граф Жиротинский, сам съездил к друзьям князьям, чтобы разведать обстановку. На основе этих сообщений мы утвердились в вере о том, что дубильщик Коттер прав. Мы установили, что казна императора пуста и денег на продолжение войны нет. Вместе с тем мы узнали, что протестантские князья готовятся помочь Его Величеству Фридриху Пфальцскому и выступить против императора, который привел страну к разорению. Император будет свергнут».

— Интересно, кто готов повести войска на императора? — спросил Златоуст.

Мензель сказал:

— Так, слушайте же дальше...

«Мы узнали, что Его Величеству королю Фридриху помогают Его Высочество Иоганн Георг, курфюрст Саксонский, который уже собрал войско в 20 тысяч солдат, а также Бернгард, герцог Саксен-Веймарский, который возглавляет шведскую армию, а с ними вступает в альянс Максимилиан, герцог Баварский. У этих правителей силы более чем достаточно для нанесения сокрушительного удара императору».

Абрахам Мензель остановился и сказал:

— Вот теперь в письме речь пойдет о вас. Слушайте...

«Возлюбленный брат мой, я прошу тебя разыскать наших посланников, Яна Любящего и Златоуста, которым Его Высочество граф Карел Жиротинский пожаловал экипаж с кучером. Они направляются к графу Лешницкому в Польшу и должны остановиться на постоялом дворе у Дворжека, недалеко от твоего прихода. Их также сопровождает юноша Ясем, сын нашего героя Подебрада. Возможно, что с ними еще два мальчика, потерянные близнецы-сироты. Так вот, прочитай это послание вместе с ними, и они сами поймут, что нет далее смысла продолжать путь дальше в Польшу. Передай Яну, что я прошу их немедленно вернуться сюда, в Брандис, над Орлицей. Они нам очень нужны, чтобы помочь вернуться обратно Фульнек. Того же мнения все старейшины. Обнимаю тебя, брат, и да хранит тебя Бог!»

Златоуст не смог усидеть от возбуждения, вскочил и воскликнул:

— Какая весть! Благодарим Бога! Значит, Его Высочество Фридрих Пфальцский вернет корону Богемии и он, как протестант, разрешит спокойно жить в нашей стране и нам!

Ясем радовался со всеми.

Ян сказал:

— Давайте сейчас прочитаем текст пророчества Кристофера Коттера, о котором упоминается в письме.

Абрахам Мензель ответил:

— Сейчас, вот этот текст. Заголовок: «Фридрих из Рейнского Пфальца есть Богом венчанный король». Далее идет текст:

«Я, Кристофер Коттер, сообщаю о том, что Бог снизошел до меня еще раз и ниспосылал мне ангелов, делая внезапно видимым для меня то, что обычно невидимо для людей. Я сидел под деревом, в тени листвы, и Бог проявил передо мной трех ангелов, которые предстали как отроки, без крыльев, облаченные в длинные белые одеяния. Они сидели за столом, и один из них пригласил меня сесть рядом. Не смея возражать, я присоединился к ним и тогда увидел, что стол не пустой, а по нему бегают четыре коронованных льва...»

— Что он имеет в виду? — спросил, недоумевая, Златоуст. Мензель объяснил:

— Четыре льва — это четыре страны, в которых правит Его Величество курфюрст Пфальца, свергнутый король Богемии. Вот, смотрите, Пфальц — первый лев; Великобритания — второй лев, ибо жена его величества, королева Пфальца, принцесса и дочь короля Англии; Богемия — третий лев, ибо он коронованный король; и четвертый лев — Нидерланды, ибо он сейчас находится там в изгнании. Слушайте дальше...

«Львы каким-то чудесным образом, по мановению руки одного из ангелов, объединяются и превращаются в одного льва с четырьмя головами, и тогда второй ангел повел рукой вокруг четырехглавого льва, и тут же над ним засиял нимб, а вся его фигура

начала излучать царственное достоинство. Третий ангел повел рукой, и из столешницы выросли три розы, а на подставке стола появилось изображение креста. И тогда я понял, что это Ангелы-Хранители защищают Фридриха из Рейнского Пфальца, короля Богемии, венчанного Богом, царем царей, который подвергся опасности в 1620 году. И теперь он уж точно воспрянет до осени во всем ранее бывшем у него и много большем изобилии и блеске славы».

Некоторое время вокруг стола была тишина. Ян даже не знал, что и думать. Наконец, Абрахам сказал:

— Это будет величайшее событие нашей эпохи и большой шаг к приближению тысячелетнего правления Христа!

— Все ясно, — решил Ян, — старейшины призывают нас вернуться. Значит, переночуем и пустимся в обратный путь на родину. Будем надеяться, что Коттер лицезрел истинных ангелов.

* * *

В спальне было тихо. Златоуст дремал, но Ян не мог уснуть, сидел у мерцающей лампы. Его мучили неприятные мысли о львах из видения Коттера. Ясем долго вертелся в постели, наконец, он тоже встал и молча сел рядом с Яном у лампы.

Неожиданная мысль сверкнула в сознании Яна, и он сказал мальчику тихо:

— Ясем, друг мой, раз уж нас так забыл сон, давай поговорим, только шепотом, чтобы не потревожить Златоуста.

— Хорошо, — прошептал Ясем.

— Хочу посоветоваться с тобой. С одной стороны, меня переполняет радость только от представления того, что Бог возвращает нас на родину, но с другой — меня терзают сомнения по поводу предсказания Коттера. Уверен, архиепископ Кирилл все перепроверил, но... Тем не менее... Ясем, я хочу попросить тебя заглянуть в будущее и посмотреть, правда ли война завершается так быстро и так благополучно для нас.

Ясем ответил:

— Я бы с радостью, учитель. Но вы же знаете, что прозрения у меня бывают произвольно, лишь перед пробуждением.

— Будем надеяться, что Бог поможет, — сказал Ян, — для этого отойдем ко сну с искренней молитвой.

— Научите, как произносить искреннюю молитву?

— Закрыв глаза, повторяй в своем сердце простую молитву: «Господи, Иисусе Христе, помилуй меня грешного». Да не устанешь ты произносить ее раз за разом, пока она не коснется тончайших струн твоей души, и тогда заиграет божественная музыка твоего сердца, которая увлечет тебя в беспредельный мир архангелов. Они и окажут тебе помощь.

— Я так и сделаю...

* * *

На рассвете Лохелиус прибыл в город Гричин и сразу направился во дворец графа Валленштейна. Строгий командир охраны дворца внимательно осмотрел измазанную дорожной грязью карету кардинала и велел проводить его во дворец.

Лохелиуса провели в строгий и угрюмый дворцовый зал, где его оставили в одиночестве на целый час. После этого появился лакей, который осведомился о цели визита к графу.

— Дело государственной важности, — ответил Лохелиус.

Лакей удалился, и Лохелиус прождал еще два часа.

Наконец, к нему вышел граф Валленштейн, который выглядел угрюмей своего дворца. Его облик отталкивал. Особенно бросался в глаза неприятный резкий красный цвет густых перьев на его шляпе и сумрачный пояс. Кардинал хотел приветствовать, но граф резко прервал его:

— Ваше Преосвященство, ваш неожиданный визит оторвал меня от важных дел, так что я могу уделить вам лишь минуту. Говорите кратко, четко и по сути.

Ошарашенный кардинал никак не ожидал такого приема. Поначалу у него возникло желание задушить графа прямо на месте, и он замешкался. Тогда граф сказал ему раздраженно:

— Часы тикают, Ваше Преосвященство, мы не на исповеди. Если у вас есть что сказать, говорите, иначе я вынужден удалиться.

Тут Лохелиус вернул себе уверенность и ответил весьма резко:

— Хочу предложить Вашему Высочеству сделку на много миллионов. Она касается ведения военных действий по совершенно новому принципу. Я гарантирую вам поддержку императора, а также ордена друзей Священного копья... Однако минута пробежала быстро... Мне уже удалиться?

Граф строго пробурил кардинала взглядом и ответил:

— Нет. Донесите до меня суть. Я даю вам еще минуту.

Кардинал сказал:

— Военное дело может быть очень и очень прибыльным для вас, если вы создадите свою собственную армию, а я обеспечу вам поддержку императора и добьюсь, что он даст вам право распоряжаться имуществом и землей в захваченных протестантских провинциях и графствах. Это позволит вам многократно умножить свое состояние, увеличить армию и завоевать новые королевства. Чем больше армия, тем легче ее содержать. Получится, что война будет кормить войну. Прошла и вторая минута...

Граф раздраженно махнул рукой:

— Бросьте считать минуты. Какая связь у вас с орденом друзей Священного копья?

— Я магистр указанного ордена, — ответил Лохелиус с некоторой гордостью.

Это произвело на графа сильное впечатление.

Он сказал:

— Я люблю войну и отложу мирские дела ради возможности воевать, если, конечно, буду уверен в безоговорочной поддержке со стороны императора. Садитесь и рассказывайте дальше...

Кардинал ответил:

— Если вы согласны обеспечить золотом создание своей собственной армии и пожелаете направить ее, по приказу императора, на сокрушение протестантов, тогда я, повторюсь, обещаю эдикт императора, дающий вам право распоряжаться по своему

усмотрению всем имуществом на завоеванных землях. Это все. Теперь нужен ваш ответ.

У графа возникло желание задушить этого наглого кардинала прямо на месте, но кроме вспыльчивого характера он обладал острой хваткой дельца, поэтому он сказал, проявляя внешнее спокойствие:

— Для ответа мне недостаточно ваших слов. Нужна аудиенция у императора. Когда вы ее обеспечите?

— Немедленно. Если Ваше Высочество соизволит поехать в Прагу вместе со мной прямо сейчас.

— Я отложу другие дела. Поедем в моей карете и обговорим все условия по дороге, — ответил Валленштейн и крикнул слуге: — Подавай экипаж, дурак!

Лохелиус подумал: «Этот человек именно тот, кто будет хладнокровно истреблять города и селения. Браво, Ришелье!»

* * *

Ясем грезит.

Он плывет в облаках времени, а изменчивый ветер уносит его куда захочет. Ясем делает усилие, хочет сам выбрать направление или скорость полета, но как облаку подчинить себе ветер? Поняв это, Ясем расслабляется, вспоминает внутреннюю молитву, чувствует, что превращается в дождь, и каплей выпадает в реку времени.

Вот он опять плывет вдоль неизведанных берегов, и перед ним встает огромное поле, освещенное тысячами светильников неопишуемой мощи. Свет прыгает, скачет по лицам людей. Их очень много — тысячи, сотни тысяч... Люди кричат, прыгают и неистовствуют. Посредине поля — возвышение. На нем несколько бесов прыгают и орут под ритмы барабана. На них шляпы и изображения цветных черепов на рубашках. Словно наместники сатаны, они творят адскую музыку, и им подпевают все. Народ разодет в рваную цветную одежду. Здесь так шумно, что Ясем не выдерживает тяжелые вибрации этого бесовского шабаша, но

держится, чтобы постичь суть того, о чем тут поют. Музыка вдруг замолкает. На возвышении появляются полуголые девицы и начинают воспевать свою...

Ясем сначала не верит своим чувствам, но затем понимает — они воспевают свой зад... Возмущение выбрасывает Ясема обратно в реку времени, где ему опять вспоминается молитва сердца, и его притягивает родственная душа. Этому влечению не воспротивиться, и вот он находит себя внутри длинной трубы, похожей на дуло пушки с крыльями и... о чудо! — она летит.

Среди других летевших в этой трубе Ясем чувствует профессора Давида Вихонекковского. Вместе с ним летят те двое, мужчина и женщина, которых Ясем видел с профессором у камина. Профессор говорит им:

— В 1621 году в городок, где жил Ян Любящий, пришла великая беда... Началась война, которая продолжалась тридцать лет и опустошила всю Европу...

Ясем в ужасе...

Война будет длиться тридцать лет!

Эта кошмарная мысль опять выбрасывает его в реку времени, и теперь он видит знакомые берега — возвышенность над Брандисом. Наступает огромная армия, готовая уничтожить беззащитный город, спокойно спящий в неведении о коварных замыслах правителей, кардиналов и холодных дельцов.

Ясем возмущается: как же такое возможно? Монархи и священнослужители, призванные заботиться о спасении душ своих подданных, губят и разоряют их вместо заботы...

Ясем видит строгого и наглого маршала во главе войска, и рядом с ним Лохелиус.

Какое безумство?!

Ясем понимает, что город надо спасать!

Но где же обещанный пророчеством спаситель?

Перед Ясемом молнией мелькает видение. Двое пьяных вельмож у накрытого стола. Толстый хватает полупустой бокал и выливает на голову спящему на столе карлику:

— Дурак! Ты опять забыл подать мне полный бокал!
Вскочив от неожиданного пробуждения, карлик плачет:

— Ваше Высочество!.. Простите, но вы уже седьмой час ку-
тите, а я устал...

Вельможа швыряет в голову карлика жареную куриную ножку
и приказывает:

— Неси пиво, пока я тебя не прикончил...

Ясем понимает, что спасителя нет, и это приводит его в ужас.
Возмущение выбрасывает его из грез.

Он подскочил на постели и увидел перед собой Яна со Злато-
устом.

— Что ты видел? — спросили они в один голос.

* * *

Ясем торопит:

— Учитель, скорее, надо спасти народ! Предсказания Кот-
тера ложные. Армия нападет на спящий Брандис внезапно, а вой-
на будет длиться тридцать лет.

Златоуст перекрестился.

Ян подумал вслух:

— Неужели архиепископа Кирилла так коварно ввели в за-
блуждение? Кто это мог подстроить?

Ясем торопит:

— Я не знаю. Но надо что-то делать! Едем, предупредим народ!

Златоуст предложил:

— Немедленно возвращаемся в Брандис, как нам и предпи-
сал архиепископ. Соберем совет старейшин и расскажем им
о грезах Ясема.

Ян засомневался:

— А что если нам не поверят? Против пророчества Коттера у
нас всего лишь грезы Ясема.

Златоуст ответил:

— Все помнят, что Ясем уже несколько раз в точности опи-
сывал предстоящие события. Он видит это и сейчас...

Ясем сказал:

— Учитель, нельзя ли нам поехать к Его Величеству Фридриху Пфальцскому и спросить, действительно ли он собирает армию против императора? Если мы его увидим, то сразу все станет ясно.

— Что ты, сынок? — воскликнул Златоуст. — Его Величество в Гааге. Туда ехать неделю...

— Постой, Златоуст, — сказал Ян, — давай прислушаемся к Ясему. Что если мы разделимся? Ты развернись в Брандис и возьми с собой близнецов. Дворжек найдет для вас бричку. А Кошичек отвезет меня с Ясемом в Гаагу. Мы поспешим, получим аудиенцию у Его Величества, увидим его и поймем, настроен ли он бороться против императора. После этого никаких сомнений не останется.

Златоуст ответил:

— Ян, ты мудрый человек. Я готов следовать твоим указаниям.

Ян ответил:

— Решено! Не будем терять ни минуты! Выезжаем прямо сейчас! Ясем, иди буди Кошичека, пусть готовит карету.

Ясем убежал, а Златоуст сказал:

— Ян, ты принял мужественное решение. Путь в Гаагу опасен. Давай помолимся...

* * *

Уже через полчаса они тронулись в путь, оставив спящих в сене близнецов на попечение Златоуста.

В дороге Ян спросил мальчика:

— Расскажи мне подробнее о своих грезах.

Ясем ответил:

— Сначала я видел огромный шабаш будущего. Он был настолько многолюдным, что в толпе можно было видеть несколько десятков тысяч бесов. Черти неистовствовали. Дергались в адском танце. А на возвышении пел наместник сатаны. Там возгорался

адский огонь, бросая струи пламени высоко в небеса, и это было очень страшно.

Ян спросил:

— Какое падение нравов!.. О чем они пели?

— Я не понимал слова, но ухватил суть. Они пели о похоти. Они ее восхваляли и желали друг другу утонуть в похотливом удовольствии.

Ян сказал удрученно:

— Люди погубят себя окончательно. Чтобы этого избежать, каждый, кому было суждено родиться, должен быть развит до полноты человечности, чтобы в конце концов весь род человеческий пришел к культуре независимо от возраста, сословия, пола и народности.

Ясем сказал:

— Культуры им точно не хватало. Они все были одеты в рваную бесовскую одежду с изображением черепов на рубашках, как у мальчиков, так и у взрослых.

Ян ответил:

— Рано или поздно Бог если не вернет нас на родину, то даст нам пристанище, и тогда я приложу все усилия, чтобы воспитывать детей так, чтобы они достигли полноты культуры во всех направлениях, способствующих совершенству человеческой природы. Хочу, чтобы каждый находил истину и видел ложь, любил добро и не позволял склонять себя ко злу, поступал благоразумно и никогда не отклонялся от цели своего счастья.

Ян помолчал и добавил:

— Ясем, я обещаю, что буду прикладывать все силы, работать над методами воспитания и образования, чтобы привести к всесторонней культуре всех — все народы, сословия, семьи, каждого человека — и во всем, что может сделать человека мудрым и счастливым. Я мечтаю о том, что однажды ты вернешься из своих грез и расскажешь, что там, в далеком будущем, царствует всесторонняя культура, где люди наполнены знаниями о будущей жизни, воодушевляются мечтой о ней и идут к ней прямым путем.

Хочу услышать рассказ о людях, которые научились решать дела земной жизни, идут путем единодушия и стремятся, чтобы слова и поступки пребывали в согласии. И все это должно твориться во имя всеобщего просвещения истиной, чтобы каждый противостоял блуду, азарту и ходил бы путями праведности.

Некоторое время они ехали молча. Ян думал, думал и, наконец, высказал мысли вслух:

— Раз уж мы рождаемся, то надо сделать так, чтобы никто не жалел о своем появлении на свет. Это станет возможным, если каждый человек будет жить не как бессловесная тварь, которая бездумно подпекает слугам сатаны, а лишь по велению разума. Светом наделены все, но надо обучаться, как пользоваться им. Ведь единственная причина стольких падений — слепота ума, из-за которой люди не знают ни своего предназначения, ни назначения вещей, ни средств для достижения целей, поэтому абсолютно необходимо правильно наставить во всем этом всех людей. Самое действенное средство от неумеренности человеческого рода — это когда все люди будут думать, а потом и понимать, зачем они живут и для чего существует в их мире каждая вещь.

На следующий день Ян спросил:

— Расскажи мне про полет в твоих грезах. Как там, в будущем, люди летают?

— Они летают на пушках. Представьте дуло пушки огромных размеров с крыльями. Внутри расставлены кресла в ряд, и там сидят люди. Дуло же имеет округлые окна и быстро летит над облаками. Там в кресле сидел профессор Давид Вихонекковский.

— Тот самый? — спросил Ян.

— Да, тот. Вместе с ним летели писатель и его жена, которых я видел ранее в комнате с камином. Профессор рассказывал писателю о нашей войне.

— Что же он говорил?

— Война будет длиться тридцать лет.

Ян заметно погрузстнел. Ясем добавил:

— Писатель же пишет книгу о нас... Точнее, о вас...

Ян долго сидел молча, не зная даже, что сказать, и вдруг...

Они услышали завывание.

Кошечек резко потянул на себя вожжи, и лошади встали:

— Что это еще за испытание посылает нам Бог? — воскликнул кучер и спрыгнул на землю.

Ян и Ясем тоже вышли.

Завывание повторилось.

Кошечек воскликнул:

— Это уж точно нечисть забралась в сундук с продовольствием.

— Отойдите подальше! — приказал Ян, достал из кармана бутылочку со святой водой, смело открыл сундук и...

Оттуда показалась плачущая голова Эраста.

Ян не смог сдержать смех.

Кошечек воскликнул:

— Опять вы?! Где Бенедикт?

Эраст ответил сквозь слезы:

— Бенедикта здесь нет... Извините меня...

— Как ты тут оказался? — спросил Ян.

— В конюшне мне было очень холодно ночью, и я ушел спать в сундук... А Бенедикт остался в конюшне, на сене...

Ян успокоил мальчика. Достал его из сундука и отправил в кусты сходить по нужде.

* * *

Чем дальше, тем больше подгонял лошадей Кошечек. Благодаря этому они приехали в Гаагу на день раньше, чем предполагалось.

У городских ворот они стали очевидцами перепалки. На полянке перед воротами собралось человек 200 очень необычных христиан. Они отбивали барабанный ритм, танцевали, прикрикивали и, размахивая бичами с металлическими наконечниками, били себя по окровавленным спинам.

— Кто они? — спросил Ясем.

— Флагелланты, — ответил Кошечек, — я их знаю. Это братья креста. Они совершают паломничество продолжительностью тридцать три с половиной дня — по количеству лет земной жизни Христа — и верят, что так Он простит всем людям грехи.

— Их еще называют бичующимися, — добавил Ян.

У некоторых бичующихся кровь струйками стекала по телу. Они наносили себе удары под ритмичное пение гимнов.

Ян сказал задумчиво:

— Они считают, что пролитая ими кровь едина с кровью Христа или смешивается с ней.

Многие извивались в танце, показывали причудливые жесты руками и пели: «Бежим от Люцифера, он плохой товарищ...»

Вдруг открылись городские ворота, и оттуда выехал большой отряд солдат. Они быстро окружили истязавших себя людей, и командир закричал на них:

— Прекратите немедленно осквернять подступы Гааги! Вы — бичующиеся дьяволом — обвиняетесь в ереси, так как не признаёте священников и вместо покаяния служите сатане. Вы осуждены Богом и будете сейчас жестоко наказаны.

Бичующиеся не обращали внимания на командира, будто бы его вовсе не было, что весьма разозлило его, и он закричал еще более строго:

— Немедленно прекращайте, не то я прикажу истребить вас прямо на этом поле.

В это время один из офицеров подошел к карете и спросил Яна:

— Кто вы такие и что здесь делаете?

Ян ответил:

— Я — пастор Братского единства Моравии. Еду в Гаагу на аудиенцию Его Высочества, Фридриха Пфальцского, на карете Его Высочества графа Жиротинского.

Офицер бегло осмотрел карету и сказал:

— Уезжайте отсюда, пастор, сейчас здесь начнется суд Божий.

После этого офицер закричал на солдат у ворот:

— Пропустить пастора!

— Да хранит вас Бог! — сказал Ян, и они без задержки въехали город.

* * *

Ясем и Эраст с большим удивлением осматривали широкие улицы, просторные площади, рынки с диковинными товарами и уличных артистов, которые ловко проходили по канату.

— Какой великий город! — сказал Эраст.

Ясем спросил:

— Учитель, я никогда не бывал в таком городище! Сколько людей, сколько криков, сколько всего... Как вообще образовались города?

Ян ответил:

— Говорят, что первый город построил Каин.

— Который убил своего брата? — спросил Эраст.

— Да, именно тот, — ответил Ян и пояснил. — Город ему нужен был для того, чтобы сберечь награбленные сокровища. Получается, он не только первым совершил братоубийство, но еще и первым нарушил простоту жизни людей. Он установил границы между землями и изобрел весы и меру. После этого в городах начало процветать корыстолюбие. Каждый заботился о наживе, чтобы иметь обильный стол, дорогие дома и всякие другие богатства.

— Это стоит очень дорого, — сказал со знающим лицом Эраст, — и деньги нужно добывать.

— Верно, — ответил Ян, — на это нужны деньги и их добывают торговлей, ремеслами и лукавством. У каждого хитрые намерения против своего брата, чтобы как-нибудь у него урезать, а себе нагнать и больше бы обобрать. Вдобавок еще распространилась лихва.

Ясем спросил:

— Что такое лихва?

Urbs.

Город.

Ex multis *Domibus* fit *Pa-*
gus, 1 vel *Oppidum*, ver *Urbs*.
2, *Istud* et haec *muniuntur* et
junguntur Moenibus (muro),
3 *Vallo*, 4 *Aggeribus* 5 et *Vallis*.
6

Intra *muros* est *Pomoeri-*
um, 7 extra *Fossa*. 8 In *moe-*
nibus sunt *Propugnacula* 9
et *Turres*. 10 *Speculae* 11
exstant in *editioribus* locis.

In *Urbem* ingressus fit ex
Su burbio 12 per *Portam*, 13
super *Pontem*. 14 *Porta* habet
Cataractas, 15 *Pontem versa-*
tilem, 16 *Valvas*, 17 *Claustra*,
et *Rapagula*, ut et *Vectes*. 18

In *Suburbis* sunt *Horti* 19
et *Suburbana*, 20 ut et *Coeme-*
teria. 21

Из многих домов образуется
селение 1 или городок, или город 2. И
тот и другой укрепляются и окружаются
стенами 3, валом 4, насыпью 5 и
частоколом 6.

За стенами внутри находится
свободная от построек полоса
7; снаружи - ров 8. На стенах
находятся бастионы 9 и башни 10.
На более высоких местах находятся
наблюдательные вышки 11.

В город входят из пригорода 12
через ворота 13 по мосту 14. Ворота
снабжены подъемной решеткой 15 и
подъемным мостом 16. Они имеют
створки 17, запоры и сазовы, а также
шлагбаумы 18.

В пригородах находятся сады
(огороды) 19, пригородные дачи 20, а
также кладбища.

Ян объяснил:

— Это ссуда на определенный срок под имения или луга. Если они не будут выплачены в срок, владелец теряет свою дорогую вещь из-за небольшой ссуды. Таким образом, одни богатеют за счет других, и богатые пожирают бедных.

Ясем сказал:

— Наверно, города портят людей, живущих в прилегающих селах.

— Да, так оно и получается, — ответил Ян, — почти весь сельский люд облекается в тщеславие и алчность горожан, учится у них хитростям в торговле, привыкает к их убранству и пускается в их удовольствия.

Эраст сказал:

— Священник мог бы наставить их на истинный путь.

Ян ответил:

— В городах портится и священник. Прежде чем он кому-то покажет истинный путь, горожане отравят и совратят его своими угощениями, подливая ему пива и подкупая...

Тем временем Кошичек привез их к замку беглого короля Богемии.

* * *

Замок находился в плачевном состоянии. Вместо охраны на лужайке уныло паслась корова. Кошичек остался дежурить у кареты, а Ян с детьми направился к парадному входу, где тоскливо дремал солдат в рваной одежде.

Он очнулся, внимательно оглядел Яна с мальчиками и спросил сонно:

— Вы куда?

Ян ответил:

— Я пастор Братского единства Моравии. Хотим получить аудиенцию у Его Величества, изгнанного короля Богемии, Фридриха Пфальцского.

Солдат пожал плечами и молча указал на дверь.

Они вошли в большой, обветшалый зал. Было видно, что здесь давно никто не прибирался.

Широкая лестница вела наверх, налево открытая дверь вела в обеденный зал. Оттуда доносились громкие голоса. Ян, удивленный удручающей обстановкой, направился туда.

У накрытого стола сидели двое пьяных вельмож. Один из них, очень тучный, схватил полупустой бокал и вылил на голову спящему на столе карлику.

Ян смотрел на эту сцену с удивлением (он уже видел ее в своих грезах) и знал, что сейчас карлика отругают.

И действительно, тучный вельможа накричал на внезапно проснувшегося карлика:

— Дурак! Ты опять забыл подать мне полный бокал!

Вскочив от неожиданного пробуждения, карлик заплакал:

— Ваше Высочество!.. Простите, но вы обедали вчера весь день, затем ужинали всю ночь, а теперь завтракаете седьмой час, с раннего утра. Я не выдерживаю и засыпаю...

Вельможа швырнул в голову карлика жареную куриную ножку и приказал:

— Неси пиво, пока я тебя не прикончил...

Карлик убежал за пивом.

Второй вельможа был одноруким. Он сказал:

— Перестань, Георг, жалко беднягу...

Тут они заметили вошедшего Яна с мальчиками.

Однорукий воскликнул:

— Это что еще за видение такое?

Он встал, подошел к Яну и спросил:

— Господа, вы привидение или мы лицезреем реальность?

Ян ответил с поклоном:

— Ваше Высочество, мы не привидения.

— Кто же вы такие и как здесь очутились? — спросил однорукий.

Ян сказал:

— Я пастор Братского единства Моравии. Приехал в Гаагу на аудиенцию к Его Величеству Фридриху Пфальцскому из Брандиса над Орлицей, где мои собратья находятся в плачевном состоянии, изгнанные из родины.

Ян понял, что одорукий тоже пьян. Он покачивался, однако отвесил Яну ответный поклон и представился:

— Рыцарь Кристиан Брауншвейгский. Я потерял правую руку в бою под Белой горой, где мы так жестоко были разбиты нашей армией императора Фердинанда. У нас была великая и божественная цель, но... увы... вы потеряли родину, а я — руку... Позвольте вас представить Его Высочеству...

Развернувшись к пьяному толстяку, который смотрел на Яна затаманенным от пива взглядом, рыцарь сказал:

— Его Высочество Иоганн Георг, курфюрст Саксонский.

В это время карлик принес пиво. Его Высочество залпом выпил полбокала, вылив часть себе на живот, и сказал:

— Иди сюда, пастор, ты должен выпить с нами.

Рыцарь учтиво пригласил Яна сесть перед курфюрстом. Испуганный карлик немедленно сбегал за пивом для Яна.

— А кто эти молодые будущие войны? — спросил рыцарь.

Ян ответил:

— Это мои ученики. Ясем и Эраст.

— Присоединяйтесь к нашей скромной трапезе, — пригласил рыцарь.

Саксонский курфюрст сказал Яну:

— Выпей, пастор. Выпей, ибо наступила ночь языческого неведения и иудейской слепоты. Темные времена развеял Христос, Сын Божий, когда он явился в этот мир. Он осветил живущих во мраке смерти. Но что было после? Помнишь, пастор?

Ян немного растерялся, но сумел ответить:

— После были апостольские времена. Была чистая церковь.

— Правильно! — ответил курфюрст, ударив кулаком по столу так сильно, что бокалы задрожали. — Верно! В продолжение 320 лет после рождения Христа, до императора Константина,

12 императоров мучили христиан за правую веру. Было умерщвлено 35 епископов, а других духовных лиц и мирян такое множество, что нельзя и сосчитать. Но церковь хранила чистоту веры! Свет Христа не погас... Что же было после?

Ян ответил:

— После Константин принял христианство.

— Да! — крикнул курфюрст, опять ударив по столу. — Но Константин не возвысился до истинной веры, а наоборот. Церковники опустились ниже язычников. Они завладели богатством и теперь не веруют живой и деятельной верой. Устами они исповедуют Христа, но на деле ненавидят Его. Их связывает с Христом только водица, которой они мочат себя во имя Христа. Знаете, что мне напоминает эта привязанность?

— Нет, Ваше Высочество, — ответил Ян.

Курфюрст допил бокал пива, дал знак карлику налить ему еще и сказал:

— Эта напоминает привязанность людей к мертвецу.

Услышав это слово, Ясем и Эраст вздрогнули.

Курфюрст рассмеялся:

— Испугались, да? Сейчас буду пугать вас дальше... Представьте, несут мертвеца хоронить. Спешат дотащить его до церкви, поставить там, а потом опустить в землю, чтобы быстрее отдать честь кушаньям и напиткам...

Карлик принес полный бокал, курфюрст опять выпил и продолжил:

— Они очень искусно и набожно говорят на кафедре и кажутся себе и другим ангелами, сошедшими с неба, но в обыденной жизни невоздержанны, как и мы. Едят, пьют, болтают... Пустые трубы! А между тем все они имеют над собой епископов и архиепископов, но они хуже! Только и делают, что занимаются реестром церковных доходов. Это не духовные отцы, а доходные отцы...

Открылась дверь, и в зал вошел сам Фридрих Пфальцский.

Ян встал и преклонил колени перед ним, но его одолевали самые тяжелые переживания. Он помнил Фридриха величественным властителем Богемии. Будучи юным студентом, он выходил встречать короля и королеву на улицы Хайдельберга. Он любовался пышным зрелищем вступления Их Величеств, Фридриха и Елизаветы Стюарт. Там были триумфальные арки, воздвигнутые университетскими факультетами...

Теперь же перед ним стоял разбитый и обнищавший князь.

Он сказал:

— Встань, пастор. Я не достоин преклонения. Я был вашим королем всего лишь на одну зиму. Это был божественный зов, и я не смел не повиноваться. Моя единственная цель была и будет — служение Господу и церкви Его. Однако к весне я проиграл все. Богемия ожидала от меня спасения, я хотел дать вам свободу, реформировать все школы, церкви, суды. Мы вместе мечтали о всеобщей реформации мира. Мы вместе мечтали привести все сущее к раю. Видимо, время еще не настало. Темные силы помешали нам вернуться к адамической невинности. Встань с колен, пастор.

Ян ответил:

— Ваше Величество, мы горели страстью приблизить золотой век и тысячелетнее правление Христа под вашим водительством. Католическая церковь в вере руководствуется не одной только Библией. Она призывает к чувственным страстям людей больше, чем к духовной природе человека, и ищет мирскую славу и честь. Мы не согласны с папским утверждением первенства, Петр никогда не занимал епископский сан в Риме. Он там даже и не жил. Соответственно, папа не может быть преемником Петра, тогда как все священники являются преемниками апостолов, если они следуют апостольской вере и жизни. Папа также не есть священник Христа и наместник Бога на земле. В наших глазах он человек греха, последователь погибели и самый опасный соблазнитель в мире.

Король грустно спросил:

Regia majestas. Королевское величие.

Rex 1 in splendore regio sedet
in suo Solio, 2
magnifico Habitu, 3 redimitus Diademate, 4
tenens manu Sceptrum, 5 stipatus
frequentiâ Aulicorum.

Inter hos primarii sunt, Cancellarias 6
cum Consiliariis et Secretariis,
Praefectus Praetorii, 7 Aulae-Magister, 8
Pocillator (pincerna), 9 Dapifer, 10
Thesaurarius, 11 Archi Cubicularius 12
et Stabuli-Magister: 13

His subordinantur Noblies Aulici, 14
Nobile Famulithum, 15
cum Cubiculariis, et Cursoribus, 16
Stipatores 17 cum Satellitio.

Legatis Exterorum 18 praebet aures
solenniter Aliorsum, ablegat Vicarios suos,
Administrators, Praefectos, Quaestores
et Legatos, quibus subinde mittit Mandata
nova per Veredarios. 19

Morio 20 ludicris actionibus risum
movet.

Король (1) в королевском
блеске восседает на своем
троне (2), в великолепном одеянии (3),
увенчанный короной (4), держа в руке
скипетр (5), а вокруг него придворные.

Главнейшие между ними
следующие: канцлер (6) с советниками
и секретарями, начальник королевской
охраны (7), гофмейстер (8),
мундшенк (9), стольник (10), казначей (11),
спальник (12), шталмейстер (13).

Ниже их стоят гоф-
юнкера (14), пажи (15) с камердинерами
и скороходами (16), телохранители (17)
с помощниками.

Чужестранным послам (18) он дает
торжественную аудиенцию.

В другие места он посылает своих
наместников, управителей, начальников,
казначеев и представителей, которым потом
посылает новые приказы через курьеров (19).

Шут (20) забавными поступками
вызывает смех.

— Каково же было твое стремление, учитель?

Ян ответил:

— Ваше Величество, я мечтаю, чтобы ни один человек не вырождался в нечеловека. Ведь единственная причина стольких падений — это слепота ума. Освободите человеческий разум от притупляющей его темноты, и он сразу поймет свое величие. Поэтому я верю, что надо всех и каждого научить любить насущную жизнь так, чтобы все последующее за ней тоже было для них жизнью, а не смертью. Именно сейчас, когда мир пресмыкается в убожестве, я хотел бы позаботиться о том, чтобы школы были созданы везде, для пользы всего человечества, с одной только целью — восстановить образ Бога в людях. Естественно, для этого нужны универсальные орудия воспитания — книги, а также универсальные учителя, которые сумели бы наставлять всех всему и всесторонне. Это были бы мастерские добродетелей, в которых совершенствуются все граждане, чтобы каждый человек шаг за шагом поднимался бы от колыбели к своему жизненному расцвету.

Король помолчал, осмысливая идеи Яна, и затем сказал:

— Это достойные планы, учитель! Но вряд ли им суждено осуществиться сейчас, когда мы окончательно побеждены, — сказал с грустью бывший король.

Ян ответил:

— Бог наказал нас за ослушание, за недостаточное рвение в наших первичных порывах. Я наказан в числе других. Я потерял любимую жену, двоих детей и родину. Какой урок извлечь из происходящего? Учиться и стать благоразумнее. Приумножать порядок, любовь в себе и особым образом воспитывать наилучшие качества в детях, ибо если ничего не предпринять, то грядущее будет еще хуже. Теперь мы в изгнании, однако перед нами появилась надежда.

Король удивился:

— Какая надежда? Я ничего не вижу.

Ян ответил:

— Я здесь, чтобы сообщить Вашему Величеству о предсказании мастера дубильных дел Кристофера Коттера из Спратау. Его пророчество многократно оправдалось. Ему верят наши старейшины.

— Я знаю Коттера, — сказал король, — что же он увидел на этот раз?

Ян ответил:

— Он увидел ваше скорейшее возвращение на престол Богемии. Он пишет об ангелах, которые убедительно указали ему, что вы готовитесь к новому сражению и ваши соратники помогают вам.

Это известие вызвало бурный хохот пьяного курфюрста.

— Как мне вас жаль, — воскликнул он.

Однорукий рыцарь выскочил вперед и выпалил:

— Ваше Величество, прикажите, и я немедленно отдам свою жизнь за вас! Отправьте меня в бой прямо сейчас!

Король махнул рукой:

— Да постой ты, Кристиан. Никто не идет бой. Наша война проиграна. Мы побеждены, и реформация в Богемии отступает. Никто не способен сразиться с имперскими войсками. Мы нищие. Нам негде брать армию. Нам осталось лишь доживать свои жалкие дни в изгнании, осушая бокалы пива и заглушая боль вином... Или, когда его у нас нет, то пивом...

Карлик принес королю полный бокал, весьма кстати.

Ян присел... Он подозревал, что, возможно, предсказания Коттера не верны, но в глубине души надеялся, что увидит бодрого и готового к бою Льва-Короля, который спасет его родину.

Но это было ошибкой...

Однако...

— Постойте, — сказал Ян с тяжестью на сердце, — старейшины верят ложному предсказанию и убеждены, что скоро вернуться на родину. Им даже лазутчики принесли весть о том, что война закончена, испанские солдаты уходят на родину и Фульнек уже освобожден...

Король удивился:

— Что ты сказал, пастор? Какие лазутчики.

Тут курфюрст с размаху ударил кулаком по столу так сильно, что тарелки перевернулись и закричал:

— Какой он коварный! Чтоб он горел в аду!

Ян удивленно спросил:

— О чем вы? Кто коварный?

Король тоже не понял:

— Кого ты обвиняешь, Георг?

Курфюрст ответил:

— Я обвиняю Ришелье...

Король приказал:

— Сообщи нам, что тебе известно.

— Этот хитрый кардинал — настоящий змей. Он хочет помочь Фердинанду продолжать войну. Его цель — разорить империю. Он хочет видеть всю Европу в руинах во славу французского короля, которому он служит, как верная собака. Вот какой у него план: он намеренно усыпляет бдительность всех протестантов, чтобы напасть на незащитных людей и уничтожить всех до одного.

Ян почувствовал, как обливается холодным потом.

Король спросил:

— Откуда тебе известно это?

— Не только у Ришелье есть шпионы. Я тоже слежу за врагом. Мои люди мне сообщили, что предсказание вашего Коттера куплено золотом. Он продан. Кардинал Лохелиус тоже куплен. Сам Ришелье посвятил его в магистры ордена друзей Священного копья на недавнем капитуле в Мон-Сен-Уриеле. Мне также известно, что куплен граф Валленштейн. Ему обещали право распоряжаться награбленным имуществом протестантов, если он наймет десятки тысяч солдат и возглавит армию. Знайте, что он уже идет на ваш Брандис над Орлицей. Теперь вам надо спасать своих братьев. Армия может напасть буквально завтра. Хотя

как вы успеете? До Брандиса, наверно, десять дней пути... Ваши братья обречены... Иди принеси мне пива, дурак!

Ян весь дрожал от ужаса:

— Мы в ловушке! Нас обманули. Как же быть? Как спасти братьев?

— Никак, — ответил курфюрст, — мы бессильны против Ришелье. Он будет поддерживать нашу религиозную рознь, и поэтому он будет поддерживать императора Фердинанда, пока мы не перебьем друг друга. Потом он поможет шведскому королю Густаву Адольфу в его походе против императора Фердинанда. Европа будет в руинах, а Франция получит выгоду. Все плохо, пастор. Тебе лучше остаться с нами и пить... Бери бокал и забудь-ся, как это делаем мы...

Карлик придвинул Яну бокал с пивом.

Ян посмотрел в густую шипучую жидкость и ответил:

— Благодарю вас, но я поспешу спасти свой народ.

Курфюрст ответил с усмешкой:

— Как скажешь, герой. Потом сообщи нам, как ты преодолеешь путь в десять дней за одну ночь. Спасать ведь надо прямо сегодня вечером. Валленштейн ведет армию на Брандис.

Тут совершенно неожиданно вмешался Ясем:

— Учитель, у меня идея.

Все с удивлением посмотрели на мальчика, который все это время молча сидел в углу вместе с Эрастом.

Король его даже не заметил.

— Кто это? — спросил он.

Ян ответил:

— Ваше Величество, это Ясем, мой ученик. Он сын героя битвы под Белой Горой, Подебрада.

Однорукий рыцарь Кристиан Брауншвейгский воскликнул:

— Я знал Подебрада! Он был истинным и храбрейшим воином. Сынок, ты должен гордиться своим отцом!

— Кто же этот второй мальчик? — спросил король.

— Это мой второй ученик. Его зовут Эраст, — ответил Ян, — он один из сирот-близнецов из Нивница.

— Понятно, — сказал король и обратился к Ясему, — итак, сын героя, что же ты хотел сказать нам?

Ясем набрался смелости и сказал:

— Ваше Величество, слушайте, у Эраста есть близнец, его зовут Бенедикт. Он сейчас в Брандисе. А Эраст здесь.

— Да, — сказал король, — и что из этого?

— Дело в том, Ваше Величество, — продолжал Ясем с волнением, — что Эраст и Бенедикт могут общаться мысленно. Это значит, что Эраст думает, а Бенедикт слышит его мысли. Мы это не раз проверяли. Это могут подтвердить и кучер Кошичек, и Зла-тоуст, они были тому свидетелями, да и сам учитель знает...

— И что из этого? — спросил король.

— Пусть Эраст мысленно скажет своему брату, Бенедикту, что враг наступает и надо бежать из Брандиса немедленно. Бенедикт его услышит и сообщит старейшинам. Тогда они ударят во все колокола, и народ немедленно покинет Брандис, как мы покидали Фульнек.

Король Фридрих посмотрел с удивлением сначала на Ясема, потом на Яна, потом спросил:

— Это правда?

Ян, которого восхитил этот план спасения братьев, ответил:

— Бог действительно наделил близнецов способностью чувствовать и слышать мысли друг друга на расстоянии. Если воспользоваться этой способностью...

— Не может этого быть! — воскликнул курфюрст. — Но если такое происходит, то мы имеем дело с чудом!

— Вот, смотрите! — сказал Ясем и подошел к Эрасту. — Скажи нам, Эраст, что делает твой брат Бенедикт прямо сейчас?

Эраст тупо смотрел на Ясема и молчал.

Ясем в нетерпении потряс его за плечи:

— Скажи, что он делает прямо сейчас? Ты же чувствуешь брата!

Эраст испуганно озирался, словно язык проглотил.

Ясем не выдержал и накричал на мальчика:

— Что с тобой? Говори немедленно, не то я тебя...

Тут Эраст разрыдался от напряжения.

Ян понял, что надо вмешаться:

— Постой, Ясем, подожди. Ему надо успокоиться.

— Да ему надо пиво в шею залить, — закричал курфюрст, — ничего он не может! Никто не способен посылать и слышать мысли.

Ян обнял мальчика. Тогда он сразу успокоился и сказал:

— Бенедикт только что проснулся. Он спал в конюшне на сене, где мы всегда ночуем.

Король и его приближенные недоуменно глядели на мальчика.

Ясем радостно крикнул:

— Видите? Видите?! Они посылают мысли.

— Подожди, Ясем! — сказал Ян и обратился к Эрасту. — Мальчик мой, давай мы с тобой успокоимся.

— Хорошо, — сказал Эраст.

Ян продолжил:

— Теперь спроси Бенедикта, какая обстановка сейчас в Брандисе?

Эраст помолчал и ответил:

— Все спокойно. Народ ходит себе по улицам. Старейшины составляют план возвращения.

— Хорошо, — сказал Ян, не обращая внимания на пораженные лица вельмож за столом, — теперь скажи своему брату, что мы в Гааге у Его Величества Фридриха.

Несколько мгновений спустя Эраст ответил:

— Он говорит, что тоже хочет с нами.

Ян сказал:

— Эраст, друг мой, давай успокоимся полностью. Теперь скажи своему брату, что мы точно знаем: война не закончена,

Валленштейн ведет армию на Брандис! Надо срочно бежать! Срочно! Так и передавай.

Эраст неожиданно заволновался:

— Учитель, я переживаю... сбиваюсь и... сейчас попробую...

Ян успокоил мальчика:

— Эраст, ты настоящий герой! В твоих руках судьба всех беженцев. Надо, чтобы Бенедикт все передал старейшинам и архиепископу Кириллу.

— Я постараюсь.

— Давай садись, мой мальчик, — сказал Ян, — не волнуйся, не переживай и поговори со своим братом в Брандисе.

Эраст кивнул, помолчал и сказал:

— Он все услышал.

— Отлично, — сказал Ян, — теперь будем молиться, что старейшины поверят мальчику...

* * *

Проснувшись в конюшне, Бенедикт долго размышлял о тревожных снах, и чем дальше он думал, тем тревожнее становилось ему на душе. Сначала он почувствовал, что надо что-то сделать, потом это чувство переросло в некоторый непреодолимый порыв, и тогда он вскочил и побежал в храм.

Старейшины спокойно обсуждали план возвращения на родину, находясь в полной уверенности, что война закончена, а дружеская армия уже в пути.

Дверь храма отворилась со скрипом, а затем с грохотом хлопнулась.

В дверях стоял Бенедикт.

Кирилл прервал слово.

Все посмотрели на мальчика.

— Что случилось, сынок? — спросил мальчика Кирилл.

— Мой брат Эраст...

Ланецкий понял, что происходит что-то особенное. Он подошел к мальчику и сказал:

— Сынок, можешь говорить смело.

Бенедикт сказал, дрожа от волнения:

— Мой брат говорит мне, что к Брандису приближается армия. Они нападут на нас на рассвете. Надо немедленно бежать!

Архиепископ Кирилл нахмурился и сказал:

— Мальчик, где твой брат? Почему он сам не скажет нам об этом?

— Потому что он в Гааге, вместе с учителем.

— Как же твой брат говорит с тобой из Гааги? — возмутился Кирилл.

Бенедикт не нашел что ответить и расплакался.

Ланецкий сказал ему:

— Успокойся...

Но Бенедикт уже не слушал его. Рыдая, он выбежал из храма.

Златоуст, который сидел среди старейшин, побежал за ним и догнал мальчика у пекарни.

— Постой, скажи мне, что происходит?

Бенедикт сказал:

— Преподобный Златоуст, я говорю правду, а мне не верят.

— Что же ты говоришь? Пожалуйста, повтори мне.

— Эраст из Гааги говорит, что Брандис в опасности. Какой-то Валленштейн ведет сюда армию. Завтра они нападут на нас. Надо бежать, иначе будет беда. Все это хочет передать нам учитель Ян Любящий.

Златоуст сказал:

— Я тебе верю! Пойдем обратно в храм. Я постараюсь убедить старейшин.

Вернувшись в храм, Златоуст взял слово и сказал:

— Братья мои, мы были в пути, направлялись в Лешно, когда Кошичек, кучер его величества, доказал нам, что Эраст и Бенедикт имеют чудесную способность слышать мысли друг друга. Случилось так, что Эраст поехал с Яном в Гаагу, а Бенедикт — сюда. Теперь Ян в Гааге с Его Высочеством Фридрихом Пфальцским. Он узнал, что война продолжается, на нас надвигается огромная ар-

мия и нам надо немедленно бежать в сторону Польши, чтобы спастись. Ян нашел путь сообщить нам это, используя способность близнецов. Это и хочет сказать нам мальчик.

Бенедикт со слезами на глазах и с огромной благодарностью смотрел на Златоуста.

— В это невозможно поверить! — воскликнул архиепископ Кирилл.

— А мы можем проверить, — сказал Ланецкий.

Все посмотрели на него с удивлением.

Ланецкий подошел к мальчику и сказал:

— Бенедикт, ты можешь прямо сейчас сообщить своему брату кое-что?

Бенедикт вытер слезы и кивнул.

— Тогда попроси его спросить Яна, что я сказал ему на ухо прямо перед отправлением из Брандиса? Это никто не слышал и никто не может знать, кроме меня и самого Яна.

Мальчик помолчал.

— Вы сказали, что где бы то ни было, даже на чужой земле, мы будем петь песнь Господню.

Ланецкий медленно повернулся к архиепископу.

— Это правда...

Старейшины смотрели на мальчика в крайнем изумлении.

Несколько секунд в храме стояла полная тишина.

Наконец архиепископ воскликнул:

— Бейте во все колокола! Надо бежать! Бог посылает нам новое испытание...

* * *

Ян и Златоуст стояли на небольшой возвышенности над польским городом Лешно. Прибывали все новые и новые толпы беженцев.

Ян сказал:

— Как нам петь песнь Господню на земле чужой?

Златоуст ответил:

— Это спасенный тобой народ, брат мой. Если бы не твое мужество, то они все погибли бы.

— Не без тебя, дорогой Златоуст, — сказал Ян, — однако мы были бы бессильны, если бы Бог не послал нам чудесных учеников. Ясема, который видит будущее, и близнецов, которые читают мысли друг друга.

Златоуст ответил:

— Говорят, что Лохелиус был в ярости, когда увидел опустевший Брандис. Но теперь все только о том и говорят, что война будет продолжаться десятилетиями.

— Миром владеет Люцифер, а народы все больше удаляются от Бога, утопая в эгоизме, самоутверждении и в отчуждении, — сказал Ян, — без Бога человек погибнет. Единственный путь для исправления всех дел человеческих — возвращение к Богу. Для этого я построю здесь новую школу. Пусть она станет примером школы радости.

— Я же разочарован этим жестоким миром, брат мой Ян. Я хочу проститься с этим миром, ибо он огорчает и не утешает, грабит и не отдает обратно, обвиняет без причины, убивает без приговора и погребает без смерти. Нет в нем ни единой радости без печали, мира без несогласия, любви без подозрения и спокойствия без страха. Здесь верят лукавым, а правдивых и честных лишают всего. Кто здесь делает то, что надлежит? Здесь осталось место лишь для безбожников. Честолюбцы получают почести, чванливые добиваются милости у князей, скрягам достается сокровище, а обжорам и развратникам — наслаждение и сладострастие. Кто доверится этому миру, будет обманут. Поэтому я хочу посвятить себя молитвам, удалившись в горный монастырь, чтобы укрыться от суеты людской. Я буду молить Бога о спасении этого мира, может быть, хотя бы так я смогу помочь тебе исправлять дела человеческие, брат мой. Благослови меня.

Ян ответил:

— Я благодарен тебе, Златоуст, за откровенность и благословляю тебя! Буду молиться за тебя! Сам я надеюсь, что найду

здесь, в Лешно, место для пристанища, где мы будем жить праведной жизнью и строить наше будущее... О каком будущем я говорю? Вспоминается гибель героя Подебрада. Я его исповедовал перед смертью. Когда он покидал бренный мир, я хотел проводить его и невольно оказался в некотором промежуточном пространстве между мирами. Там я увидел покидающего нас Подебрада, который растворился в свете. Тогда у меня появились неопределенные мысли, которые я даже не смог изложить. Меня осенило, и я вдруг осознал, что наша земная жизнь есть подготовка к жизни вечной. Я говорю об этом будущем! И это самая лучшая цель, которую человек может определить себе. И я хотел бы видеть будущее поколение детей, которые пронизаны этой идеей. Я хочу во имя Бога написать трактат «Всеобщая мудрость». В нем искусно будет изложено, как можно достичь счастья в этой и будущей жизни с помощью знания и веры, деяний и надежды. Я не перестану работать, пока не найду определенный и неизменный метод. Я буду просить у Бога сил для служения этой цели. Благослови и ты меня, брат.

— Я буду молиться за тебя. Благословляю тебя, брат мой!

Они обнялись. Перед тем как пойти своей дорогой, Златоуст задумчиво спросил:

— Ян, скажи, по твоему мнению, что такое жизнь?

Ян даже растерялся. Как ответить на такой сложный вопрос? Как определить жизнь коротко и ясно, в одном предложении?

Вдруг ответ пришел к нему откуда-то издалека, словно ангелы подсказали...

И он о-отв-в-ве-е-ети-и-и...

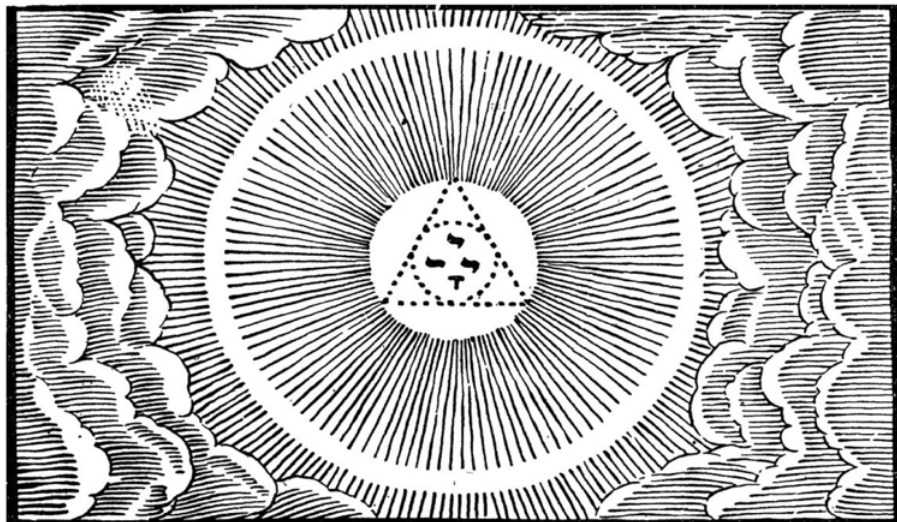
15. Школа, от начала и до конца веков

Последнее слово растянулось в устах профессора, гласные поплыли, голова поникла, глаза закатились, и он замолк...

Секретарша засуетилась. Набрала номер скорой и приготовила шприц.

Deus.

Бог.

Dues est ex seipso, ab aeterno, in aeternum. Ens perfectissimum et beatissimum.

Essentia, Spiritualis et Unus. *Hypostasi*, Trinus. *Voluntate*, Sanctus, Justus, Clemens, Verax.

Potentia, Maximus.

Bonitate, Optimus.

Sapientia, Immensus.

Lux, inaccessa; et tamen omnia in omnibus. Ubique et Nullibi. *Summum Bonum*, et Bonorum omnium Fons solus et inexhaustus.

Omnium Rerum, quas vocamus *Mundum*, ut Creator, ita Gubernator et Conservator.

Бог исходит из самого себя, от вечности в вечность. Существо совершенное и всеблаженное.

Сущность духовная и единая. В лицах троичен. Волею свят, справедлив, милостив, правдив.

Могуществом величайший.

Благостью всеблагий.

Мудростью неизмерим.

Свет неприступный, и, однако, все во всем. Везде и нигде. Высшее благо и всяких благ источник единый и неисчерпаемый.

Всех вещей, которые мы называем мир, как творец, так и правитель и хранитель.

— Помогите, его надо вывезти на свежий воздух! — сказала она мне.

Засуетились и мы. Я увидел, что господин Вихонекровский совсем побледнел, и мне показалось, что он уже и не дышит.

Скорая приехала очень быстро. Увидев состояние больного, врачи сразу поместили его в карету и увезли.

Секретарша поспешила за скорой.

Они скрылись за поворотом. Остались мы, озеро и тишина.

Тамара сказала:

— Я поставила запись.

Я ответил:

— Спасибо! Он рассказал нам целую захватывающую книгу, но не успел досказать последнюю фразу...

В тот вечер нам позвонила секретарша и сказала, что профессор скончался в больнице, не приходя в сознание.

* * *

Несколько дней спустя крылатое дуло пушки уносило нас обратно в Москву. Третье кресло в нашем ряду было пустым. Я поглядывал на это кресло и вспоминал, что на пути в Прагу в этом кресле сидел профессор Вихонекровский.

С Тамарой мы обсуждали многочисленные сочинения Коменского.

Потом я заснул и увидел сон, который был очень похож на реальность.

Мне явился Ясем. Он приплыл по реке времени и сел рядом со мной на пустое кресло.

Странно, что я воспринимал его своим близким другом, которого я давно знал, и спросил его:

— Я знаю, ты много путешествуешь по реке времени.

— Да, — ответил он, — с одной целью. Я хочу найти время, где послания учителя правильно восприняты и воплощены в жизнь.

Ты нашел такое время? — спросил я.

Он улыбнулся как-то таинственно и ответил после долгой паузы:

— Нельзя рассказывать про прошлое или будущее.

— Так ли? — спросил я. — Ведь профессору Вихонековскому ты рассказал про прошлое время? Я догадался, что ты нашел способ общаться с ним, и ты рассказал ему все про прошлое, про эпоху и жизнь твоего учителя. Ведь это был ты? Он называл тебя очевидцем.

— Да, это был я, — признался Ясем, — но у меня был серьезный повод рассказать ему все.

— Какой же?

— Я хотел, чтобы он распространил эти знания в своем времени. Он это сделал. Теперь и ты пишешь книгу.

— Так я могу написать книгу и о будущем тоже.

— Нет, рано, — ответил Ясем, и я понял, что он собирается уплыть.

— Постой, — остановил я его, — дай задать последний вопрос.

— Ну, спрашивай!

— Известно ли тебе, как определил жизнь твой учитель, когда прощался с Златоустом на горе над Лешно?

— Конечно, — ответил Ясем.

— Это ты можешь сказать?

— Это могу...

Тут меня разбудила стюардесса:

— Что желаете, чай или кофе?

А я ей в ответ:

— Жизнь человека — это школа, от колыбели и до вознесения на небеса.

Стюардесса вытаращила на меня глаза, а Тамара сказала:

— Да! Какая чудесная концовка книги!

Список иллюстрации

Бог (Deus)	277
Внутренность города (Interiora urbis)	157
Город (Urbs)	259
Государство и страна (Regnum et regio)	13
Детские игры (Ludi pueriles)	151
Душа человека (Anima hominis)	229
Езда (Vectura)	128
Игра случая (Ludus aleae)	180
Искусство письма (Ars Scriptoria).	40
Казни преступников (Supplicia Manificorum)	188
Как производится мед (Mellicium)	24
Книга (Liber).	48
Королевское величие (Regia majestas)	265
Мир (Mundus)	193
Мудрость (Prudentia)	112
Небо (Coelum)	117
Огонь (Ignis).	34
Пивоварение (Zythopoeia)	136
Погребение (Sepultura).	68
Провидение божье (Providentia dei).	176
Сапожник (Sutor)	199
Семейный союз (Societas parentalis)	54
Хлебопечение (Panificium).	59
Христианство (Christianismus)	89
Человек (Homo)	212
Человечность (Humanitas).	75
Школа (Schola)	26

Оглавление

Часть первая	3
1. Десять тысяч метров над XVII веком	3
2. Обратитесь, или будете истреблены.	5
3. Ради новой школы надо убрать старую	19
4. Пражский аэропорт	39
Часть вторая	42
1. Пять тысяч книг о том, как верить в Бога	42
2. Грезы Ясема	49
3. Война и Вера	56
4. Грамматика божественной речи	69
5. Рай сердца	74
6. Общий собор	88
7. Горе тому, кто соблазнит одного из малых сих	106
8. Мир чувственных вещей в картинках	118
Часть третья	122
1. Туман Средневековья	122
2. Перед лицом тяжелого испытания	124
3. Даром получили, даром давайте	134
4. Да не разумеет плотский человек дел Божиих	144
5. Предаст же брат брата насмерть и отец — сына	152
6. Зачем Всеблагий нас наказывает?	158
7. Священное копье Лонгина	165
8. Как Сатана правит религией	170
9. Красота и блеск богопочитания	175
10. Суд над тьмой	191
11. Первый инквизитор — Бог, первый акт конфискации имущества — изгнание Адама из рая	209
12. Да спасет Благой его душу!	220
13. Война кормит войну	230
14. Его Величество, король на зиму	243
15. Школа, от начала и до конца веков	276
Список иллюстраций	280

Я мечтаю о будущем, когда весь род человеческий будет жить под управлением любви. Но само собой ничего не будет. Мы должны построить это будущее! Для этого нам надо воспитать строителей - лучших людей.

Ян Амос Коменский